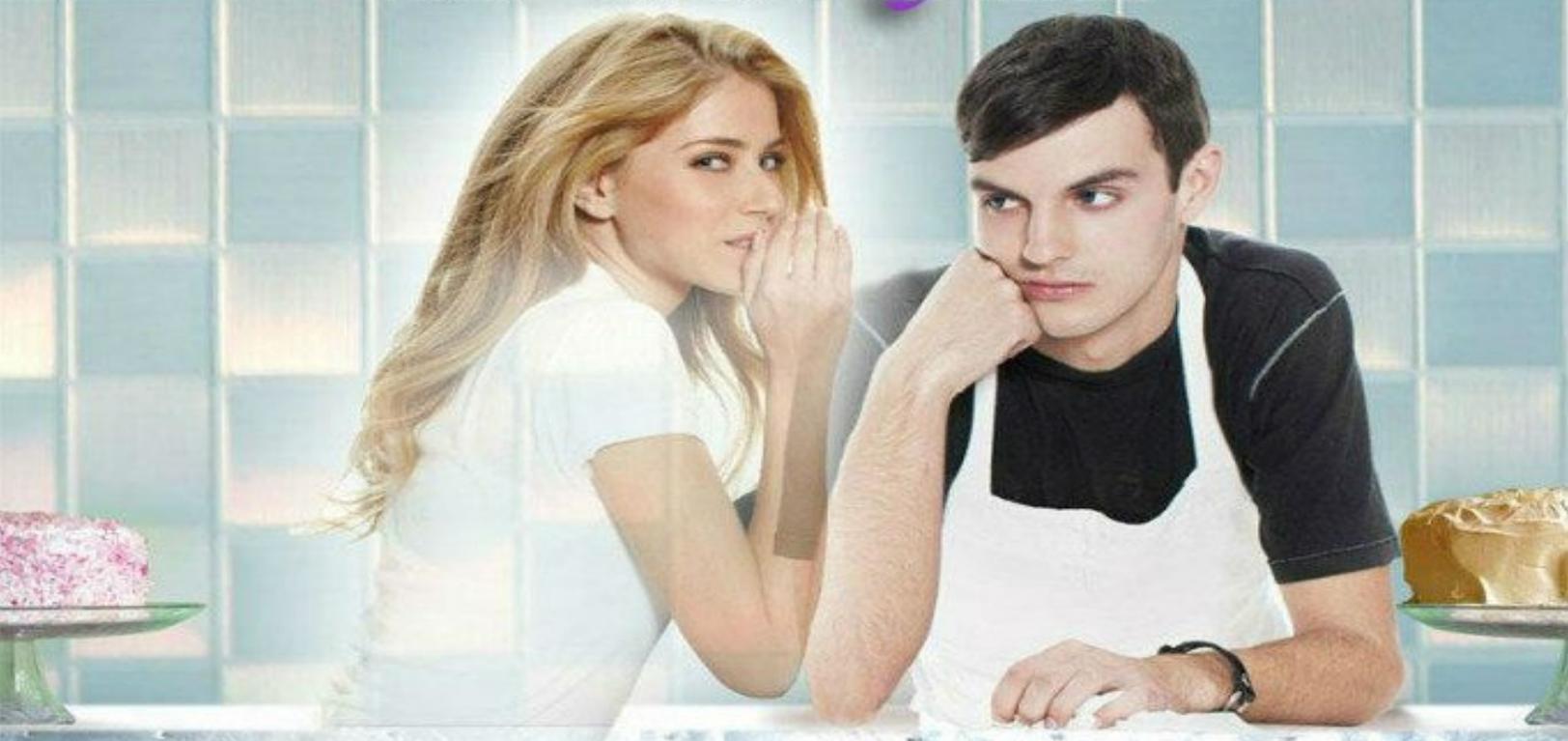

СТЕЙСИ КЕЙД

*Королева
Мертвых*

Роман "Призрак и Гот", часть 2

http://vk.com/stacey_kade

Отосланная от света, Алона Дэа — бывшая Королева Выпускного Бала, а теперь Королева Мертвых — делает то, чего никак не ожидала: работает. Вместо того чтобы загорать у бассейна (чем она обычно занималась летом, будучи... ну, вы знаете, живой), Алона должна удовлетворять нужды других потерянных духов, «помогая» им через Уилла Киллиана: социального изгоя, провидца мертвых, и того, о ком Алона волнуется больше, чем ей хотелось бы самой. Прежде чем Алона успевает решить, кто же для нее Уилл — «друг» или нечто большее, на нее сваливается очередная проблема. Мама выкидывает из дома ее самые ценные вещи, а отец ждет дочурку от новой жены. Неужели семья Алоны уже оправилась после ее смерти и спокойно живет дальше? Но она же умерла всего каких-то пару месяцев назад! К счастью, Алона знакома с парнем, который может положить всему этому беспределу конец. Только вот у Уилла другие планы на уме, и Мина, молодая (и красивая) провидица, занимает в них первое место. Она первая встреченная Уиллом говорящая с призраками, если не считать его отца, и может быть, у нее есть ответы на вопросы о его прошлом. Но можно ли ей доверять? Алона, не задумываясь, ставит галочку в графе «конечно же, нет». Однако Уилл горит желанием во всем разобраться, даже если при этом придется предоставить обиженную и злую Алону с ее затеями самой себе — а это далеко не хорошая идея.

Стэйси Кейд

Королева Мертвых

книга 2

Мама и папа, спасибо за то, что не уставали читать мне "Вперед, собака, вперед!" [\[1\]](#) и "Маленький домик в прерии" [\[2\]](#), за все походы в библиотеку и книжный магазин и за то, что не пугались, когда я хотела читать лишь о привидениях, ведьмах и других ужасниках. И отдельное спасибо за разговоры по телефону и в чатах. Люблю вас, ребята!

Глава 1 (Уилл)

По телевизору можно увидеть, как говорящие с призраками управляют антикварными магазинами, расследуют преступления или, стоя на сцене в красивом костюме, улыбаются слезливым зрителям широкой, но в то же время сочувствующей улыбкой.

Я же уже с час как прячусь в спутанных колючих кустах с все более и более раздражающимся духом-проводником, ожидая призрака, который может, вообще не появиться.

Особняк Гибли в исторической части Декатура практически рассыпался на глазах и был "приговорен" под снос завтрашним утром. Это означает, что у миссис Руц остался единственный вечер, чтобы примириться с местом, в котором она большую часть своей жизни проработала экономкой. Вот мы и ждали (и ждали, и ждали) ее в восточной части дома, прячась в запущенном саду роз, где она отдала концы двадцать с лишним лет назад, копая ямку для нового куста.

К сожалению, призраки далеко не всегда делают то, чего от них ожидаешь.

— Ну, теперь мы можем идти? — пихнула меня локтем раздосадованная Алона. — Я писать хочу.

Очень показательно.

Я взглянул на нее. Она где-то с месяц ничего не ела и не пила, так что весьма сомневаюсь в том, что ей нужно по-маленькому. К тому же, никогда не слышал, чтобы призраки ходили в туалет, если, конечно, не умерли там. (Нет, я никогда не встречал Элвиса, так что это только догадка).

— Мне холодно? — предприняла новую попытку Алона, правильно поняв мой взгляд.

Это хотя бы возможно, особенно учитывая то, в чем она одета. Алона Дэа, бывшая Королева Бала, капитан группы поддержки, модница и первая насмешница школы Граундсборо умерла в физкультурной форме — коротеньких красных шортах и дешевой белой футболке. Если вы не верите в карму, то уже только из-за этого одного стоит пересмотреть свои убеждения.

Но сейчас стоял вечер жаркого июньского дня, и я все еще ощущал идущее от земли тепло, так что Алоне, скорее всего, было гораздо комфортней, чем мне, в джинсах и рубашке, которые я надел, чтобы защититься от колючих кустов.

— Ладно, — досадливо выдохнула она. — Я мертва и мне до ужаса скучно. Сколько нам еще ждать?

— Она появится, — прошептал я. — Скоро. — Я постарался сказать это с большей уверенностью, чем ощущал в данный момент.

— А чего ты шепчешь? — нахмурилась Алона.

— Потому что в отличие от тебя, меня могут арестовать.

Боясь, как бы в особняке напоследок не развлеклись хулиганы и вандалы, городские власти заколотили все окна, развесили сотни знаков "ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН", весь периметр обтянули сигнальной предупредительной лентой и нанял охранников для регулярного патрулирования. Мы пробрались на территорию особняка, когда охранники менялись сменами.

Алона отмахнулась.

— Этот Соня и свою собственную задницу-то не поймает, пересядь она на сидение рядом.

Наверное, она права. На самом деле, именно на это я и рассчитывал. Соня, как прозвала Алона дежурного полицейского, дрых за рулем своей машины, припаркованной на подъездной дорожке в двадцати футах отсюда. Из открытого окна слышался громкий храп. Надеюсь, он не проснется, пока мы не закончим тут дела с миссис Руц, если она конечно появится. Иногда призраки, столкнувшись с тем, что нужно окончательно и бесповоротно решить свои земные проблемы, паникуют.

— Ты, случаем, не хочешь узнать, во сколько она умерла? — спросила Алона с таким сарказмом, что становилось понятно: она и так знает ответ.

— Нет. — И это мое упущение. Но миссис Руц застала меня врасплох в продуктовом магазине. Мне и так непросто было узнать у нее, что она хочет, не пугая при этом стоящих рядом покупателей, включая и свою маму.

— Я бы узнала, — пробормотала Алона.

— Тебя невозможно было дозваться, — сквозь сжатые зубы ответил я.

Для мертвого человека Алона вела активную общественную жизнь. Вечно шпионила за мамой, новой семьей отца и друзьями. Я был против этого, предупреждая, что ни к чему хорошему это не приведет, и советовал вместо этого общаться с другими призраками.

С последним у нее явно были проблемы. Большинство призраков так быстро забирает свет, что они не заморачиваются дружбой с теми, кто застрял в месте, которое я называю междумирьем. Те же, кто задерживаются тут надолго, слишком зациклены на том, что их здесь держит — несправедливости, безответной любви, поиске их убийцы и так далее и тому подобное, — чтобы с ними было приятно общаться долгое время.

Но думаю, дело не только в этом, а еще и в том, что Алона нелегко сходится с людьми. При жизни она просто собирала единомышленников. Между ними и друзьями есть огромная разница, что она и обнаружила, умерев два месяца назад и услышав, как ее бывшие "дружки" поливают ее грязью.

Около нее крутилась парочка призраков — например, утонувшая девчонка из Милликена, расхаживающая с озерными водорослями в волосах и оставляющая мокрые следы почему-то только от левой ноги. Я порой задавался вопросом, не хотят ли они сдружиться с Алоной только для того, чтобы занять место повыше в списке призраков, которым мы с ней пытаемся помочь. Порой мне казалось, что Алона думает о том же.

Однако нужно отдать ей должное — она старалась, хоть и пропадала иногда, когда была мне нужна, как в магазине с миссис Руц. Если бы я так хорошо ее не знал, то подозревал бы, что она специально подстраивала свои исчезновения, напоминая мне ими, как сильно я завишу от ее способности держать призраков на расстоянии от меня.

С месяц назад яркий свет вернул Алону, и теперь она помогает другим застрявшим в междумирье призракам, зарабатывая себе тем самым кармические очки (как назвать это по-другому — не знаю), которые позволят ей когда-нибудь уйти навсегда. Во всяком случае, такова моя теория. У меня складывается впечатление, что не все так просто с этим ярким белым светом. Алона наотрез отказывается говорить о проведенном там времени. Как она однажды мне сказала, ни у каких ворот никакой здоровяк в белой робе и сандалиях ее не встречал. Были лишь одни ощущения — и все.

Алона нетерпеливо поерзала.

— Зачем нам миссис Руц вообще? Мы что, не можем просто зайти, взять то, что нужно, и принести ей?

Я покачал головой.

— Она не сказала, что это. — Примириться со своим прошлым миссис Руц явно могла только при помощи какого-то спрятанного в доме предмета. — Так что если не хочешь обыскивать весь дом, заглядывая под каждую половицу и простукивая все стены...

— Ладно, ладно, — вздохнула Алона.

Она не успокоилась. Я практически видел, как крутятся колесики в ее голове. Хотя мы годы учились в одной школе, я общаюсь с Алоной лишь с того времени, как она умерла. Но этого достаточно, чтобы знать — так просто она не сдается.

Она вдруг встала.

— Что ты делаешь? — зашипел я.

Алона бросила на меня беспечный взгляд.

— Если мы остаемся, то мне нужно размяться. Я здесь два часа уже сижу. И Соня не увидел бы меня, даже если бы его глаза были открыты, — она посмотрела в направлении машины охранника, — а они закрыты.

Она обхватила руками лодыжку и подняла ногу к спине, слегка наклонившись вперед. Волна ее светлых волос соскользнула с плеча, и я почувствовал легкий цветочный запах ее шампуня.

Я отвел взгляд. У Алоны Дэа самые потрясающие ноги, какие я когда-либо видел. Длинные, загорелые, гладкие. Так и хочется дотронуться и убедиться, что они такие же потрясающие на ощупь. Я смаковал фантазии о ней и ее длинных ножках с шестого класса. И она знает об этом.

Я неловко заерзал, приклеившись взглядом к ближайшему сплетению веток и листьев.

— Если охранник увидит, как шевелятся ветки, прибежит сюда, — предупредил я Алону. Благодаря моему "дару", если его можно так назвать, Алона с остальными призраками обретают рядом со мной физические качества, такие же, как при жизни. Соня не может видеть ее, но уж точно заметит, что кусты шевелятся не от ветра.

— Для этого ему сначала нужно проснуться, — отозвалась Алона, подражая моим интонациям. Краем глаза я увидел, что она растягивает вторую ногу. У нее вырвался тихий довольный вздох.

Я с трудом сглотнул. Похоже, растяжка ей так же приятна, как и при жизни. И выглядит так же сногшибательно.

— Ну вот. Совсем другое дело. — Алона опустилась рядом со мной, сев ближе, чем раньше — прижавшись ко мне плечом и ногой.

Тридцать секунд назад я думал лишь о миссис Руц и том, как незаметно забраться и выбраться из дома. Теперь же я мог думать только двух точках соприкосновения наших тел.

Я повернулся к ней и наткнулся на ее взгляд. Она сидела так близко, так близко от меня.

— Что? — спросила Алона.

Я прочистил горло.

— У тебя... — Протянул руку и вынул застрявший в ее волосах листок. Светлые пряди

шелком проскользнули между пальцев. Я уже касался ее волос, даже зарывался в них пальцами, целуя Алону, и сейчас мне больше всего на свете хотелось повторить поцелуй.

— Спасибо. — Уголки ее губ изогнулись в понимающей улыбке, и я потерял голову.

Наклонился, потянулся к ее губам, словно притягиваемый какой-то таинственной силой, почти ожидая, что Алона меня оттолкнет.

Но она не сделала этого. Ее губы были теплыми и мягкими.

Я чуть выпрямился, не разрывая поцелуя и, обхватив ладонью ее затылок, притянул к себе ближе и снова зарылся пальцами в волосы.

Алона охотно отвечала на поцелуй, тихо постанывая. Я ощущал мягкость ее прижатого тела к своему. О боже, какая же она восхитительная!

Я на секунду оторвался от нее. Алона медленно приоткрыла глаза, одурманенная, но с толикой самодовольства на лице. Конечно же, она все это спланировала.

— А теперь ты снова попытаешься уговорить меня уйти? — спросил я хрипло, слишком хорошо понимая, что Алона знает мои слабые места и, не смущаясь, пользуется этим. Но сейчас не мне жаловаться.

Алона и не собиралась этого отрицать. Она наклонилась и чмокнула меня в уголок рта.

— Теперь я не умираю со скуки.

Это хорошо.

Приподнявшись на коленях и упершись ладонями в мои плечи, она покрыла мою щеку поцелуями. Кожу коснулось ее теплое дыхание и нежная ласка трепещущих ресниц. Ее запах окутал меня и переполнил желанием забыть обо всем, кроме нее одной. Эта девушка и сводит меня с ума, и вызывает желание заботиться о ней, как ни о ком другом. Она единственная поняла меня. Единственная, кто делает жизнь с даром более-менее сносной, даже если время от времени и мучает меня в процессе.

Я провел ладонью по ее спине вниз к бедру, к краю футболки. Алона не остановила меня, наоборот, прижалась, жадно прильнув своими губами к моим. Я скользнул рукой под футболку и погладил большим пальцем обнаженную теплую кожу на животе.

Алона резко отпрянула, схватив мою ладонь и удерживая ее на месте.

— Подожди.

Я покачал головой, пытаюсь собраться с мыслями в то время, как тело умоляло продолжать.

— Прости, я просто...

— Нет, — Алона сжала мою ладонь. — Я что-то слышу.

Плевать! — хотелось закричать мне, но я проглотил это слово.

Алона выпустила мою руку, осторожно поднялась и огляделась поверх кустов, скрывающих нас от глаз любого, кто бы ни прошел мимо.

— Это Соня? — прошептал я, пользуясь тем, что Алона отвлеклась и, поправляя штаны спереди. Если прямо сейчас придется бежать, то далеко я не убегу.

— Нет, — со странной ноткой в голосе отозвалась Алона. — Не он.

— Тогда что...

Она повернулась ко мне лицом, и я понял, почему у нее такой странный голос. Алона подавляла смех. И это даже было видно по ее лицу.

— Это миссис Руц, — сказала она и почти весело добавила: — Я так думаю.

А, теперь ясно. Алону не было рядом со мной, когда появилась миссис Руц, поэтому она впервые видела эту... женщину.

— Не смейся. Мы здесь, чтобы помочь.

Я опасливо встал и выглянул из-за кустов.

Алона была права. Прямо напротив нас с садовой лопатой в руке материализовалась миссис Руц. Она озиралась по сторонам, будто подыскивая подходящее местечко, чтобы вырыть яму, в которую и свалиться.

— Ты уверен, что это миссис Руц? — с восторгом прошептала мне на ухо Алона.

Ну да, да, миссис Руц была немаленькой женщиной и ничуть не... женственной. Она была здоровенной, с широкими как у шахтера плечами, и в бесформенном узорчатом платье походила на переодетого в женскую одежду мужчину. Сбивали с толку и весьма заметные усишки над ее верхней губой. И все же, она нуждалась в нашей помощи.

— Прекращай, — велел я Алоне, затем выбрался из заросших кустов, искоса поглядывая на Соню, к счастью, по-прежнему громко храпевшего. Алона последовала за мной.

Миссис Руц увидела нас и учтиво кивнула в знак приветствия. Взглянув на Алону, она нахмурилась, отчего обе ее брови соединились в одну густую и длинную. Я прямо ощущал, как Алону распирает от желания выдать что-нибудь ехидно-смешное.

— Некоторые люди не так зациклены на внешности, как ты, — тихо сказал я Алоне через плечо.

— Ага, на ее месте я бы тоже забила на свою внешность, — довольно громко ответила Алона.

— Сюда, — указала миссис Руц, когда мы приблизились к ней. Наградив Алону еще одним недовольным взглядом, она вскинула лопату на плечо и направилась к дому, не обращая внимания на Соню и его машину, словно их и не было тут.

— Прекращай это, — еле слышно сказал я Алоне, как только мы прошли мимо охранника и миссис Руц ступила на дорожку, ведущую к парадной двери.

— Ой, да ладно тебе. Даже ты не можешь винить меня в том, что на этот раз я не могу сдержаться.

— Я не шучу.

Задумчиво помолчав, Алона выдала:

— Ставлю десять баксов на то, что у нее на теле есть татуировка в виде якоря.

— Алона! — взмолился я так громко, как только мог себе позволить.

— Что? Видел ее?

Я злобно зыркнул на нее.

— стыдoba ходить с такими усищами — аллэ, есть такая штука как восковая депиляция! — и ты читаешь мне нотации...

Я ткнул пальцем вниз, показывая на ее ноги, мерцающие, как кадр из фильма, показываемого на испорченном кинопроекторе.

— Черт, — выдохнула она.

Состоя практически из одной энергии, Алона зависела от того, чтобы эта энергия оставалась позитивной, то есть хорошей. Что донельзя бесило Алону и немало развлекало меня.

— Она выглядит очень сильной и, наверное... отлично справлялась со своей работой, —

осторожно подбирая слова, сказала Алона. Уверен, что ей до смерти хотелось вставить что-то типа: как тяжело ей было удержать рядом хорошего мужика. Или: как удобно доить коров, когда ты можешь носить их везде с собой. — Умеешь ты все испортить, — обвинила она меня.

То, что она должна быть хорошей, не моя прихоть, а правило существования здесь, но Алона ненавидит, когда я ей об этом напоминаю.

— Всё? — спросил я, задержавшись взглядом на ее взъерошенных волосах и чуть припухших после наших поцелуев губах.

Щеки Алоны порозовели, но она, как всегда, закатила глаза и, пройдя мимо меня, направилась к ожидающей нас на крыльце миссис Руц.

Мило. Приму это за комплимент.

Я укрылся за одной из огромных старых сосен, в большом количестве растущих на переднем дворе, чтобы меня не было видно проезжающим мимо машинам. Как только Алона прошла сквозь твердую деревянную дверь, словно та была из тумана, я поспешил к крыльцу. Мое присутствие позволит ей обрести физические качества и открыть для меня дверь.

Только вот она ее не открыла. Прошло пять секунд. Десять. Я чувствовал себя открытым и незащищенным, стоя на крыльце и отлично видимый со стороны дороги. Наконец дверь, заскрипев, приоткрылась.

Из-за нее высунула голову Алона.

— Добро пожаловать в поместье Вонючая Дыра.

В прихожей пахло плесенью и запустением. Поцарапанный паркет хотя бы казался цельным и прочным, в отличие от разрушенных до арматуры в некоторых местах стен — не знаю, то ли это подготавливали дом для сноса, то ли он сам пришел в такое состояние. Закрывать дверь мне не удалось, она сдвинулась лишь на несколько дюймов. Видимо разбухла от жары и влажности. Зашибись.

Свежий воздух и немного света помимо фонарика, засунутого мной в карман в последний момент, конечно, не помешают, но любой, приглядевшись с улицы, заметит, что дверь в доме открыта.

— Нужно пошевеливаться, — сказал я.

— Сама знаю, — ответила Алона, с отвращением отступая. Она вытерла ладони с шорты, оставив на них пыльные следы, заметные даже при столь скудном свете.

— Куда она пошла? — спросил я. — Ты ей что-нибудь не то сказала?

— Почему ты первым делом обвиняешь во всем меня?

— Потому что обычно ты и виновата? — предложил я ей ответ.

— Сюда, — позвала нас появившаяся из теней за нашими спинами миссис Руц. Мы оба вздрогнули.

Она прошла мимо нас — все еще с лопатой на плече — к лестнице, которая, видать, раньше была грандиозной и величественной. Теперь же, с покореженными без стоек перилами и прогнившими ступеньками, она походила на какой-то жуткий беззубый оскал.

Я двинулся за миссис Руц.

— Подожди, — остановила меня Алона.

Я напрягся, решив, что она услышала что-то снаружи, но, обернувшись, увидел, что она всматривается в темноту первой комнаты справа от входной двери.

— Что такое?

— Дай мне фонарик, — хмуро попросила она.

Я зажег его и передал ей.

Алона провела лучом фонарика по разрухе в комнате. Это было что-то вроде кабинета или маленькой гостиной. В дальнем конце зиял чернильно-черный проход в кухню или другую комнату. Стены покрывали прямоугольные дыры — похоже отсюда убрали встроенные полки. На полу валялись истлевшие книги и... Нахмурившись, я подошел ближе.

— Что это? — задала Алона вслух вертевшийся у меня на языке вопрос.

В центре комнаты, на полу в пяти точках в равном удалении друг от друга были расставлены черные металлические коробки. Толстые провода тянулись от каждой из них к чему-то, похожему на переносной генератор.

Коробки выглядели старыми, все в вмятинах и зазубринах, с облупившейся черной краской. Грубо запаянные углы говорили о том, что они не фабричного производства. Кто-то их сделал сам.

— Может, это для сноса дома? — предположил я. — Взрывчатое вещество для подрывных работ. Ничего тут не трогай.

Алона раздраженно вздохнула.

— Это не высотка в Вегасе. Они будут его сносить, а не подрывать.

Я покачал головой. Что-то тут было не так.

— Не знаю. Давай сделаем все по-быстрому и уберемся прежде...

— Сюда! — донесся сверху голос миссис Руц. Мы с Алоной подпрыгнули. Бывшая экономка была недовольна, если не сказать — сердита.

— Она другие слова знает? — спросила Алона.

— Идем, — позвал я ее, забрал фонарик и пошел к лестнице.

Светя фонариком впереди себя, я нашел миссис Руц, ожидающую нас на первом изгибе ступеней.

— Сюда, — повторила она, и в ее голосе послышалось облегчение.

— Очаровательна и красноречива, — проворчала Алона у меня за спиной. — Умеешь же ты выбирать их.

— Посмотри на свои ноги, — так же ворчливо предупредил ее я.

— Заткнись, — рявкнула она и тут же рассыпалась в похвалах архитектуре и стилю дома ("Настоящий деревянный пол!"), так что я снова был прав.

Ступени скрипели и стонали под нашими ногами, но, слава богу, не ломались. Когда мы поднялись, миссис Руц повела нас по длинному и темному коридору. Двери по обе его стороны, вероятно ведущие в семейные спальни, были открыты. Свет едва проникал в комнаты из-под заколоченных окон, но я не хотел освещать их фонариком. Я понятия не имел, что могу увидеть, и, честно говоря, даже мой уровень пугливости зашкаливал. Если я загляну в одну из комнат и наткнусь на пялящееся на меня чье-нибудь личико, то могу и дать стрекача. Спасибо, но двух призраков рядом было больше чем достаточно.

Идущая впереди миссис Руц остановилась у последней двери справа — единственной закрытой.

Она глянула на меня через свое широкое плечо.

— Сюда, — сказала она, и Алона насмешливо прошептала то же самое слово мне на ухо.

Миссис Руц повернула дверную ручку и толкнула дверь. По дому эхом пронесся громкий скрип ржавых петель. Миссис Руц переступила порог комнаты и остановилась. Лопата соскользнула с ее плеча, с громким глухим стуком приземлившись металлическим концом на пол. Более чем крепкое тело экономки задрожало.

Что она там увидела?

Я прошел мимо нее в комнату, с идущей за мной по пятам Алоной, и причина странного состояния миссис Руц стала ясна.

По всей комнате валялись выдранные из пола деревянные доски, расщепившиеся, с опасно острыми углами. Пол покрывала обсыпавшаяся со стен штукатурка, сами же стены были испещрены множеством выбитых или вырезанных дыр. Тут явно кто-то что-то искал.

— А я тебе говорила, — прошептала Алона, намекая на свой план зайти в дом без миссис Руц.

Я проигнорировал ее.

— Миссис Руц, — позвал я, осторожно подойдя к экономке.

Она никак не отреагировала, не отводя глаз от царившей в комнате разрухе. Может быть, это ее спальня? Логично же, что нужная вещь находилась в когда-то принадлежавшей ей комнате.

— Миссис Руц, — снова обратился я к ней.

В этот раз она перевела на меня взгляд, и в нем горела такая ярость, что я невольно отступил.

— Ты, — процедила она сквозь стиснутые зубы.

— О, новое слово! — воскликнула Алона, которая прошла в глубь комнаты, чтобы осмотреться и заглянуть в, скорее всего, пустой шкаф.

— Нет, это сделал не я, — сказал я миссис Руц, пристально глядя на нее.

Но мои слова не возымели никакого эффекта.

— Я рассказала только тебе, — ответила она сиплым от ярости голосом.

Я примирительно поднял руки.

— Может, так все и выглядит, но кто-то еще...

Она снова закинула лопату на плечо, держа деревянную ручку лопаты на манер бейсбольной биты.

Вот черт. Обратная (и неприятная) сторона моей способности придавать призракам массу, вес и силу заключается в том, что взбешенные призраки могут попытаться меня убить.

Я медленно попятился.

— Алона?

Краем глаза я увидел, как она резко вскинула на меня глаза, услышав в моем голосе едва подавляемую нотку паники.

Вздыхнув, Алона пошла к миссис Руц, переступая и обходя дырки в полу с такой

грацией, будто каждый день только тем и занималась.

— Ладно, слушай, я знаю, что он бесит порой, но он не вор. Поверь мне.

Она бросила на меня сердитый взгляд. Очевидно, все еще злилась на меня за то, что я отказался принимать участие в ее тщательно спланированном плане по заполучению айпада. Алона была убеждена, что сенсорный экран достаточно чувствителен, чтобы она могла пользоваться им даже без меня. Блоги, Твиттер и Фейсбук — красота. Но нет уж, увольте.

— Так что не сходи с ума, — продолжила Алона. — Он не брал твое... что бы там это ни было. Кроме того, тебе нужно иметь дело со мной...

...Чтобы добраться до него. Эти слова были что-то вроде ритуала и имели эффект временного замораживания призраков, пытавшихся мне навредить. Но не успела Алона договорить фразу до конца, как миссис Руц метнулась вперед и врезала ей по лицу своим мясистым кулаком.

Алона не маленькая и не хрупкая девушка. Она спортивная, подтянутая и мускулистая после тяжелых чирлидерских тренировок и безжалостной и неутомимой борьбы с целлюлитом. Но куда ей было равняться с миссис Руц и силой ее удара.

Она отлетела назад, ударилась о стену позади и уже без сознания соскользнула на пол.

— Алона! — бросился я к ней, позабыв о миссис Руц. Да, теоретически Алона мертва но прожив восемнадцать лет в качестве говорящего с призраками, понимаешь, что мертвым можно быть по-разному и иногда это "разное" предпочтительней одно другому.

Я упал на колени перед ней, но не успел коснуться ее, как она замерцала и исчезла.

Я отстранился. Алона исчерпала свой запас энергии на этой стороне. Она теперь редко исчезала полностью, пользуясь для "подзарядки" позитивным мышлением. Но при этом каждое ее исчезновение могло стать последним, и она могла не вернуться назад.

Когда-нибудь так и будет. Это неизбежно. Алона уйдет: или потому что слишком много раз исчезала, или потому что ее снова заберет свет. Вопрос в том, произойдет ли это сегодня? Мне стало нехорошо от одной мысли об этом. Я не хочу, чтобы это произошло так, чтобы Алона пожертвовала собой ради моего спасения.

Над головой что-то угрожающе просвистело. Я дернулся назад, и в то место, где я только что сидел на коленях, с треском опустилась лопата. Я больно упал на спину. В кожу впилась, пропоров рубашку, острые щепки деревянных досок. Второй вопрос заключался в том: смогу ли я выжить, противостоя миссис Руц без Алоны.

Миссис Руц опять вскинула лопату на плечо. Стиснув зубы, я поднялся и, шатаясь, пошел к двери. Спина протестующе болела, по коже текли струйки крови.

Я практически вывалился в коридор, радуясь, что выбрался из комнаты. Услышал за спиной тяжелые шаги миссис Руц и снова встал на ноги, в любую секунду ожидая удара лопатой по голове.

Вместо этого распахнутые по обе стороны коридора двери начали захлопываться по две за раз.

Она отрезала мне пути к отступлению. Черт, какой же энергией она обладает, если может закрывать двери, не прикасаясь к ним? Если я по-быстрому не доберусь до входной двери, то она может захлопнуть и ее, заперев меня в доме. Может у меня и получится выбить фанеру с одного из окон, но успею ли я это сделать прежде, чем меня догонит миссис Руц со своей лопатой?

Тяжело дыша, сжав зубы и терпя боль, я заковылял к лестнице так быстро, как мог.

У самой лестницы я зацепился ногой за полусгнивший ковродержатель и, пролетев несколько ступеней, вцепился в перила. Рядом с моими пальцами, чуть не задев их, вонзился металлический конец лопаты. Вниз посыпались расшатанные опоры перил.

Вскрикнув, я отдернул руку.

— Я всего лишь хотел тебе помочь! Я не брал твои вещи! — заорал я миссис Руц.

— Я их взяла, — сказал кто-то снизу.

Я рискнул оторвать взгляд от миссис Руц и посмотреть вниз, посветив себе фонариком, который умудрился не выпустить из рук. У подножия лестницы стояла незнакомая мне девушка с бледным лицом. Длинные темные курчавые волосы словно стояли дыбом вокруг ее головы. Она была вся в черном, сливаясь с окружающей ее темнотой. Еще один призрак? Ну здорово.

Она тоже вроде бы держала в руке фонарик, направленный на лестницу, но почему-то не зажженный. В другой руке она сжимала грязную старую наволочку, забитую чем-то тяжелым, с выпирающими углами. Наволочка чуть ли не трескалась.

Значит, это не призрак. Тогда кто? Любительница острых ощущений? Вор?

Девушка тряхнула наволочкой, внутри которой что-то звякнуло — так, как ударяются друг о друга монеты, только громче.

— Это ищешь? — спросила она.

— Нет, — медленно ответил я, но она смотрела не на меня, а на кого-то или что-то поверх моей головы.

Миссис Руц зарычала и двинулась вниз по ступенькам, зашатавшись под ее весом.

Я поднялся на ноги и поспешил убраться с ее пути, первым спустившись вниз.

Когда я достиг подножия лестницы, девушка мельком взглянула на меня и тут же перевела взгляд на неуклюже приближающуюся экономку. До меня запоздало дошло: она знает, что я тут не один, она видит или слышит — а может и то, и другое — миссис Руц.

Она — говорящая с призраками. Настоящая. Такая же, как я.

Ни черта себе!

— Серебряные ложки? — девушка снова тряхнула наволочкой. — Правда, что ли? Они оставили тебе особняк, а ты украла все их дорогие ложки? Тут явно не один набор.

Все еще ошеломленный своим открытием, я заставил себя сосредоточиться на том, о чем говорит таинственная девушка. Так вот из-за чего весь сыр-бор? Все дело в столовых приборах?

— Это место не было даром! — закричала миссис Руц. — Оно было тюрьмой, из которой я могла бы сбежать, когда старуха наконец-то померла, но она сделала меня арендатором этого дома вместо того, чтобы дать мне выходное пособие, как обещала. Я не владею им, я не могу его продать. После стольких лет, посвященных угождению всех ее нужд, я все еще не могу отсюда уйти. — Похоже, увидев свое добро, экономка обрела голос. Алону бы это впечатлило.

Миссис Руц долбанула лопатой по перилам, как игрок из "Всех звезд" на стероидах. Старое дерево треснуло и обрушилось, брызнув щепками во все стороны. Экономка хищно и жутко ослабилась. Она не защищала дом от недостойных людей, как мы думали. Она защищала свои тайные запасы, присвоенную самой себе награду, которую так и не успела продать.

— Как тебя, наверное, это бесит. — Девушка вновь с силой встряхнула наволочку с ее содержимым и начала отступать к приоткрытой двери, ведущей в кабинет/гостиную.

Туда, где Алона обнаружила то странное оборудование.

Кусочки пазла в моей голове, наконец, встали на место. Алона была права, чем бы ни были те металлические ящики, к сносу дома они никакого отношения не имели. Они принадлежали этой девушке и были предназначены для миссис Руц. Мы явно помешали ей в ее... исследованиях? Экзорцизме?

Миссис Руц, не сводя глаз с наволочки в руке девушки, прошла вслед за ней в комнату, как собака, приманиваемая колбасой. А точнее — серебром.

Как только бывшая экономка миновала меня, я двинулся за ней, несмотря на боль и сочащуюся кровь. Я хотел видеть, что случится дальше, когда девушка заманит миссис Руц в комнату.

Это было ошибкой.

Миссис Руц, видимо решившая, что мы с девушкой заодно, или что само мое существование чем-то оскорбляет ее, резко вертанулась на месте, махнув своей лопатой. Я упал на пол, выронив из онемевших пальцев фонарик.

Она прокосила — я слышал, как лопата просвистела прямо у меня над головой, но что остановит ее от новой попытки, когда она точно видит, где я нахожусь? Входная дверь находилась всего лишь в пяти футах от меня, но миссис Руц стояла намного ближе.

Краем глаза я увидел, как девушка направила на нее фонарик. Ярко-голубой луч осветил правый бок экономки.

Лицо миссис Руц исказилось от ярости, и она нагнулась, собираясь прибить меня лопатой. Я дернулся в сторону в ожидании удара, но его не последовало. Я видел, как пальцы экономки дергаются на ручке лопаты, но ни рука, ни сама лопата не двигались. Со все возрастающей паникой она пыталась опустить руку снова и снова, но, похоже, голубой луч удерживал ее на месте.

Я облегченно выдохнул.

И тут миссис Руц выбросила вперед левую руку, которой луч не касался. Ее скрюченные грязные пальцы чуть не вцепились мне в нос.

— Левее! — закричал я девушке.

Она тихо чертыхнулась и поспешно перенаправила луч.

Луч осветил призрака целиком, и миссис Руц замерла на месте, открыв рот в молчаливом крике. Воздух наполнил громкий гул, и я почувствовал, как волоски у меня на руках встали дыбом.

На секунду свет стал ярче, затем миссис Руц с оглушительным хлопком испарилась.

Девушка тут же выключила фонарик и разразилась такой громкой, обильной и злобной матерщиной, что у меня аж уши заболели.

— Что это было? — потрясенно спросил я.

— Ты, испортивший мне жизнь! Огромное тебе спасибо! — Она развернулась на каблуках и ушла в комнату с оборудованием.

Я поднялся на ноги, подхватил с пола фонарик и медленно последовал за ней. Девушка собрала металлические коробки, выдернула из них провода и побросала все в огромную черную спортивную сумку.

— Я серьезно. Что это было? — Через секунду мне пришло в голову задать вопрос

получше: — Кто ты? — Я знал только одного человека, говорившего с призраками — своего отца. И он умер — покончил с собой — три года назад. Я всегда предполагал, что есть еще такие, как мы — мало, но есть. В конце концов, это передается по наследству. Не может быть, чтобы я был единственным, словившим генетический джекпот. Однако я думал, что большинство с таким "даром" либо сошли с ума, либо уже мертвы, так как в последнее время я побывал на грани и одного, и другого.

— На твоём месте я бы убралась отсюда, — ответила девушка. — Ральф боится заходить в дом один, но он вызовет подкрепление. — Она повесила набитую сумку на плечо, подцепила генератор и направилась к двери, ведущей в соседнюю комнату. Наволочки с серебром и необычного фонарика, спасшего мою жизнь, видно не было. Может, она и их кинула в сумку?

— Ральф... — Я понятия не имел, о ком она говорит.

— Охранник? — презрительно спросила она.

На улице послышался приближающийся рев сирен. Черт.

— Подожди. Скажи мне, кто ты и как мне тебя найти.

Я же не мог просто отпустить её, так ничего и не узнав. Все мои познания о призраках и говорящих с ними складывались из кусочков информации, которые неохотно и по крохам выдавал мой отец, и на не очень реалистичных данных, найденных в книгах и интернете — большинство из них было или ни о чем, или о спиритической фигне. Возможность сравнить знания, узнать что-то новое от такого же человека, как я — это что-то невероятное. И еще это оружие, что девушка использовала против миссис Руц. Если бы у меня было такое... Внезапно я совершенно отчетливо представил себе жизнь, когда не нужно все время быть настороже и чего-то бояться.

Девушка обернулась с раздражением на лице, тут же сменившимся... страхом. Она с поразительной быстротой бросила генератор, скинула с плеча сумку и выхватила фонарик из одного из множества карманов на своих штанах.

— Иди ко мне, — скомандовала она. — Быстро.

Краем глаза я заметил какое-то движение и оглянулся, почти ожидая увидеть миссис Руц. Вместо нее я узнал смутные очертания еще не материализовавшейся до конца Алоны, ее размытые светлые волосы, белую футболку и красные шорты.

Слава богу. Я в тысячный раз вздохнул с облегчением.

— Не надо. Она мой друг.

Девушка взглянула на меня со смесью жалости и отвращения.

— Ты любитель Каспера.

— Кто? — уставился я на нее.

Она покачала головой и сунула фонарик обратно в карман.

— Идиот, — пробормотала она.

Я мало что понимал, чтобы возражать ей.

Она снова подхватила свое оборудование и уже пошла от меня прочь, как вдруг, вздохнув, остановилась.

— Если останешься здесь, тебя арестуют.

О-о.

— Идем, — нетерпеливо махнула она мне рукой. — Не хочу, чтобы ты растрепал все копам.

— Ты знаешь другой выход отсюда? — спросил я. Весь дом, кроме парадной двери, был основательно заколочен и заперт со всех сторон.

— А ты нет? — усмехнулась она и прошла через темный проем в следующую комнату. Я поспешил за ней.

Глава 2 (Алона)

Исчезновения — отстой. На какое-то время я в буквальном смысле слова превращаюсь в ничто — попросту не существую, и это очень неприятно.

Но порой возвращение гораздо хуже. Как официальный дух-проводник Уилла, я всегда материализуюсь по правую руку от него и обычно понятия не имею, сколько времени прошло с моего исчезновения. Если он уже успел куда-то переместиться, то я оказываюсь в совершенно другом месте, что, честно говоря, сбивает с толку и напрягает.

И время от времени — наверное, для пущего веселья — я оказываюсь посреди хаоса.

— Идем, — схватил меня за руку Уилл, как только я обрела достаточную плотность, и потянул за собой.

— Куда? — спросила я его настолько пыльный затылок, что черные волосы стали серыми, а серьги в ухе потеряли блеск.

Я поняла, что мы находимся внизу, в той самой комнате, где нашли странное оборудование, которое теперь куда-то подевалось. Вот черт. Сколько же времени меня не было? Снаружи завывали полицейские сирены, и они явно приближались.

— Что случилось?

Уилл, не отвечая, потащил меня через темный дверной проем в противоположном конце комнаты, луч его фонарика противно подпрыгивал и пританцовывал.

Затем я краем глаза уловила движение впереди. Мы не одни.

— Миссис Руц? — спросила я. О, мне есть о чем с ней потолковать! Какого черта, вообще? Мы пытались помочь ей, а она просто взяла и вырубил меня. Такое скотство ничего не оправдает.

— Нет, — мрачно ответил Уилл, однако в его голосе слышалось необычное возбуждение.

Он выпустил мою руку, чтобы выровнять фонарик и направить свет на идущего впереди человека.

Это была незнакомая мне девушка. Да, я в курсе, что смотрю на нее со спины, но если бы видела ее, то узнала по потрепанным черным свободным штанам с чуть ли не трещащими по швам набитыми чем-то карманами, армейским ботинкам и копной темных, почти стоящих дыбом, курчавых волос. И посоветовала бы поухаживать за собой. Ее волосы практически молили о кондиционере и, желательнее, глубоком лечении маслами. В одной руке она несла огромную спортивную сумку, в другой — часть оборудования из комнаты.

— Не знаю, как ее зовут, но она такая же, как я, — сказал Уилл вполголоса.

— Живая? — Блин, дурацкий вопрос, я и так это видела по тому, как она двигалась, огибая вещи и углы. Когда можно пройти через что угодно, перестаешь обращать на это внимание. Если, конечно, не находишься слишком часто рядом с Уиллом. Я уже перестала считать, сколько раз ободрала голень о кофейные столики и долбанулась локтями о дверные косяки, обретая физические качества в энергетическом поле Уилла.

— Нет, говорящая с призраками, — ответил он. В его прикованном к девчонке взгляде горел интерес.

А, это все объясняет. Людей, которые могут видеть и слышать духов, очень мало и они живут далеко друг от друга. Еще меньше тех, кто умудрился не потерять от всего этого

рассудок. Я только об одном таком слышала, — об отце Уилла, не выдержавшим постоянного стресса и покончившим с собой несколько лет назад. Не очень хороший пример для подражания.

И все же мне совсем не нравилось, что Уилл смотрит на нее как на какое-то восьмое чудо света. Ну видит она духов, и что? Я тоже их вижу.

— В самом деле? — спросила я. — Она не похожа...

Девчонка остановилась и, обернувшись, ткнула пальцем в Уилла.

— Если вы с мисс Королевой Мертвых хотите своей болтовней привлечь внимание копов, ради бога, не буду вам мешать, но только подождите, пока я не выберусь отсюда, хорошо?

Я раскрыла рот. Никто и никогда так со мной не говорил. Ни с живой, ни с мертвой.

— Прости? То что ты одета как бездомная и твои волосы нуждаются в должном уходе, не значит, что я...

Уилл встал между нами.

— Мы тебя поняли.

Она коротко кивнула и, развернувшись, продолжила идти вперед.

Я сильно ударила Уилла по плечу. Он поморщился.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — гневно спросила я.

Он ответил мне сердитым взглядом.

— Тут скоро будет полиция...

— И кто же в этом виноват?

— ...но она знает, как выбраться отсюда, — продолжил он. — Так что, если не хочешь завтра утром проснуться со мной в тюрьме...

Я вздрогнула. Где бы он ни находился в 7:03 — время моей смерти — там окажусь и я. А у меня пунктик по поводу микробов и общественных мест. Да, я мертва, но от этого микробы не становятся менее противными.

— Хорошо — пробормотала я.

Девчонка без колебаний пересекала темные и пыльные комнаты. Она точно знала, куда идти. Так я думала, пока она не завела нас в тупик — комнату в задней части дома с большими заколоченными окнами и одной единственной дверью, в которую мы и вошли.

Здорово.

— Или она планирует перестрелку, или надеется на то, что если мы будем стоять столбом, нас никто не заметит.

Я сложила руки на груди. Я конечно могла убраться в любой момент, отойдя от Уилла на достаточное расстояние и пройдя сквозь стену, но не собиралась оставлять его снова, в особенности — с ней.

— "Она" точно знает, что делает, и тебя с собой не приглашала, — резко обернулась девчонка, одарив меня злобным взглядом.

— А мне не нужно особое приглашение, чтобы понаблюдать за твоим провалом, — отрезала я. Бог мой, промолчать она, видимо, не в состоянии.

Она опустила оборудование (согласно надписи на стороне коробки — переносной генератор) на пол, стряхнула с плеча тяжелую сумку и всучила ее Уиллу.

— Держи. Раз все испортил, так хотя бы принеси пользу.

— Эй! — возникла я за Уилла. Она не знала его так, как я, чтобы позволять себе говорить с ним подобным образом.

Уилл покачал головой, показывая, чтобы я молчала. Ага, как же, не дождетесь.

Проигнорировав нас обоих, девчонка протянула руки к закрывающей разбитое окно фанере.

Я фыркнула.

— Думаешь, сможешь вырвать ее голыми руками?

Девчонка практически без усилий сдвинула кусок фанеры влево и наверх. Должно быть, она предварительно вытащила болты, или гвозди, или чем-там еще прибивают фанеру, снизу и ослабила те, что сверху, чтобы та спокойно ходила из стороны в сторону. И если никто не видел, как она забирается внутрь или вылезает из окна, то, скорее всего, никто и не заметит того, что она сделала.

Неплохо все спланировано. Я даже впечатлилась. Но проблеск ума не оправдывает такого бомжатского внешнего вида.

Придерживая рукой фанеру, девчонка выхватила у Уилла свою сумку и медленно опустила ее из окна на землю. Затем перекинула ноги через раму и спрыгнула вниз.

На улице она развернулась к нам лицом.

— Поспеши, — прошептала она Уиллу, нетерпеливо махнув рукой на генератор.

Я почти ждала, что как только он передаст ей его, она задвинет фанеру и сбежит. Но девчонка не сделала этого, продолжая придерживать фанеру и терпеливо поджидая Уилла, хотя он двигался медленнее обычного. В слабом свете бледно-голубых сумерек, я впервые увидела, что рубашка на его спине порвана и раны под ней кровоточат. Что еще я пропустила?

Но стоило Уиллу оказаться на земле, а мне нагнуться, чтобы вылезти в окно самой, как девчонка с ехидной улыбочкой отпустила фанеру.

Я, вскрикнув, отшатнулась, чтобы не получить по лбу.

О, неспроста она сделала это.

Сдвинув фанеру в сторону, я выбралась наружу. Было темнее, чем когда мы забрались в дом, но я отлично видела их обоих. Они успели отойти от окна всего на несколько шагов. Я быстро направилась к ним.

Девчонка поправляла сумку на плече, когда я как бы случайно наткнулась на нее. Сильно.

Ее качнуло вперед, и под тяжестью сумки она чуть не шмякнулась лицом в землю.

— Ой, прости, — мило извинилась я. — Не заметила тебя. — Говоришь ты с призраками или нет — со мной шутки плохи. Это правило номер один. Мой отец, превосходный корпоративный представитель, не устает повторять, что если ты позволишь пройти по себе раз, то люди с радостью примутся вытирать о тебя ноги. Ну или примерно

что-то в таком духе.

Она восстановила равновесие и, выпрямившись, поправила сумку.

— У меня нет на это времени, — сказала она с раздраженным вздохом и повернулась ко мне с чем-то маленьким, серебристым и блестящим в руке. Это что-то было похоже на не включенный фонарик.

— Нет! — крикнул Уилл.

— Что это? — требовательно спросила я. — Что она делает?

— Не сейчас, Алона, — жестко ответил Уилл. Он встал между нами. — Давай просто выберемся отсюда, хорошо? — сказал он девчонке.

Позади раздались тяжелые шаги и крики, слышимые даже через забитые окна. Полиция в доме.

Девчонка перевела взгляд на дом, потом — на меня.

— Ладно, — согласилась она. — Я ухожу.

— Подожди, — пошел за ней Уилл. — Я все еще не знаю, как тебя зовут.

Ну только не это.

Девчонка резко развернулась.

— Слушай, игры закончились, — отрезала она. — Это был мой третий шанс, и ты его заперол. Доходчиво объясняю?

— Нет, — озадаченно отозвался Уилл.

— Отпусти ее, — сказала я. — Она нам не нужна.

Серьезно. Эта девчонка ниже меня и далеко не столь привлекательна. И да, я могу об этом судить. Всегда важно знать свой балл по шкале женской привлекательности и просчитывать баллы своих соперниц. Не то чтобы она ею была. Соперницей, я имею в виду. Несмотря на ее волосы, в ней нет ни капли экзотической привлекательности. Ну и может у нее красивые глаза — при таком освещении не видно. Но кроме этого? Ничего. Если не считать того, что она — говорящая с призраками.

Девчонка засмеялась.

— Принцесса, ты понятия не имеешь, что тебе нужно.

Почему это прозвучало как угроза?

Я попыталась добраться до нее, обойдя Уилла, но он вскинул руку, останавливая меня, а я не хотела причинять ему боль.

— Хорошей жизни, любитель Каспера, — сказала она Уиллу. — Держись от меня подальше. — И побежала от нас, гремя сумкой.

Уилл шагнул за ней.

— О нет. — Я схватила его за рукав. — Наша машина — там, — показала я в противоположном направлении.

Уилл не ответил, и на секунду мне показалось, что он оттолкнет меня и все равно побежит за ней.

Впервые за долгое время я почувствовала зачатки паники. Неужели он может поступить так? Бросить меня, Алону Дэа, ради случайной девчонки, оказавшейся говорящей с призраками?

О, я так не думаю.

Я бы, конечно, и сама преспокойненько отсюда убралась, но дело-то не в этом. Мы с Уиллом заодно. Вместе. И точка. Это даже не обсуждается.

— Эй. — Я щелкнула пальцами перед лицом Уилла. — Проснись. Нам нужно идти.

Он кивнул, и мы поспешили к машине. Слава Богу.

Что не помешало ему оглядываться на девчонку каждые десять секунд, а мне — замечать это.

Вот черт. Придется с этим разобраться.

Глава 3 (Уилл)

— Ой! — дернулся я от Алоны и пинцета, которым она орудовала с излишним энтузиазмом. — Хочешь сделать мне побольнее?

— У тебя вся спина в занозах, — без капли жалости отозвалась она. — К тому же, если бы я и хотела сделать тебе побольнее, то ты это заслужил.

Она была несносна с того времени, как мы покинули особняк Гибли, и в определенной степени ее можно было понять. После того, как та девушка оставила нас, Алона потащила меня за собой и вывела через задний двор к следующему блоку, где я припарковал свой Додж. Я шел за ней на нетвердых ногах, разрываясь между желанием бежать за говорящей с призраками девушкой и выбраться отсюда прежде, чем меня поймают.

Алона же подобных противоречивых чувств не испытывала. Затащила меня в машину и по дороге к дому заставила меня рассказать ей все, что она пропустила за время своего исчезновения.

Неудивительно, что ничего из услышанного — дважды украденное серебро, нападение на меня миссис Руц, оружие девушки, использовавшееся против миссис Руц и чуть не использованное на Алоне — не улучшило ее настроения.

Теперь же, обрабатывая мои раны у меня в ванной, где и полагается оказывать первую помощь, она все еще обдумывала произошедшее и, на мой взгляд, излишне кипятилась. К счастью, кроме нас дома никого не было. Мама ушла в кино с Сэмом — своим полупарнем/полубоссом из закуской.

— Так, она могла бы убить меня с этой штукой, или чем бы это ни было в ее руке? — потребовала Алона — Просто стерла меня из существования, потому что ей не понравилось, как я смотрела на нее, или что?

Я заколебался, начиная пересматривать здравый смысл этого разговора, когда у меня не было достаточно — каких угодно — фактов ... и когда Алона, очевидно, была призраком, и имела возможность причинять мне мучения.

— Я не знаю, — сказал я, наконец. — Я не знаю то, что устройство делает точно, но оно определенно сделало что-то миссис Руц.

Алона удалила еще один осколок из моей спины с безжалостной действенностью, и я вздрогнул.

— Я остановил ее, прежде чем она навредила тебе, — сказал я сквозь стиснутые зубы. — Все в порядке. Ты в порядке.

— О, да, я в порядке. — Она помахала вокруг пинцетом. — Твой новый лучший друг — смертоносный маньяк с таинственным оружием и волосами, которые могли бы использоваться, чтобы очистить бампер от ржавчины.

По крайней мере, у нее были свои приоритеты. Я с трудом подавил желание отметить, что Алона уже была технически мертва, и это не будет являться настоящим убийством. У меня есть некоторое чувство самосохранения.

— Послушай, она же не знала, — сказал я. — Она подумала, что ты другой призрак, который пытается навредить ей.

— Быстро ты принял ее сторону, — пробормотала Алона и отпихнула меня, чтобы помыть руки в раковине.

Я уставился на нее.

— Да что с тобой такое?

— Ты ничего не знаешь о ней. Не знаешь, почему она была там и что она делала со всем своим странным барахлом. — Она яростно терла руки под водой. — Ты хоть знаешь, что произошло с миссис Руц? Куда она попала, после того, как твоя подруга заставила ее исчезнуть?

— Я...

— Не знаешь, — ответила она за меня. — Стоило этой девчонке помахать перед тобой своими классными игрушками, как ты тут же попался на крючок. И даже вопросами не задался. — Она оттолкнула меня, чтобы вытереть руки об полотенце.

— Я не думаю, что это — действительно проблема, так как я, скорее всего никогда не увижу ее снова, — сказал я. — Она даже не дала мне своего имени. — Какой отстой. Возможно, я мог бы выяснить какой-то другой способ разыскать ее, чтобы просто поговорить, обменяться некоторой информацией.

Она повернулась ко мне лицом.

— Серьезно? Ты же не попался на эту удочку, не так ли?

— Что? Почему? — Я почувствовал, что мы разговаривали о двух совершенно разных вещах... или были на двух разных планетах.

— В первую очередь, не называя тебе своего имени — это форма манипуляции. Это только заставляет тебя хотеть знать еще больше. — Она покачала мне головой в отвращении. — Классическое женское действие. Как ты мог не знать этого? — Она сделала паузу и затем сказала, — Не имеет значения. Я забыла, с кем я разговариваю.

Прекрасно. Просто, потому что я потратил большую часть средней школы, избегая социального контакта ...

— Или, возможно, она действительно не хотела, чтобы я знал, — сказал я.

— Тогда почему бы не сделать что-нибудь? Откуда ты знаешь?

Я открыл рот и закрыл его, ничего не сказав. Это было видом достоинства.

Она откинула волосы за плечи и убрала их на одну сторону своими пальцами.

— Во-вторых, еще один призрако-говорящий, редкий и исчезающий вид для тебя, просто появляться, чтобы показаться в том же месте и в то же время, что и ты? — Спросила она.

— Ну, да, — сказал я. — Это возможно.

— Пожалуйста. У тебя есть какие-либо идеи, какие шансы были бы на это?

— Нет, но это неважно, — утверждал я. — Она не могла знать, что я буду там сегодня вечером.

— Угу. — Она казалась менее, чем убежденной. — Поскольку никто не знал о сносе завтра и проблемах миссис Руц.

Очевидно, ни один из нас не знал степень проблем миссис Руц, но ее преследуемое место было довольно общепринятой истиной и нависшим сносом — а также Декейтер, которым обреченные усилия Исторического Общества предотвратить его — были в местных новостях в течение многих недель.

Я покачал головой.

— Это безумие. Ты думаешь, что это — некоторая тщательно продуманная схема? Для чего?

Она вскинула руки кверху.

— Откуда я знаю? Спроси свою новую подружку.

Я хмуро посмотрел на нее.

— Она не моя..

— Так или иначе, теперь не имеет значения, хотела она найти тебя или нет, — продолжила Алона.

— Не имеет, — согласился я.

— Имеет значение, что она нашла тебя. И если так мало говорящих с призраками, думаешь они просто пройдут мимо?

— Кто? — я начал сомневаться, не повредил ли кто из нас головной мозг сегодня вечером. И честно говоря, не был уверен, кто именно был более вероятным кандидатом в этот момент.

— Люди, с которыми она работает, — сказала Алона с раздражением, — Разве ты не слышал? "Это был мой третий шанс." Вот что она сказала.

Я изумленно уставился на нее.

— Мы даже не знаем, что это значит.

— Я могу сказать тебе, что это означает, кое-кто еще осуждает ее основываясь на том, что она сделала или не сделала с миссис Руц сегодня вечером. И я не думаю, что это — международный комитет бывших фигуристов.

Она сложила руки на груди, и ожидала от меня ответа.

— Ты хорошо подумала? — спросил я, не зная, что еще сказать. Ясно, что Алона упустила свое призвание в жизни в теории заговоров. Хотя одета лучше, чем большинство.

Она наклонилась ближе ко мне.

— Королева Выпускного Бала три года подряд, — сказала она, — думаешь, это произошло случайно.

Хотел бы я также хорошо понимать людей, как и она. Почти всегда ей было просто плевать, пока это не касалось ее.

Я отмахнулся от ее слов.

— Ладно, хорошо. Если она появится снова, я разузнаю у нее, все темные и таинственные мотивы ее появления.

— Хорошо, — она кивнула, соглашаясь.

Господи Иисусе!

Она развернулась и стала убирать все вещи по оказанию первой помощи обратно в коробку.

— Она тебе понравилась?

Я наклонил голову, не уверенный, что расслышал ее правильно.

— Извини, что?

— Я сказала, тебе она понравилась?

Она обернулась ко мне. Должно быть, она переставляла содержимое аптечки в алфавитном порядке или по размеру или что-то в этом роде. Не нужно столько времени, чтобы положить обратно пинцет, бинт и антибактериальный крем.

— Мне... — Боже мой, невозможно ответить на этот вопрос. “Да” это явно неверный ответ. А “Нет” она расценит, как ложь. И “я не знаю ее достаточно хорошо, чтобы понять, нравится она мне или нет”, было бы просто неубедительно. — Мне любопытно, — наконец сказал я.

— В смысле, любопытно?

Блин, очередной раз невозможно ответить на вопрос. Я начал потеть.

— Я не понимаю, о чем ты...

— Она, похоже, не имеет духа-проводника. По крайней мере, не сейчас. — Алона пожал плечами. — И если у нее когда-нибудь имелся один, то вероятно, сознательно заставил себя исчезнуть, только чтобы сбежать от нее, — добавила она, сжав губы.

Хорошо... прямо где-то здесь возник вопрос. Я почувствовал его приход. Я понятия не имел, с какой стороны, но все же. Оставьте его Алоне, самому прямому человеку, которого я знал, чтобы поднять вопрос независимо от того, что это было возможно самым уклончивым способом.

— С тем устройством, который она использовала против миссис Руц, вероятно ей нужен не один, — продолжила она.

Тишина, которая повисла в воздухе после этих слов, держала в напряжении, пока она словесно прощупывала почву и ждала ответ “тепло” или “холодно”.

— Ах, подожди. Теперь я получу это.

Возможно.

— Мне просто было любопытно, — сказал я осторожно. — Не смотря на то, чтобы что-то изменить.

— Она живая. Твоей матери больше понравится.

Я облегченно вздохнул. Я угадал правильно. Она боялась, что я хотел заменить ее или избавиться от нее, но она не могла просто это сказать. Нет, она не могла это признать, да и неважно.

— Моя мама все еще...привыкает, — сказал я.

На маму обрушилась суровая реальность, что я разговариваю с призраками, и осознание того, что это значит на самом деле. Нормальная жизнь для меня...не нормальная даже сейчас. Я бы уехал в колледж, как мы и говорили, но до сих пор ничего кроме кучи отказов.

Не могу сказать, что был удивлен. Ты пытаешься объяснить рекордное количество прогулов, больше задержаний после уроков, чем у обычного человека, полдюжины или около того отчислений из школы, и только Бог знает, какие записи от мстительного директора в аттестате (которые кстати действительно существуют, и школа отправит) без упоминания “призраки” или “паранормальные способности”. Были школы, которые, скорее всего устраивали бы меня, чтобы говорить правду — если бы я хотел специализироваться на кристаллах или на чем-нибудь. Но это не было тем, что хотела мама.

Добавить ко всему, что я провожу больше всего времени с красивой девушкой-призраком, все еще живой (по-своему) и очень реальной? Да. По какой-то причине, это означало только одно для мамы — возможность странного, межпространственного СЕКСА. Правда.

Я желал.

В любом случае, моя мама не то, чтобы была рада, но была вынуждена признать присутствие невидимое для нее Алоны. Но я не понимал, что это сильно беспокоило Алону.

— Она справится, — сказал я, — Ей просто нужно время.

Алона закрыла коробку и повернулась ко мне лицом.

— Ты знаешь, я нашла бы другой способ, если бы могла. Ты мне не нужен, — она вызывающе посмотрела мне прямо в глаза, попробуй ей возрази.

— Я знаю. — Я не был уверен, как она поможет людям — зарабатывая свои очки, извлекая уроки, или независимо от того, что это могло быть, ее отослали назад определенно, чтобы что-то достигнуть — без меня, ее единственной точкой доступа к жизни, но я знал лучше, чем недооценить ее. Я уже извлек этот урок. — Но это не ..., я не думаю ...

Вздор, вздор, вздор. Соберись же. Я заставил себя остановиться и начать все сначала.

Я сделал глубокий вдох.

— Я был наедине со всеми этими призрако-говорящими штуками, — сказал я, осторожно подбирая слова, — Даже когда мой отец был жив, он ничего не желал делать с этим. Так что, да, найти кого-то еще, вроде меня, это много значит.

Она напряглась.

— Но это ничего не меняет, — сказал я.

Она выглядела не убежденной. Я колебался и решил пойти дальше. Я взял ее за руку, и она не пыталась ее освободить. Это ведь хороший знак?

— Я не хочу делать это — что мы делаем — с кем-либо еще, хорошо? — быстро сказал я. Там. Я почувствовал себя подвергнутым опасности и отчасти идиотом, но, по крайней мере, я высказал свое мнение. Боже, неудивительно, что Алона танцевала вокруг этих своего рода вещей.

Ее глаза расширились, и она выдернула свою руку из моей.

Я поморщился, поняв, что возможно был совсем не прав в том, что ее беспокоит. И сейчас я услышу это...

Она прикоснулась к моему лицу, ее пальцы скользнули по моей щеке, а затем она поцеловала меня. Ее губы были теплыми и мягкими, как всегда, со вкусом ванильного блеска для губ. Ее язык прошел по моим губам, и я перестал думать.

Да. Может быть, мне нужно рисковать чаще.

Глава 4 (Алона)

Киллиан на удивление хорошо целуется. Вам бы и в голову это не пришло, глядя на его внешний вид. Он вечно бледный, растрепанный, странно одетый и ведет себя так, что Иа-Иа на его фоне покажется невероятным обаяшкой. Учитывая то, что почти все считают его сумасшедшим, можно было бы предположить, что у него не было большой практики в поцелуях, и вот... нате вам... вау.

Я остановилась на тротуаре возле дома Уилла и медленно провела пальцем по губам. Мама Киллиана вернулась домой прежде, чем мы слишком увлеклись, и мне пришлось выскочить из его комнаты до того, как она заявится без приглашения. Мои губы припухли от страстных поцелуев. Некоторые парни, чтобы впечатлить девчонок, пытаются при поцелуе чуть ли не проглотить пол их лица. Но — приятная неожиданность — Уилл не из таких. Он был нежным и сладким, но при этом не боялся брать инициативу на себя.

Я трепетала от мысли, что однажды он потянет меня на свою кровать и...

— Просто сказочная ночь, да? — заметил саркастический голос позади меня.

Я замерла от неожиданности, а затем внутренне застонала, узнав говорившего. Она снова меня нашла.

— Завидуешь? — спросила я, поворачиваясь.

В нескольких футах от меня на тротуаре стояла Лизель Маркс. В свете уличного фонаря ее розовое, усеянное горошком, выпускное платье казалось белым с еще более ярко-белыми крапинками. Позади нее, колеблясь на краю теней, маячил ее давний кавалер с выпускного бала, Эрик Харгроув. Он был одет в шикарный зеленовато-голубой смокинг. Их наряды сразу выдавали, кто они такие: беглецы с выпускного бала конца семидесятых.

Хотя, на самом деле, они так никуда и не сбежали. Застряли здесь, в междумирье, как и все остальные из нас. Лизель и Эрик погибли в автомобильной аварии на выпускной вечер — весьма поучительная история для старшеклассников во всем мире. Во всяком случае, для живых старшеклассников. Меня лично их история уже не заботит. Карма та еще сучка, и уводя чьего-то парня, вы получаете то, что заслуживаете.

— Ага, — фыркнула Лизель. — Прямо так и мечтаю стать любимым питомцем говорящего с призраками.

В первый же день, как я стала духом-проводником Уилла, Лизель насмешливо объяснила мне все недостатки работы. По большому счету они были не так уж плохи. Исчезнув, я появлялась там, где бы ни находился Уилл. И он мог "позвать" меня к себе, если сосредоточится. Вот так вот. А у меня, к сожалению, не было такой власти над ним.

Я не любила об этом думать и, так как Уилл прекрасно знал, что не стоит держать меня на поводке, понимала, что на это не стоит обращать внимания. Если бы Лизель не тыкала меня в это носом.

— Чего ты хочешь? — спросила я, стиснув зубы. Черт, она выводила меня из себя.

— Нужно, чтобы ты для нас кое-что сделала, — сказала она, даже не оглянувшись на Эрика. Он раскачивался на каблуках на заднем плане, засунув руки в карманы брюк и выглядя смущенным. Я посочувствовала ему, привязанному к этой гарпии на веки вечные — или, по крайней мере, на ближайшее будущее, — только из-за взывавших в нем гормонов. Он — очередное доказательство верности моего правила: не встречаться с тем, кто вас не достоин. В общем, не ходите на свиданки с тем, кто вам не очень-то и нравится или

нравится лишь по какой-то одной причине, потому что вы можете умереть и застрять с ним/ней навсегда. А это, знаете ли, самый настоящий ад.

— Знаю я, что ты хочешь, — сказала я Лизель. — Чтобы миссис Педерсон простила тебя за то, что ты увела ее парня, переспала с ним, а потом угробила.

Лизель и Клэр Лафорет Педерсон, учительница английской литературы в нашей бывшей школе, были лучшими подругами, пока Лизель не увела у подружки парня и внезапно не отдала концы. Конечно, это не объясняло того, почему здесь застрял Эрик. Из нескончаемой болтовни Лизель за все время, что она преследует меня, я поняла, что Клэр с Эриком на самом деле не встречались. Клэр просто негласно объявила его своим.

Слушайте, я сильный... я была сильным игроком в школе. Я знала все тонкости нашей социальной иерархии так же хорошо, как содержимое своего шкафа. Дайте мне пятнадцать минут, и я, вероятно, разобралась бы с иерархией в любой другой школе. Нужно знать своих конкурентов, как заводить друзей... и правильных врагов. (От хорошего врага или недруга, если на то пошло, может быть намного больше пользы, чем от правильной одежды, прически и т. д.)

И знаете, чего нельзя делать ни в коем случае? Уводить парня, в которого кто-то сильно влюблен, просто потому, что вам так захотелось. Да, это временно повысит вашу репутацию, и если вы в конечном итоге останетесь в отношениях с ним (посмотрите на мою лучшую подругу Мисти и моего бывшего парня Криса), то большинство будет оправдывать это как "истинную любовь". Но это рискованно. И делать это только потому, что вы можете, потому что вам скучно, одиноко и вы нуждаетесь в поднятии самооценки — нельзя. Потому что когда все развалится, ожидайте что вас мгновенно окрестят шалавой. Ведь тем самым вы объявите всем девчонкам в школе, что не намерены уважать их негласно заявленные права на парней и что их тайная любовь может стать следующей вашей жертвой.

Так что это плохая идея. Очень плохая.

— Ты где-то девятьсот тридцать шестая в списке, — напомнила я Лизель. Мне очень хотелось отправить эту занозу в заднице в самый конец. — Как говорится, сегодня не твой день, и завтра будет не лучше. — Кажется, такую надпись я видела на одной из футболок Уилла.

— Ты должна передвинуть нас, — резко сказала Лизель.

Я сделала вид, что думаю об этом и отрезала:

— Нет.

— Но ты сделала это для миссис Руц, — чуть ли не взвизгнула она. — Ты поставила ее на самый верх.

— И видела бы ты, что из этого вышло, — пробормотала я.

— Что? — нахмурилась она.

Очевидно, поезд призрачных сплетен, движущийся обычно со скоростью и точностью пули, пока ее не достиг.

— Ничего, — вздохнула я.

— Наше время на исходе. — Лизель осторожно коснулась своей призрачной, уложенной и залитой спреем челки, чтобы убедиться, что та не растрепалась. Нервная привычка, оставшиеся и после смерти. При жизни ветер запросто может испортить прическу, если, конечно, на нее не вылили с десятков баллонов лака для волос.

Я хмуро взглянула сначала на нее, потом на Эрика за ее спиной.

— По мне, так с вами все в порядке. — С чего бы им бояться исчезновения? Они были

так же стойко прозрачны, как и всегда.

— Клэр начала встречаться кое с кем, — сказала Лизель. — Его зовут Тодд.

Я приподняла брови.

Развод миссис Педерсон несколько лет назад произвел настоящий фурор, особенно когда она, полупьяная от каких-то поднимающих настроение пилюль, явилась на следующий день в школу. К счастью, это оказалась суббота. К сожалению, в здании находилось более чем достаточно людей — кто-то учился, кто-то был наказан дополнительными уроками, кто-то готовил ежегодники, — чтобы в понедельник вся школа кишела слухами.

— Так что... вы хотите помешать ей? Раз сами не можете быть счастливыми, то и ей не хотите позволить быть счастливой, пока она вас не простит? Уилл никогда не пойдет на это. — Я отвернулась.

— На чьей ты стороне? — крикнула Лизель мне в спину.

— Не на твоей, — бросила я через плечо.

— Да, я заметила. Мы все заметили.

Я развернулась.

— И что это значит?

— Тебя заботит лишь то, что делает он. — Лизель сложила руки на груди. — До нас тебе нет дела.

Я так понимаю, что под "нами" она подразумевает все призрачное население Декатура и Граундсборо, а не только Эрика и себя.

— Я его проводник, — заметила я.

— Но ты одна из нас, — парировала она.

Я покачала головой.

— Думаешь, ты лучше нас только потому, что работаешь суфлером? — зло спросила Лизель.

— Нет, я думаю, что я лучше вас, потому что я лучше вас, — резко ответила я и пошла прочь.

— Ты уже не живая, знаешь ли! — крикнула она мне вслед. — Не то, что он. И то, что ты его проводник, не значит, что ты к нему близка. Тебе нужно перестать притворяться. Жалкое зрелище.

Я остановилась и снова развернулась к ней лицом.

— Что, прости?

Она специально взбесила меня, я понимала это, но все же не могла остановиться. Она ничего не знала, просто решила, что наступила на большую мозоль. И так уж случилось, что сегодня эта самая больная мозоль была больше и больнее обычного.

Лизель придвинулась ближе, громко шурша платьем в тишине летней ночи.

— Ты ничем не отличаешься от нас, но почему-то считаешь, что то, что тебя использует медиум, делает тебя особенной.

— Уверю тебя, любое использование происходит по взаимности, — жестко ответила я.

— В самом деле? — закатила она глаза. — Думаешь, он захочет, чтобы ты всегда была рядом? Та, которую никто не видит? Ты работаешь на него. Все остальное — временно. Ты просто удоб...

Скорее всего, она собиралась сказать "удобная", но я оборвала ее прежде, чем она смогла закончить. Мы сцепились с ней прямо на соседнем дворе Уилла. Боже, надеюсь, он этого не видел, а если и видел, я все равно не могла спустить ей подобное с рук.

— Разве ты не видишь? То, что он делает — неправильно, — настойчиво твердила Лизель, даже когда мы боролись и катались по траве.

— Я делаю это не для него. Меня отправили обратно для...

— Тебя вышвырнули!

Я потянулась к ее горлу, чтобы перекрыть ей кислород и, наконец, заткнуть. Увы, мы нисколько не могли навредить друг другу.

— Эй, заканчиваете это! — возник между нами Эрик и растащил нас, одной рукой держа Лизель за платье, а другой — меня за ворот футболки. — Вы исчезаете.

Мы обе посмотрели на себя вниз. Половина туловища Лизель была насквозь прозрачной, а мои ноги пропали от стоп до колен. Черт побери.

— Похоже, ты полна решимости заглядывать свою вину перед миссис Педерсон, и я этим восхищаюсь, — нехотя процедила я.

— А мне нравятся твои волосы, — произнесла Лизель с неприкрытым презрением.

Но, наверное, наши слова были искренни с обеих сторон, так как исчезновение прекратилось.

— Послушай, мы не хотим, чтобы Клэр была несчастной. Как раз наоборот, — зачастила Лизель, когда я снова пошла от нее, стоило вернуться моим ногам. — Мы тут ограничены во времени, а Клэр не так часто ходит на свидания, и обычно они не заканчиваются ничем хорошим. Сейчас же она счастлива и увлечена Тоддом, так что может быть более открытой, более...

— Прощающей?

— Точно, — Лизель кивнула так ярко, словно ее голова была свободна от шеи.

Одно только обдумывание возможной помощи Лизель и Эрику являлось нарушением самого главного правила, касающегося списка мертвых, которые нуждались в нашей помощи: первым пришел, первым обслужен; если только меня не разозлили настолько, чтобы я отправила кого-то в конец списка, или не разжалобили настолько, чтобы я отправила кого-то в начало. Никакой игры в "Избранных".

Я должна была быть сильной и беспристрастно поддерживать порядок, иначе духи будут преследовать меня, чтобы добраться до Уилла, и у меня не будет времени или энергии, в буквальном смысле этого слова, чтобы бороться со всеми ними.

Но возможно на этот раз Лизель была права насчет оптимистично настроенной миссис Педерсон.

Гаденькая часть меня хотела сказать ей забыть про это, но правда в том, если я не буду достаточно покладистой, когда это необходимо, то быстренько потеряю контроль над ситуацией. Кроме того, папа всегда говорил, что своевременная помощь заслуживает большего уважения, чем бескомпромиссность.

Плюс, Лизель сказала, что ей нравятся мои волосы и была при этом искренна.

— Я подумаю над этим и дам вам знать, — сказала я. В конечном итоге, решение буду принимать не я, но черта с два я сейчас в этом признаюсь. Я знала, что Уилл рассердится, как и всегда, когда ему приходится вмешиваться в жизни знакомых людей. Но он выпускник, и как его бывший учитель, миссис Педерсон не сможет создать ему неприятности. Возможно, я смогу уговорить его помочь Лизель и Эрику.

— Сегодня вечером, — заявила Лизель.

Я свирепо глянула на нее.

— Не испытывай свою удачу. Завтра.

Она открыла рот, чтобы возразить, но одумалась, что, честно говоря, было впервые.

— Хорошо, — согласилась она, закатив глаза.

— И даже не думай о том, чтобы войти туда и самой попытаться поговорить с ним, — ткнула я в нее пальцем. Я знала, что для нее это было бы ужасно заманчиво, раз уж она находится практически рядом с Уиллом. Но одно дело, когда к нему с неотложным делом напрямую обратилась миссис Руц, которую мы никогда не встречали раньше, и другое — если к нему припрется Лизель, и так постоянно преследующая его.

— Да не пойду я к нему, — сказала она, раздраженно вздохнув.

— Если пойдешь, я отправлю тебя в самый конец списка, за теми, кто даже еще не успел помереть. — Я хмуро уставилась на нее. — Как вы нашли меня здесь?

Мы были очень осторожны в плане того, чтобы духи не узнали, где находится дом Уилла. Это было единственное место, где ему можно было гарантировать некую тишину и покой. И так как после смерти мы не становились более всезнающими, чем при жизни, и не имели доступа к телефонной книге или интернету, то большая часть духов понятия не имела, где он живет.

— Я пошла за тобой пару дней назад, и ты привела меня сюда, — призналась Лизель.

Черт. Нужно быть еще более осторожной. Еще одна вещь, о которой стоит побеспокоиться.

— Больше не делай этого, и если скажешь кому-нибудь, где он живет, то будешь навсегда исключена из списка, — предупредила я ее, хотя не была уверена, что у меня есть полномочия принимать такие решения. — А теперь идите отсюда, пока я не передумала.

Но Лизель не ушла, как я ожидала. Она махнула рукой по переду своего платья, словно стряхивая с него что-то, хотя на нем не было ни грязи, ни пятен от травы.

— Я имела в виду то, что я сказала... ранее, — произнесла она, не отводя взгляда от платья.

Я вскипела.

— В какой-то момент тебе придется выбирать чью-то сторону, его или нашу. — Она с вызовом вскинула на меня глаза.

— Я нахожусь на своей собственной стороне, — ответила я.

Она кивнула, но я видела, что мои слова не убедили ее.

Пофиг. Я повернулась и пошла прочь. Меня совершенно не интересовало, что там думает Лизель Маркс. Я не ради нее работала.

У нас с Уиллом было взаимопонимание. Он помогал мне. Я помогала ему. Это единственное, что имело значение.

* * *

Пререкания с Лизель подпортили мне и без того не радужное настроение. Кем эта девица возомнила себя? В общем, я пошла домой пешком вместо того, чтобы доехать до него на машине... ну, или на десятке машин. Поверьте, нет ничего более ужасного, чем проскользнуть в автомобиль и обнаружить, что на следующем же повороте он сворачивает с нужного вам пути.

К тому времени, как я легко прошла сквозь входную дверь своего старого дома — в

буквальном смысле (что было прикольно делать, если поблизости нет Уилла), мое настроение уже улучшилось.

Дом, казавшийся мне воплощением кошмарного хаоса, когда я была живой, теперь успокаивал. Школа осталась позади. Мои друзья (и враги) окончили школу. Я была мертва. Но дом так и остался моим домом, понимаете? Он — это единственное, что не изменилось.

Внизу было пусто. На кухне горел свет, но мамы, как ни странно, в ней не было. Теперь, когда она больше не пила, я обычно находила ее на кухне, поедающей готовые обеды от "Лин Кузин" прямо из черного подноса для микроволновки. При этом она смотрела очередную комедию или болтала в Фейсбуке с университетскими подругами. (Старшее поколение захватывало Фейсбук. Жутковато, правда? Это стремно во многих отношениях). Все остальное время, она проводила либо на собрании АА, либо на работе. Она стала работать в аптеке в торговом центре "Вон Маур" и теперь носила один из тех белых классных лабораторных халатиков.

— Привет? — позвала я, больше для своего душевного спокойствия. Иногда меня все еще напрягало понимание, что я и существую в этом мире и одновременно не существую.

Следование укоренившимся привычкам несколько успокаивало.

Ответа, конечно же, не последовало. Но, кажется, я услышала шаги мамы наверху.

Наш дом был большим и кирпичным, в два этажа, с огромным фойе и широкой дугообразной лестницей в холле, которая бы потрясающе смотрелась на выпускных фотографиях, если бы я могла привести кого-нибудь в свой дом.

Я начала подниматься по ступенькам, отметив, что груды журналов, белья и школьных принадлежностей, разложенные мной на ступеньках в последние дни перед смертью, исчезли. Очень странно.

Наверху я обнаружила, что свет горит в моей комнате, и мое сердце забило, как сумасшедшее. (Да, я умерла, да, я присутствовала на своих похоронах и видела, как мое тело опустили в землю, но я все еще ощущаю свое сердцебиение и дыхание и могу смеяться и плакать. Не знаю, как объяснить это и даже не хочу пытаться. Давайте, просто назовем это, фантомным синдромом тела или чем-то типа того).

Последние два месяца я была и мертва и жива, если можно так сказать. Я была духом. Все это время дверь в мою комнату в мамином доме была закрыта, так как я оставила ее закрытой, уходя в школу в то последнее утро перед своей смертью. Ну да, мама, вероятно, заглядывала туда время от времени. Я-то уж точно это делала. При этом мне было немного тревожно и грустно, и я не совсем понимала почему. Ведь я — это я, и я все еще здесь. И все же, когда я видела брошенные мной на кровати пижамные шорты, откинутае одеяло, как будто я только-только встала с постели, и комплект запасной одежды на день — очень милый жилет с соответствующим галстуком, белой рубашкой с рукавом в три четверти и чёрной плиссированной мини юбкой, — висящий на передней дверце шкафа, мое сердце сжималось.

Все это было похоже на какую-то памятно-музейную экспозицию в честь девушки, которой уже нет. Это было жутковато, но в то же время каким-то образом обнадеживало, словно служа доказательством того, что я когда-то жила здесь и, может быть, еще вернусь в это будто застывшее во времени мгновение.

Но открытая в мою комнату дверь, шаги в ней и зажженный свет смели любой намек на покой и надежность, заменив их паникой. Что мама делает в моей комнате? Это

недопустимо. Я годы приучала своих родителей, что входить в мою комнату можно только с моего разрешения.

Я протопала последние несколько шагов к своей комнате, уже открыв рот для протестов, которые никто не сможет услышать, но, остановившись в дверях, замерла с отвисшей челюстью.

Мама не перебирала мои вещи, поднимая случайные предметы и плача, как можно было бы ожидать, и не искала мой тайный дневник (у меня такого и не было — слишком рискованно: на черта давать врагу разом все то, чем он может тебя разгромить?)

Нет, мама стояла в середине комнаты с огромным черным мешком для мусора в руке и швыряла в него мои вещи! Мою жизнь выбрасывали на помойку! На моих глазах она кинула в мешок превратившийся за последние несколько недель в бумажную массу и растекшуюся лужу бумажный стаканчик с диетической колой. Этот стаканчик может казаться ей или кому-то другому чем-то незначительным, но он был моей последней едой, или ее частью.

— Что ты делаешь? — раздраженно воскликнула я, когда снова смогла дышать.

— Это всего лишь мусор.

Я на протяжении долгой секунды таращилась на нее. Она же не слышала меня? Нет.

Присмотревшись, я заметила странный наклон ее головы и зажатый между ухом и плечом мобильный. Значит, избавление от накоплений всей моей жизни даже не требовало ее полного внимания? Я не на шутку разозлилась.

— Хватит! — Я пересекла комнату и ударила по мешку. Моя рука прошла через большую его часть — ничего удивительного, — но мешок в руках мамы слегка качнулся. Она хмуро взглянула на него. Затем ее снова отвлек телефонный разговор.

— Нет, Расс, я обещаю. Я бы не сделала этого.

Расс. Папа. Мама говорит по телефону с ним? Ноги внезапно подогнулись, как будто я вот-вот упаду в обморок. Не знаю, возможно ли это в моем состоянии, но я не горела желанием узнать.

Мои родители давно уже говорят друг с другом неохотно и только в присутствии третьей стороны. И я как-то серьезно сомневаюсь в том, что это был трехсторонний звонок "папа-адвокат-мама".

Какого черта? Я медленно опустилась на пол рядом с ногами мамы и мешком мусора. Мне был виден торчащий из него верх дурацкого коллажа, который я была вынуждена сделать на урок психологии миссис Джонсон на тему "Как в рекламе подается секс".

— Так лучше. Не легче, но лучше. — Мама сделала глубокий вдох. — Каждый шаг помогает.

Анонимные Алкоголики. Она, должно быть, говорит о своих встречах. После развода с папой три года назад она превратилась в безнадежную алкоголичку. Этот разговор был верхом неожиданности еще и потому, что мама была трезвой. Абсолютно трезвой, насколько я могла судить. До недавнего времени она была королевой пьяных звонков и пьяных e-мейлов. Что-то мне все это не нравится.

— Я ценю, что об этом рассказал мне именно ты, а не кто-то другой. — Она вытерла руки о свои спортивные брюки, взяла мобильный в руку и присела на край моей кровати. Потом прерывисто вздохнула и деланно улыбнулась. В такой близости я видела на ее чистом, без макияжа лице, морщинки в уголках глаз. — Поздравляю вас с Джиджи. Правда. Это повод для праздника. Алона была бы рада.

— Меня охватило неприятное предчувствие. Ничто, касающееся Джиджи, вторую жену моего отца и бывшую секретаршу, не могло меня порадовать.

После развода с папой мама стала жалкой, проспиртованной алкоголичкой, и некоторое время я обвиняла ее в своей смерти. Я должна была вернуться домой, прогулив урок физкультуры, чтобы стащить ее похмельный зад с постели для встречи с папой (и их адвокатами), когда ранним утром самым неожиданным образом столкнулась с автобусом.

Но Джиджи... самая настоящая стерва. Она еще при моей жизни постоянно доставала папу с тем, чтобы он урезал алименты, и она могла получить больше того, чего хочет... Мы с ней открыто и взаимно ненавидели друг друга. Меня явно не обрадует то, что бы она там не праздновала.

Не дожидаясь ответа, мама нажала на отбой. Ее лицо сморщилось, она уронила мешок, легла на постель и подтянула колени к груди. Она нескольких минут плакала, уткнувшись в мою подушку, которая — я знаю это с прошлого посещения своей комнаты — уже начала пахнуть пылью, а не шампунем и дынно-огуречным лосьоном для тела.

Затем она села и, к моему удивлению, вместо того чтобы направиться вниз и уставиться с тоской на пустеющий бар, или полезть в заначку — уверена, она все-таки где-нибудь припрятала спиртное, — встала и, схватив мешок для мусора, снова начала выбрасывать мои вещи, бормоча себе под нос что-то, подозрительно напоминающее молитву.

В мешок отправилась распечатка кропотливо созданной электронной таблицы со всевозможными потенциальными нарядами, содержащимися в моем шкафу, и отслеживанием, когда и какой комплект я надевала в прошлом. Корешки билетов, оставшихся после концерта "Boys Like Girls", на который мы с моей лучшей подругой Мисти ходили в октябре прошлого года. Крошечный клочок жесткого атласа, который я срезала с задней части ленты Королевы бала, прежде чем вернуть его обратно. (Да, они используют одну и ту же ленту из года в год.

Вот почему на ней не напечатан год. Потрепанно и дешево — таков Граундсборо).

На меня накатила тошнота. Эти вещи не были мусором. Они были воспоминаниями, символами жизни, которой я когда-то жила, и единственными вещами, которые остались после нее.

— Мама! Перестань! — Я снова ударила по мешку, на сей раз с еще меньшим успехом. Мешок даже не двинулся.

Мой протест прошел незамеченным, и мама продолжила сгребать и выбрасывать мои самые ценные вещи. К тому времени, как она закончит, эта комната перестанет быть моей. Конечно, останется мебель, фотографии в рамках (по одной с каждым из моих родителей, парочка с Мисти и мной, и несколько с разными парнями со школьных балов), будильник и стерео... вся эта чепуха.

Но мама выбрасывала все те вещи, которые делали эту комнату действительно моей, словно они ничего не значат. Словно я ничего не значу. Разве родители не должны навсегда сохранить ваши вещи? Все эти макаронные ожерелья, нарисованные пальцами картины и первые орфографические тесты? Разве они не являлись чем-то вроде сокровищ прошлого?

Разве они не стали чем-то еще более особенным после смерти ребенка?

Судя по манипуляциям мамы с мешком для мусора, это не так.

Уилл был прав, — вторглась нежелательная мысль. Он пытался предупредить меня об этом, и я его проигнорировала. Откинув эту мысль в сторону, я выбежала из своей комнаты и из дома. Не хочу оставаться и смотреть на все это. Слава богу, мама не единственный мой

родитель. И даже не любимый.

Пятнадцать минут спустя, срезав путь через дворы, обойдя крутые дренажные канавы, и перейдя несколько оживленных улиц (еще одна приятная особенность быть мертвым в том, что если вас изначально переехали, вам никогда не придется беспокоиться об этом дважды), я стояла на пороге нового дома папы — небольшого вычурного бунгала в стиле кейп-код, в котором он жил с Джиджи. В действительности, дом-то был не новый. Прошло уже три года, как папа ушел от мамы, и два с половиной, как он женился на Джиджи.

Вначале я заметила, что очаровательный серебристый Фольксваген Эос, предназначенный мне в качестве подарка на выпускной, больше не занимает почетное место на подъездной дорожке, загораживая полгаража, используемого папой для хранения оборудования для гольфа. Его место занял некрасивый минивэн.

Нет, нет, нет. Не дав себе возможности обдумать это, я просто вбежала в кабинет папы, даже не потрудившись пройти через дверной проем. Двери, стены — все это меня сейчас не волновало.

Я нашла папу именно там, где ожидала и надеялась. Он ссутулившись сидел за своим столом, подперев рукой голову и глядя на фотографию нас двоих — отец и дочь на танцах в пятом классе. В то время я еще не знала волшебную силу разглаживающих средств для непослушных кудрей и носила брекеты, тьфу. Но ему, похоже, нравилось это фото. Оно было единственным в комнате. Рядом с ним стояла рюмка коньяка. И даже в тусклом свете лампы я видела, что папа плачет.

— Слава богу. — Я плюхнулась на кожаный диван за ним и по привычке перекинула волосы через подлокотник, чтобы они не спутались. — Хоть кто-то еще скучает по мне. — Мы с папой всегда были близки. — Ты знаешь, что вытворяет мама? — спросила я. — Ты должен ее остановить.

Он, конечно же, не ответил, и даже если бы каким-то чудом услышал меня, то сомневаюсь, что я смогла бы убедить его пойти к ней домой — в свой бывший дом, — какими бы не были обстоятельства. Он сбежал из него словно из города, в котором разразилась чума.

Вернуться обратно было смерти подобно.

Но мне просто необходимо было попробовать.

— Она не понимает, папа. Она все выбрасывает. — К своему ужасу я почувствовала слезы на глазах и комок в горле. Будучи живой, я практически никогда не плакала. Слезы были слабостью, непозволительной роскошью, которая недопустима, если хочешь остаться у власти.

Когда-то я желала стоять во главе верхушки общества Граундсборо. Теперь я мертва, и все мои знакомые закончили школу. А я, черт побери, плачу... снова. Моя загробная жизнь ужасна.

Дверь папиного кабинета без стука открылась. Я вытерла глаза. Джиджи. Явилась моя маче-Мотра, я так называла ее про себя, потому что она злобное существо, уничтожающее все на своем пути. Несмотря на то, что она не могла меня видеть, я не хотела выглядеть уязвимой перед ней.

Раздраженно фыркнув, она прошла к папиному столу и шлепнула ладонью по столу, опуская листок.

— Я хотела подождать, чтобы показать тебе это, но тебе явно нужна встряска. — Она отступила, все еще одетая в рабочую одежду: укороченный жакет с черно-белыми вставками,

черная юбка-карандаш и лакированные туфли на шпильках. Да, я ненавидела ее, но это не значит, что я не уважала ее способность разбираться в хороших тканях и классных туфлях.

Однако я с некоторой злорадностью отметила, что ее юбка чуть ли не трещит по швам, а задница медленно пытается пробить путь к свободе.

— Джиджи гигантская задница, — усмехнулась я. Обожаю это. Я по привычке взглянула на свои руки и увидела, что мои пальцы начали мерцать. Блин. — Но она, кажется, делает моего отца счастливым, — послушно пробубнила я.

Отец долго смотрел на лист, который дала ему Джиджи, а затем дрожащей рукой поднял его на свет. Ему нужны были очки — все знали, что они ему нужны, но он был слишком тщеславен, чтобы признать, что его подводят собственные глаза, а не мир вдруг стал расплываться. Боже. Пристрелите меня прежде, чем я состарюсь. Ох... не берите в голову.

— Это точно? — хрипло спросил он.

Я выпрямилась. Через плечо папы лист, который он держал в руке, напоминал мне одну из тех абстрактных бесформенных картинок, что мой психотерапевт Эндрюс пытался заставить меня идентифицировать на наших абсолютно бесполезных сеансах терапии. (Я тогда сказала ему, что все они похожи на сумочки разных дизайнеров, изощрявшихся, дабы дизайн был интересным. Стив Мэдден, по словам Эндрюса, означал, что я страдаю от подавляемой враждебности.) Только папин листок был черным с белой фигурой, а не наоборот. Но папа, кажется, тут же понял, что это такое.

Джиджи шмыгнула носом и кивнула.

Шмыгнула? Неужели она плачет? Я встала с дивана и подошла ближе, чтобы узнать, что могло вызвать такую реакцию маче-Мотры, стараясь не натолкнуться ни на папу, ни на Джиджи. Я бы прошла прямо через них, но в то время как они просто вздрогнут от внезапного холода и решат, что это сквозняк, я заполучу головокружение и тошноту.

Даже в нескольких дюймах от листа я все еще не понимала, что это такое. Он был похож на зернистую фотографию некоего большого белого пятна со стрелками и крошечными письменными указаниями. Я напряженно рассматривала его, наклоняясь все ниже и ниже над плечом папы. Ноги, сердце, позвоночник, и... Вот дерьмо. Там, в верхней части страницы.

Девочка. Ожидаемый срок: 12.24.

Джиджи вынашивает мою замену.

Я отшатнулась, задев локтем грудь Джиджи. Она вздрогнула, а я упала на колени, пытаясь дышать и борясь с тошнотой. Кабинет вращался вокруг меня. Ребенок? Маче-Мотра собирается рожать? Но папа всегда говорил, что больше не хочет детей. Это слишком дорогое удовольствие, и к тому же, зачем ему кто-то еще, если у него уже есть идеальная дочь? Так он говорил мне, когда Джиджи ныла о том, что хочет от него ребенка.

— Дочь, — слабым голосом сказал папа.

Джиджи снова кивнула.

— Я знаю, что это не то же самое. Но ты никак не мог решиться на ребенка, и так как ничто не может вернуть Алону, я подумала, что тебе это может в каком-то смысле помочь.

— Помочь? — заорала я на Джиджи. — Как это может помочь? — Я поднялась на ноги. — Ты не можешь заменить одного человека другим! Не можешь заменить меня... какой-то имитацией, как заменяешь фирменные бренды подделкой. Он мой отец. Он понимает разницу. Он знает, что ты пытаешься сделать, и это никогда не сработает. Я для

него единственная. — Я понимала, что теряю над собой контроль и начинаю истерить, а это приведет к исчезновению частей тела. И, действительно, взглянув вниз, я увидела, что исчезли мои ладони и стопы.

Успокойся. Дыши. Если я сейчас потеряю над собой контроль, то после удара миссис Руц, исчезну и вероятно не вернусь до завтрашнего утра... в лучшем случае.

Я зажала язык за зубами и ждала, затаив дыхание, что на все это скажет папа, ждала, что он обругает Джиджи за одну только мысль о том, что что-либо может сделать потерю его единственной дочери более терпимой.

Вместо этого он вытер лицо тыльной стороной ладони и, к моему ужасу, прислонил картинку УЗИ к нашей с ним фотографии, полностью меня ей загородив.

— Папа, — прошептала я. — Нет.

Он улыбнулся маче-Мотре и, притянув ее к себе, прижался лицом в раздавшуюся талию.

— Не могу дождаться. — Его голос звучал приглушенно, но в нем отчетливо была слышна радость.

Моей последней мыслью перед исчезновением — уже вторым за сегодня, было: моя сводная сестренка, еще совсем микроскопическая, практически одна горстка клеток, уже победила меня. Это недопустимо. Я объявляю войну.

Я не смог заснуть сразу. Нет, не потому, о чем подумали вы.

Ну хорошо, и поэтому тоже. Я все еще чувствовал на своей подушке запах цветочного шампуня Алоны и представлял, что все еще ощущаю ее тепло около себя.

Но было и кое-что еще.

Через пять минут после того, как Алона прошла сквозь стену моей спальни, мама заглянула в комнату пожелать мне спокойной ночи и, будем уж смотреть правде в глаза — проверить меня.

Ее лицо светилось от счастья. Она, должно быть, хорошо провела время в кино с Сэмом. Где, как я уверял себя, они не делали ничего лишнего и на самом деле смотрели фильм. Во всяком случае, я отказывался верить во что-то другое, это было бы слишком... странным.

— Просто хотела сказать, что я дома, — сияя, сказала она мне.

Боже мой, что это за красное пятно на ее подбородке, натертое щетиной? Нет, нет, нет, я этого не видел.

— Вернулась точно до двенадцати, молодец, — ответил я, понятия не имея, сколько сейчас времени.

— Ха, очень смешно. Спокойной ночи. — Она протянула руку чтобы закрыть дверь.

— Подожди, — позвал я и замолчал, заколебавшись. Мне не хотелось портить ее хорошее настроение, но я должен был знать.

Из всего сумасшедшего бреда Алоны о говорящей с призраками, кое-что имело смысл.

Если есть одна говорящая с призраками, то, возможно, есть и другие.

— Папа никогда не упоминал кого-нибудь еще? Такого, как мы?

Улыбка мамы слегка угасла.

— Милый, я даже не знала, что в нем было что-то особенное, пока ты не рассказал мне о вашем... даре.

Здорово мама избежала слова "с ним было что-то не то" и "о вашей проблеме".

— Я знаю, но может к нему кто-то приходил или он говорил о ком-то не с работы?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она довольно долго молчала.

— Твой отец был сложным человеком, и у него были... трудности.

Да уж. Ему легче было позволить окрестить себя шизофреником, чем признаться, что он видит и слышит мёртвых.

— Когда у него был трудный день, я не усугубляла ситуацию и не задавала вопросов, — сказала она.

Я помнил эти дни. Отец рано возвращался с работы, и стоило мне переступить порог дома, как мама просила меня не шуметь. В эти дни в доме должно было быть насколько возможно тихо, темно и спокойно. До недавнего времени я не думал об этом, а теперь понимал, что ему нужны были тишина и покой, потому что он, вероятно, провел целый день в окружении призраков, привязанных к коллегам или разным местам работы. Должно быть, это было невыносимо. Учась в школе, я хотя бы знал, где какие призраки находятся, что они могут сделать, и есть им дело до живых или нет, в особенности — до меня. Он же, по долгу работы, все время сталкивался с новыми призраками и новыми проблемами.

— Когда у него был хороший день, — продолжила мама, — я... я не хотела портить его.

Мне очень жаль. Тебе теперь это должно казаться ужасно эгоистичным. — Она грустно улыбнулась мне, и на ее глаза навернулись слезы.

Я поморщился и начал вставать.

— Мам...

Он остановила меня, подняв руку.

— Я в порядке. — Она прочистила горло и моргнула, смахивая слезы. — Он не всегда был таким. Раньше он радовался жизни, был более общительным. На самом деле, когда ты был маленьким, он вечно проводил выходные "с ребятами". — Она рассмеялась. — Он называл это книжным клубом, хотя из какого такого книжного клуба можно возвращаться настолько уставшим и пьяным в стельку? Скорее всего, они играли в пейнтбол или занимались другой какой ерундой, о которой женам предпочитают не рассказывать. — Она снова засмеялась, теперь уже с оттенком грусти, вглядываясь в неведомое мне воспоминание. — Я тогда так злилась на него.

Затем она подошла ближе и мягко сжала мою ногу через одеяло.

— То, что ты другой, не означает, что ты должен быть одинок, милый.

Ох. Она решила, что я из-за этого беспокоюсь. Лучше пусть думает так, чем узнает правду..

— Я знаю, — ответил я.

Медленно, подбирая слова, она продолжила:

— Вот почему я думаю, что неплохо было бы тебе проводить побольше времени с другими друзьями. — Она чересчур радостно улыбнулась.

Другими словами, не с Алоной.

Я мог бы объяснить, что не могу похвастаться обилием друзей, особенно в последнее время. Джуни все еще приспособливалась к жизни в "групповом доме", не говоря уже о том, что ходила на летние занятия для получения диплома об окончании школы. Эриксон отдыхал в Калифорнии со своими двоюродными братьями, наслаждаясь последним летом, заполненным куревом и серфингом. Лили же... Лили находилась там же, где и последние десять месяцев. В госпитале Св. Катрины.

Ее души уже не было здесь, ее забрал свет сразу же после автомобильной аварии, а тело попало в больницу и все еще функционировало. Пару месяцев назад Алона спасла мою жизнь, сделав вид, как будто Лили общалась с нами с той стороны (это длинная история). Она написала сообщение на спиритической доске и даже сумела на мгновение слиться ладонью с ладонью Лили и передвинуть ее руку. С тех пор родители Лили решили не отключать ее от аппарата искусственного кормления. На этом настояла ее мать. Я не уверен, что отец Лили поддерживал эту идею. После того инцидента я несколько раз навещал Лили в больнице, но напряжение между ее родителями было настолько велико, что я старался побыстрее уйти. Если бы Лили знала об этом, то ее бы это не порадовало. Мама кружила возле нее, всегда проверяя, под рукой ли удочери спиритическая доска. Отец же багровел при любом упоминании "общения".

Но легче было согласиться с мамой, которая знала далеко не все и очень обрывочно, чем затевать с ней спор.

— Конечно, — ответил я. — Никаких проблем.

Она довольно улыбнулась..

— Я завтра работаю в первую смену. Придешь к обеду? Думаю, Сэм поставит тебе дневные часы.

Окончив школу, я подрабатывал в закусочной помощником официанта. Такой работой не похвастаешь, но это здорово — иметь свои деньги на бензин. В те дни, когда мы с мамой работали вместе, я приходил пораньше, чтобы пообедать.

— Приду. — Алона будет недовольна. Она ненавидит болтаться в закусочной и утверждает, что ее волосы после этого пахнут жиром. Маловероятно, но кто я такой, чтобы указывать ей на это?

Мама кивнула и направилась к выходу.

— Эй, мам? Ребята из книжного клуба... они были с работы отца? — спросил я. Наверное, я цеплялся за воздух, но все же мне нужно было знать точно.

— Что? Ох. Даже не знаю. — Она нахмурилась. — Я не помню. Наверное, да. Это было так давно. — Она прищурилась на меня. — А что? Ты же не думаешь, что они были... такими?

Как девушка из особняка Гибли? Как я, мам?

— Нет, — сказал я. Если они были такими, то почему тогда отец никогда не упоминал о них при мне? Одно дело — отказываться говорить о нашем даре/проклятии, и совсем другое — позволять мне думать, что мы такие одни, когда это совсем не так. — Конечно, нет.

Она кивнула, успокоившись. Ее лицо просветлело, снова отразив частичку счастья, принесенного Сэмом.

— Спокойной ночи, милый.

Она выключила свет и закрыла дверь. Спустя несколько секунд в ванной раздался звук льющейся воды, а затем звук маминых шагов, направляющихся в спальню. Затем дом погрузился в тишину.

Как бы мне хотелось, чтобы я мог заснуть так же спокойно и легко, как мама. Но разум не давал мне отдыха, и я снова и снова возвращался мыслями к сегодняшнему вечеру, раз за разом прокручивая его в голове — то быстро, то медленно. К сожалению, ответов я так и не нашел.

Наконец, задремав, я услышал какое-то странное царапанье в окно над изголовьем кровати.

Моей первой, прорвавшейся сквозь дрему и совершенно не логичной, мыслью было, что за мной пришла взбешенная миссис Руц. Я точно знал, что это не Алона. Она всегда беззвучно проскальзывала в комнату и так же беззвучно удалялась.

Я вскочил с кровати, подавляя инстинктивное и детское желание позвать на помощь, и зашарил рукой в поисках выключателя лампы на своем столе.

Окно поднялось, и я обругал себя за то, что все время оставляю его открытым.

Я, наконец, включил лампу и поднял ее над головой наподобие оружия, когда в окне появилось знакомое лицо со стоящими дыбом темными волосами.

— Слава богу, — вздохнула девушка из особняка Гибли, цепляясь за раму.

Я не двигался. Не мог двигаться. И я не был уверен, что не сплю.

— Ты в курсе, что почти каждый призрак в городе знает твое имя, но не знает, где ты живешь? — Не дожидаясь ответа, она перелезла через окно на мою постель и сошла на пол. — Ты чего это? — спросила она, хмуро уставившись на поднятую лампу.

Как будто это я, а не она, только что влез в чужое окно. Я, наверное, не был бы так

поражен, даже если в моей спальне внезапно очутилась Джессика Альба. К счастью, после ухода Алоны я надел футболку, а в том, чтобы быть увиденным в боксерах, нет ничего страшного.

— Что ты хочешь? — спросил я, обретая дар речи. Зловещие предупреждения Алоны звенели в ушах и с каждой секундой казались все менее и менее безумными. Почувствовав себя немного глупо с поднятой над головой лампой, я поставил ее на место.

— Подозрительный какой, — сказала она, все еще хмурясь.

А вот теперь я разозлился.

— Не ты ли несколько часов назад обвиняла меня в том, что я разрушил твою жизнь?

Девушка вздохнула.

— Ты собираешься все усложнять?

Она протянула руку, и я отступил. В спину впился острый край стола, а девушка, оказывается, просто хотела подвинуть к себе стоящее у стола кресло. Она подкатила его к себе, ухмылкой давая понять, что видела, как я отступил, и ее это позабавило. Развернув кресло, она уселась лицом к спинке, положив на нее руки.

— Где королева? — спросила она.

Мне потребовалась секунда, чтобы понять, что она имеет в виду Алону.

— Не здесь, — осторожно ответил я. — А что?

— Это хорошо, — кивнула она.

— Что ты хочешь? — повторил я, все еще не зная, как отнестись к ее появлению в моей комнате. Да, мне было любопытно. Но не настолько, чтобы терпеть вторжение непрошеного гостя посреди ночи.

Я буквально слышал в голове шепот Алоны. Вторжение на твою территорию. Это демонстрация силы. Черт. Может быть, мама права. Я провожу с Алоной слишком много времени.

Девушка ответила не сразу. Под ее холодным оценивающим взглядом я чувствовал себя так, словно снова оказался в кабинете Брюстера. Я воспользовался возможностью, чтобы лучше ее рассмотреть, и хотя пытался сделать это в той же угрожающей и жесткой манере, как у нее, сомневаюсь, что мне это удалось.

Она все еще была в своих поношенных брюках-карго и военных ботинках. Серебристая клейкая лента склеивала носок одного ботинка, по-видимому, не давая ему развалиться. Ее сильно выющиеся темные волосы, так возмущившие Алону, по-прежнему окутывали голову словно ореол, но сейчас уже не казались плохо ухоженными, возможно потому, что были скрыты в капюшоне.

— Ты знаешь, я была не права относительно тебя, — наконец сказала она, отталкиваясь носками ботинок от пола и вращаясь на кресле туда-сюда.

— Что это значит? — спросил я, неуверенный, хочу ли узнать ответ.

Она устроилась на кресле поудобнее, как будто оно было ее собственным.

— Сначала я подумала, что ты искатель приключений или местный без дара, решивший проверить, что он может увидеть.

Эм... упс?

— Потом я решила, что, возможно, ты любитель Каспера. — Ее губы скривились от отвращения.

Опять этот термин. Я понял смысл из контекста, и это явно было оскорбление, но она так об этом сказала, словно Каспер действительно существовал.

— Но, — она наклонилась ближе, — у меня было некоторое время, чтобы подумать над этим, и ты не из таких, верно? Ты даже не понимаешь, о чем я говорю.

— Ну, про "местного без дара" не понять было сложно, — ответил я.

Она усмехнулась, и что-то опасное сверкнуло в ее глазах, которые к моему огромному удивлению оказались разного цвета — синего и зеленого.

— Забавно. Мне это нравится, — заявила она.

Ну да. А в третью нашу встречу ты признаешься мне в любви.

— Так что ты...

— Я предлагаю договориться, — прервала она меня.

— Уху. — Даже я сам слышал в своем голосе недоверие.

— Ты сможешь мне кое с чем, а я поделюсь с тобой информацией.

— Информацией о чем?

Она улыбнулась.

О том, чего ты еще не знаешь.

Почему ты думаешь, что я не...

Она вытащила из кармана что-то маленькое, блестящее и серебристое, подняла и помахала им мне. Я был практически уверен, что это устройство, которое спасло мне жизнь, испарив миссис Руц прямо на моих глазах. Я увидел на нем кнопки и торчащие из одного конца провода. Раньше я не успел этого рассмотреть.

— Стандартный образец, — сказала она.

— Для кого? — спросил я, не удержавшись.

Она усмехнулась, поняв, что я попался.

Затем ее лицо стало более серьезным.

— Сначала о главном. Ты их видишь, да? Я имею в виду, лучше меня. — Ее губы сжались, словно последняя фраза далась ей с трудом и причинила боль.

Я предположил, что она говорит о призраках.

— Не знаю. Я могу...

— Ты видел, что я целилась не туда, — резко оборвала она меня.

Господи, да что же она никогда не дает мне закончить мою мысль.

— Да, но не так чтобы совсем "не туда"...

— Когда они движутся, я их теряю, — с горечью призналась она. — Я нормально вижу их, когда они стоят спокойно, но стоит им начать двигаться, как я уже теряю их из поля моего зрения. — Она покачала головой. — Словно мои глаза не могут поспеть за сигналами из мозга.

Странно, но вот об этом я никогда не задумывался, предполагая, что, может быть, есть другие говорящие с призраками. Я не думал о том, что, если такие и есть, то способности у них будут разными. А ведь это логично. Если кучка людей умеет играть на трубе, то это совсем не означает, что играют все одинаково хорошо.

Девушка сверлила меня глазами, словно говоря: "Только попробуй меня пожалеть!"

— Зато я слышу их лучше, чем кто-либо. Я слышала нытье принцесски еще до того, как увидела ее. — Она нахмурилась. — Как тебя угораздило подцепить эту прилипалу?

Я почувствовал, что не стоит ей сейчас объяснять все про духа-проводника.

— Мы друзья.

Что в каком-то смысле — правда.

Она подняла бровь.

— Просто друзья или такие прям дружейные друзья?

Я даже не был уверен, что это значит, но по ее тону предположил, что "дружейные друзья" — нечто большее, чем просто друзья, а разговаривать на эту тему в данный момент мне совершенно не хотелось, потому что я все равно не знал ответа на этот вопрос. Мы с Алоной... ну, мы — это мы. Вот и все.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал в обмен на ту информацию, которой ты собираешься поделиться со мной? — спросил я.

Она пожала плечами, выглядя уже не такой самоуверенной, как прежде.

— Это мой последний шанс на то, чтобы стать полноправным членом и участвовать в локализации. Мне, возможно, потребуется небольшая помощь, чтобы затащить миссис Руц в коробки.

Что за тарабарщину она несет? Затащить в какие "коробки", "стать полноправным членом" где и участвовать в какой "локализации"? Первое прозвучало слегка зловеще, остальное — непонятно. Мое любопытство возросло.

— Миссис Руц? Но... она ушла. Я видел, как ты в нее выстрелила лучом и...

Девушка усмехнулась, явно наслаждаясь моим невежеством.

— Нет, разрушитель разгоняет их энергию лишь на время. Чтобы она исчезла навсегда, потребуется сделать это несколько раз, да и это не всегда срабатывает. С такой, как она, уж точно этого не выйдет. Ты видел, как она закрыла перед тобой все двери?

— Я думал, она хотела запереть меня в доме вместе с собой, — поморщившись, сказал я.

Она рассмеялась.

— Может и хотела. С некоторыми из нас подобное и произошло. Не с ней, конечно же, а с теми, что зеленого уровня.

— Зеленого уровня? — переспросил я.

Девушка многозначительно улыбнулась. Никакой больше информации, пока я не соглашусь ей помочь. Да понял я, понял.

— Значит... тебе нужно, чтобы я помог затащить миссис Руц в коробки, что бы это там не значило, после чего ты мне расскажешь...

— Всё, — закончила она. — Или столько, сколько знаю обо всем этом сама. Как я уже сказала, я еще не стала полноправным членом.

Где? — хотелось спросить мне, но я понимал, что сейчас и пытаться не стоит.

— А что потом?

Она нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что ты получишь миссис Руц, а я — всю информацию, и что потом? — У меня не выходила из головы теория Алоны, что все это могло быть своего рода сложной схемой вербовки. — Я встречу других или...

— Нет, — резко ответила она. — Это должно остаться между нами.

О как.

— Понянятно, — протянул я.

В чем тогда смысл вообще?

Она нетерпеливо фыркнула и встала, оттолкнув кресло.

— Слушай, мы можем сейчас помочь друг другу. И на этом все.

Я просто смотрел на нее.

Она тяжело вздохнула.

Если через пару месяцев ты захочешь вступить в контакт, я покажу тебе, как это сделать. Но никто не должен знать, что мы с тобой до этого встречались. Ясно?

Я кивнул.

Подойдя ближе, она схватила футболку на моей груди и сжала ее в кулаке.

— Я не шучу. Я знаю, где мы держим всех призраков зеленого уровня. Мне не составит труда как-нибудь ночью выпустить их в твоей гостиной, если будешь трепать языком.

Я торопливо кивнул. Жесткая деваха. И мне отчасти нравилось это.

Она толкнула кресло ко мне и направилась к окну, явно ожидая, что я последую за ней. Без штанов? Нет уж, спасибо.

— И... еще одно, — сказал я. — Назови свое имя. Настоящее.

Она повернулась ко мне, но молчала, сомневаясь, стоит ли это делать.

Я поднял руки. Никуда не пойду, не узнав, как ее зовут. Она уже знала мое имя и где меня можно найти. И мне это совсем не нравилось.

— Мина, — наконец сказала она. — Мина Блэквелл.

Я ждал.

— Ох, да ради бога, — раздраженно воскликнула она, полезла в задний карман своих штанов и вытащила потрепанное удостоверение.

Это были водительские права с фотографией Мины Блэквелл — немного моложе и намного веселее. На снимке у нее были брекеты, отчего она казалась более уязвимой. Согласно записям, один ее глаз был зеленым, другой — синим, и она была на полгода старше меня.

— Сент-Луис? — спросил я.

Она пожалала плечами.

— Куда отправляют, туда и еду.

— Долгая у тебя была поездка.

Я отдал ей права, и она снова спрятала их в карман.

— Обратный путь покажется намного дольше, если мне придется возвращаться с пустыми руками, — выразительно заметила она.

Ладно, ладно, я понял. Ближе к делу.

* * *

Во второй раз за сутки я оказался в колючих розовых кустах у особняка Гибли. Правда в этот раз уже с противоположной стороны заброшенного сада. Какое разнообразие!

Большинство копов, патрулирующих территорию, уже ушли. Только возле входа в дом стояла парочка полицейских машин. Соня с парой офицеров по очереди патрулировали периметр вокруг особняка. Остальную часть времени они держались у входа.

Мы с Миной находились в пяти футах от того места, где мы с Алоной увидели материализовавшуюся миссис Руц. Только на этот раз мы окажемся не лицом к ней, а за ее спиной. Если она появится, конечно. У меня было такое ощущение, будто я тут провел целые дни в ожидании этого призрака.

Таинственные металлические ящики Мины окружали точно то место, где предположительно должна была материализоваться миссис Руц, тянущиеся от них кабели

вели к нашему укрытию и непосредственно — портативному генератору, который Мина включит только в последний момент. Мы надеялись на то, что оборудование не видно в окружающих тенях. Кроме того, ни одного из офицеров не волновало, что творится во дворе, их задачей было не впускать никого в дом.

— Так как ты вообще узнала об этом? Я о миссис Руц, — прошептал я Мине. Если говорить тихо, то полицейские не услышат нас отсюда, особенно за шорохом рации и собственной болтовней. По донесшимся до нас разговорам мы поняли, что случившееся ранее они приписали буйству запертого в доме дикого животного и сдавшим нервам Сони/Ральфа.

Она пожала плечами, задев своим плечом мое и коснувшись волосами моего лица. От нее пахло чем-то пряным, похожим на корицу. Не неприятный запах, просто другой.

— Нам позвонил кто-то из Управления Декатура и Комитета по развитию. Требовалась зачистка дома, чтобы после его разрушения не возникло никаких проблем. Руководство решило, что это прекрасная возможность завершить мое обучение.

В последних ее словах проскользнул сарказм.

В машине по дороге сюда Мина рассказала мне, что "Руководство" возглавляло Орден Хранителей, нечто среднее между тайным обществом и компанией, занимающейся бизнесом, полностью состоящий из таких, как мы. Никогда о подобном не слышал, а уж поверьте мне, гуглил я на тему говорящих с призраками немало. Так что все-таки Орден был больше тайным обществом, чем какой-то малой компанией. Только разобравшись с миссис Руц, Мина могла приобщиться к Ордену и стать его полноправным членом. Ну или получить, так сказать, постоянную работу — это с какой стороны посмотреть.

— Мы все время делаем что-то подобное. Прибираемся там, где случается что-то плохое, вычищаем дом для новых жильцов. — Она передернула плечами. — Правда, большую часть времени мы не сталкиваемся с призраками зеленого уровня.

Они разделяли духов, оценивая их по способности причинять людям вред. Миссис Руц, например, могла закрывать двери. Она могла бы поймать человека в ловушку и запросто столкнуть с лестницы. Что, возможно, и делала не раз, судя по истории дома.

Я не мог связать эту новую информацию с тем, что знал сам: чтобы оставаться здесь, призраку необходимо концентрироваться на позитивной энергии, а не негативной. Но если бы это было правдой безо всяких исключений, то миссис Руц должна была исчезнуть уже много лет назад.

Оказалось, все не так просто, как я полагал. Да, я был прав в отношении позитивной энергии, но тут следовало учитывать и дополнительные факторы, как например изначальный уровень энергии, чего я совершенно не брал в расчет. Все это имело смысл, так как иначе не существовало бы злых и мстительных призраков, а мне за все эти годы довелось с ними встретиться.

Очевидно, были и различные классификации для духов, что бродили вокруг. Некоторые понятия не имели, что они мертвы, и часто вновь проживали мгновения, которые привели к их смерти. Другие, такие как Алона и миссис Руц, прекрасно осознавали, что умерли... и в случае с миссис Руц были крайне этим недовольны.

Мне так и не удалось получить полный расклад от Мины, но я понял, что по их шкале, призраки зеленого уровня ближе к верху, чем к низу. Почему ее и отправили сюда для окончательной проверки.

Зная об этом сейчас, я ощущал себя не в своей тарелке. По существу, я помогал Мине

обмануть Орден. Помимо этической стороны, до которой мне было в принципе до лампочки, я отчасти волновался о самой Мине: "пройдя" тест, она может оказаться в ситуации, которую не сможет разрулить собственными силами.

Я попытался заикнуться об этом, но Мина злобно зыркнула на меня и некоторое время отказывалась отвечать на какие-либо вопросы. Ладно, я усвоил урок. Что бы Мина не получила за пройденный тест, она считает, что оно стоит риска.

— Каким образом люди узнают, как с вами связаться? — спросил я.

— Люди, которым необходимо знать, знают. У нас есть связи среди духовенства всех религий; в местных и федеральных правительствах; в больницах, похоронных бюро и даже в полицейских и пожарных управлениях. Я думаю, о нас даже знают некоторые из тех, что ведут паранормальные расследования.

— Серьезно?

Она фыркнула.

— На случай, если один из них действительно столкнется с чем-то паранормальным.

— И вы запикиваете их всех в ящики? Ну, всех призраков.

Наверное, именно это она и назвала локализацией, и мне при мысли об этом было не очень по себе. Эти устройства — чем бы они там ни были, а Мина почти ничего и не знала об их технологии, лишь сказала: "Да какая разница? Главное, что они работают", — рассеивают энергию призраков и не дают ей собраться заново. После этого можно убирать ящики и прекращать охоту. Что случилось с призраком после этого — не совсем ясно. Некоторых изучали ученые Ордена, те, что создали все это странное оборудование, которое она таскала с собой. О том, что происходило с другими, Мина или не знала, или не захотела мне рассказать.

Она посмотрела на меня с жалостью.

— Мы это уже обсуждали. Они не души. Души нельзя измерить или захватить. Они тени, энергетическое эхо, имитация. Выбирай, что больше нравится.

Я в этом не был так уверен. В какой-то мере я понимал ее точку зрения. Души нельзя уловить на электромагнитном уровне, но это не значит, что они просто бессмысленное эхо.

— Если они не беспокоят живых, мы не беспокоим их, — сказала она. — В любом случае, их тут тьма-тьмуца.

Как будто они какие-то муравьи или мелкие вредители.

— Но, — ткнула она меня локтем, — мы служим живым, а не мертвым. Помни это.

Это объясняло ее отношение к Алоне. Я согласен, что к Алоне мало кто относится хорошо и что она далеко не всегда вызывает позитивные чувства, но это не значит, что ее следует обратить в ничто.

Сомнения, должно быть, отразились на моем лице.

— Дай угадаю. Ты занимаешься тем, что помогаешь бедным мертвым разобраться с незавершенными делами, — насмешливо сказала Мина.

— А ты не делаешь этого? — Полагаю, что нет. Я описал ей тот самый белый свет, и она с готовностью признала, что знакома с этим явлением. Однако в ее понимании это просто побочный эффект, эхо того, что осталось от энергии духа. Что это может значить для таких, как

Алона, которые бывали на том свете и вернулись, я не знал.

— Какую часть из "Vivis servimus non mortuis" ты не понял? — спросила она.

— Всю?

Мина осторожно села на землю рядом со мной и устроилась поудобнее, напомнив мне тем самым, что совсем недавно я находился в аналогичной ситуации с другой девушкой. Я вдруг почувствовал, что мне очень не хватает Алоны. Она убьет меня, если узнает, что я был здесь. И все же я не был готов уйти. Мне еще о многом нужно было узнать.

— Тебе не приходило в голову, что когда ты помогаешь кому-то из них, это может причинить боль кому-то живому? — с раздражением спросила Мина.

— Каким образом?

— Шшш... — Она больно ткнула меня локтем, и я охнул.

— Во-первых, — уже спокойнее сказала она, — ты принимаешь за чистую монету то, что говорит тебе призрак, а он может тебе лгать.

О да, с этим я сталкивался не раз. Никогда не знаешь, будет ли призрак, стремящийся завершить свои неоконченные дела, честен с тобой — или даже с самим собой — в том, какое собственно дело ему нужно завершить.

— Во-вторых, даже если он тебя не обманывает, то каково будет узнать вдовцу, что его покойная жена жалеет о том, что сделала тридцать лет назад, о чем он вообще ни сном ни духом?

Неприятно это признавать, но это хороший вопрос.

Мина пожала плечами.

— Может быть, он был более счастлив, считая, что она покоится с миром и все в таком духе, а тут приходишь ты и заявляешь, что его жена, или ее энергия, бродит вокруг несчастная и все это время наблюдает за ним?

— Но если они здесь не из-за незавершенного дела, то почему они здесь вообще? — Было такое ощущение, что мир, который я знаю, потихоньку ускользает.

Мина нетерпеливо вздохнула.

— Ты слишком много думаешь об этом. Почему мы здесь? Почему все здесь? — Она покачала головой. — Все это неважно. Главное — думать о всеобщем благе.

Это тоже имеет смысл.

— Наша работа заключается в защите живых. Мы здесь герои, а не злодеи, — добавила она.

Злодеями в ее понимании были Любители Каспера. Это не организация, во всяком случае не такая, как Орден. Любители Каспера были паранормальными активистами-защитниками, ставящими духов выше живых. Они поклонялись им как божествам или посланникам таковых, и при любых обстоятельствах рассматривали уход духов из этого мира как что-то плохое.

Я не хотел вставать ни на чью сторону. Мы с Орденем фактически выполняли одну и ту же работу. Только я помогал духам узнать, что удерживает их здесь, и отправиться дальше.

— Кстати о призраках, — усмехнулась Мина, — кажется, у нас появилась компания.

Я посмотрел сквозь переплетение веток и листьев вперед, на расставленные ящики. Их едва было видно в темноте. Лунный свет рассеивался, скоро начнется рассвет.

Легкое свечение появилось между ящиков, прямо над грязной наволочкой, набитой столовым серебром. Частью ложек Мина выложила круг внутри ящиков для отвлечения внимания миссис Руц. Мы очень рассчитывали на ее одержимость своим сокровищем и на то, что она не упустит из виду ни одну серебряную ложку. Сосредоточившись на том, чтобы

все их собрать — а я ничуть не сомневался, что ей это удастся, она действительно сильный призрак, — она до самого конца не заметит захлопывающуюся ловушку.

Таков был первоначальный план Мины. Заманить миссис Руц в гостиную с несколькими выходами, в отличие от спальни, в которой до этого спрятано было серебро, и затащить в ящики. Только я ей в тот раз помешал. Пришлось сначала спасать меня. И теперь я ее должник.

— Готов? — напряглась рядом со мной Мина.

Моя роль была проста. Включить генератор, дать знать Мине, если миссис Руц попытается выйти за пределы ящиков, а когда все будет кончено как можно быстрее сматывать удочки, потому что последующее за этим шоу со световыми эффектами ни черта не останется незамеченным копами.

Нет.

— Да, — ответил я.

Мина кивнула, что я в темноте больше почувствовал, чем увидел. Она села на корточки. Хотя я того и не видел, но знал, что в руках у нее пульт управления. Мина показала его мне, когда мы доставали все устройства из ее машины. При помощи пульта стоящие на земле ящики должны были раскрыться и разделить энергию, составляющую миссис Руц, на пять равных частей. Для этого миссис Руц должна была полностью материализоваться, иначе ничего не получится.

Я пристально смотрел вперед, ощущая напряженность Мины. Она была решительно настроена довести работу до конца.

Платье миссис Руц уже начало напоминать настоящую ткань, а не проекцию оного, когда она заметила лежащие на земле ложки. Я так думаю, что заметила, потому что начала подбирать их, и Мина ткнула меня локтем.

Я включил генератор. Тот заработал, как мне показалось, с оглушающим ревом, но это оттого, что я сидел рядом и страшно боялся быть пойманным.

Миссис Руц резко вскинула голову и удивительно быстро для женщины с такой комплекцией развернулась лицом к источнику шума.

— Пора, — сказал я Мине.

Она секунду никак не реагировала, и я понял, что стоит миссис Руц слегка сдвинуться, как Мина теряет ее из вида. Черт. Она действительно плохо их видит.

— Мина...

Она нажала кнопку, и ящики открылись, выстрелив в темноту желтовато-белым светом. Черт. Никакого шанса на то, что нас не заметят.

Пять лучей упали на миссис Руц и разрезали ее на части, словно фотографию. На ее лице так и застыла ярость. Затем лучи начали медленно втягиваться в ящики, каждый с размытым цветовым пятном, являвшимся до этого миссис Руц.

От входа в дом раздались громкие голоса, хлопки открывающихся и закрывающихся автомобильных дверей и бегущие шаги.

— Мина, — прошептал я.

— Подожди, — сказала она, нахмурившись. На ее лице играл свет от рассеивающихся лучей.

— Мина!

— Порывшись в сумке, она что-то достала, открыла со щелчком, и наше убежище

осветилось зеленым светом. Это были светящиеся палочки, похожие на профессиональные, как у спелеологов. Мина встала и кинула их подальше от нас и пути нашего отступления. Они завертелись и полетели дугой, как мини-НЛО. Пара из них с громким шлепком ударилась о стену дома.

Бегущие шаги замедлились и остановились. Фонарик прошелся над скрывающими нас кустами, а затем повернул в направлении светящихся палочек.

— Сейчас, — прошептала Мина. Она нажала на другую кнопку на пульте и ящики закрылись, совершенно поглотив лучи.

Я выключил генератор, а Мина перебросила кабели от ящиков через плечо. Генератор мы по плану должны были оставить здесь.

Мы бросились через двор, направляясь к улице за домом и кварталом за ним. Там мы припарковали машину Мины — потрепанное Малибу, видимо, так же повидавшее жизнь, как и мой Додж.

— Эй! — раздался позади крик, и я прибавил скорости. Вот уж не хочу все это объяснять маме.

Я оглянулся посмотреть, как там справляется Мина, таща еще и все свое оборудование, и увидел, что она бежит в другую от меня сторону.

Какого хрена?

Должно быть, почувствовав на себе мой взгляд, она тоже оглянулась через плечо и весело салютовала мне рукой. Я начал поворачиваться, чтобы побежать за ней, но понял, что столкнусь с офицерами, преследующими нас с фонариками и, может быть, пистолетами.

Нет уж, спасибо.

Черт. Нужно убираться отсюда.

Держась в тени, я бежал через передние и задние дворы домов, окружающих особняк Гибли, в сторону от улицу, где мы оставили Малибу. В конце концов, ключи от машины у Мины. Без них мне незачем туда направляться.

Лаяли собаки. Я бесконечно спотыкался о шланги, детские игрушки и садовые стулья, но держал равновесие и не сбавлял скорости. Мне очень повезло, что Историческое общество запретило ставить заборы в этой части города.

Пробежав около шести кварталов, я вынужден был остановиться и передохнуть. Я согнулся пополам рядом с уродливым, в викторианском стиле, домом с заколоченными окнами, пытаясь отдышаться и при этом сдерживать рвотные позывы. Порезы на спине пульсировали и горели.

Что Мина сделала?

Оставила тебя на произвол судьбы, получив то, что ей нужно, — насмешливо ответил голос Алоны в моей голове.

Я пытался услышать, преследует ли кто меня, но ничего не слышал за стуком собственного сердца и шумным, паническим втягиванием воздуха в попытке отдышаться.

Судя по всему, моя договоренность с Миной завершена.

Нельзя доверять таинственной девушке, появившейся в вашей спальне посреди ночи, независимо от того, насколько много общего у вас с ней может быть. Теперь, когда я стоял здесь один, в темноте, в милях от дома, это казалось простым и очевидным.

Я подождал еще несколько минут, все еще успокаивая дыхание и пытаясь собрать мысли воедино. Собаки в окрестностях успокоились, и полицейской сирены слышно не было.

Либо они поймали Мину, либо перестали искать меня.

Она солгала мне, пообещав сказать, как связаться с Орденом. И я понимал, почему она это сделала.

Воображаемая Алона в моей голове еще раз презрительно фыркнула.

Мина рисковала многим, чтобы пройти этот тест, и с ее стороны было бы неразумно рассчитывать на то, что я, незнакомый ей человек, сдержу свое обещание держать язык за зубами.

Вот дерьмо. Алона бы за милю почувствовала что-то неладное.

Черт, теперь я уже не сомневался в том, что Мина мне солгала абсолютно обо всем, включая существование Ордена. Но она совершенно точно хотела куда-то влиться. И она искренно говорила о том, что мы служим живым, а не мертвым. Хотя куда мне сейчас судить об искренности.

Ну что ж, мне предстоит очень долгая дорога домой, так что можно начинать отделять вымысел от возможно реальных фактов.

Глава 6 (Алона)

С самого утра я привыкла видеть Уилла слегка помятым. Волосы торчком, измятые простыни, руки широко раскинуты, глаза полуприкрыты, и со сварливым выражением лица. Обычно, очень сварливым. (Он не жаворонок. У меня никогда не было такой роскоши при жизни — ранние часы в спортзале ожидали не одну девушку — и сейчас подавно, нет. Не мог ли автобус сбить меня по пути на обед?)

Но это утро, было другим.

Он лежал на кровати, лицом вниз, поверх простыней, полностью одетый, в кедах, со следами свежескошенной травы на них. В общем, совершенно ничего схожего с тем, каким я оставляла его вчера вечером.

Этого было достаточно, чтобы отвлечь меня на мгновение от желания разбудить его.

— Что с тобой случилось? — спросила я.

Он подпрыгнул от звука моего голоса, а затем простонал в ответ, не поднимая головы.

— Сколько времени? — пробормотал он.

Я закатила глаза, хотя он вряд ли мог меня видеть. Как будто я неожиданно начала появляться в полдень.

— А сам как думаешь?

Он перевернулся на спину и поднял руку, загораживая свет, идущий от окна.

— Слишком рано.

Я сузила глаза на него. Что-то произошло.

— Прощлой ночью сюда приходила Лизель? Потому что я сказала ей...

— Что? Лизель? Нет, — кое-как он умудрился привести себя в горизонтально-сидячее положение, — Я в порядке. Мне нужно всего лишь проснуться.

— Похоже, ты мало спал.

Я должна отдать должное своему образцовому поведению и отсутствию пошлых мыслей, кроме тех, когда на нем оказывалось гораздо меньше одежды, чем обычно.

Его бледно-голубые покрасневшие глаза встретились с моими.

— Ничего. Просто... прошлой ночью снаружи, я услышал шум.

— Так ты оделся, пошел проверить и забыл раздеться, когда вернулся? — спросила я с недоверием.

— Что-то в этом роде, — он потер лицо руками.

Минуточку...

— Приходил Эриксон? — потребовала я.

Многолетняя склонность игнорировать духов до того, как я появилась, привила Уиллу несколько дурных привычек, которые я пока не смогла сломить. Первой, была его склонность вставлять наушники в уши всякий раз, когда он не хотел меня слушать.

Второй склонностью, было его отношение "забей на проблемы", когда рядом был его друг Эриксон, что к счастью, случалось не часто.

Я готова была ко всему, но после того, как увидела свою мать обнимающейся с бутылкой, в попытках забыться, я стала немножко подозрительной, видя кого-то еще о ком можно было позаботиться.

— Нет, он в Калифорнии, помнишь? — Уилл медленно встал, как будто у него все болело и побрел к шкафу. Зачем, я не знаю, когда половина его одежды как обычно, кучей

лежала на столе и нуждалась, чтобы ее разложили после стирки.

Я обошла вокруг кровати, чтобы последовать за ним.

— Это так на тебя не похоже, — хмуро сказала я.

— Я плохо спал.

Он провел рукой по почти пустым вешалкам, сталкивая их между собой и создавая тем самым, громкий грохот — В чем дело?

Я нахмурилась. Что-то, все равно было не в порядке, но время ускользало сквозь пальцы. Я уже потеряла прошлую ночь, и каждая прошедшая минута, еще больше моей жизни была выкинута на обочину в мешках для мусора, и мой отец все больше и больше привязывается к будущему отродью его новой жены Джиджи.

— Мне нужно, чтобы ты поговорил с моими родителями, — сказала я.

Он замер.

— Что произошло? Все в порядке?

— Да, все нормально. Они просто глупо себя ведут, и я хочу напомнить им о своем существовании, — я хотела сказать это очень холодным, беззаботным тоном.

Но вырвалось следующее, — Она выбросила мою ленту Королевы бала! — из-за неожиданного комка в горле, я едва смогла выдавить это. Черт. Я думала, что уже пережила тот момент, когда расстраиваюсь из-за...по крайней мере перед кем-то еще.

Уилл обернулся.

— Что она сделала?

Он принял это близко к сердцу (хотя, скорее он не понял всего, что я имела в виду), безвозвратно сломив ту малую часть сдержанности, еще находящуюся во мне и слезы выступили...снова.

Он встревоженно взглянул на меня.

— Все в порядке.

Он протянул руку и нерешительно положил мне на плечо. Я прижалась к нему, и он обнял меня.

От него исходил слабый запах пота и чего-то еще, словно корица, но не совсем. Это заставило меня зачесать нос и чихнуть. Это, мягко говоря, раздражало. Но я не собиралась отстраняться от него из-за запаха.

— Это сделала твоя мать? Выкинула ленту? — спросил он.

Я почувствовала вибрацию от его голоса в груди и у моей щеки. Он, видимо, пытается собрать воедино, всё то, что я ему сказала.

— Ну, было не совсем так. — Сказала я, пытаюсь отдышаться между рыданиями. — Только в этом мало толку, я исчезну прежде, чем отдам ее обратно. Никто не сохранит эту ленту. — И даже сейчас я уже исчезала. Началась новая волна слез

— Мне очень жаль. — Пробормотал он, поглаживая мои волосы, я почувствовала себя так хорошо, что почти потеряла часть — хотя не полностью, — своего контроля. — Что еще?

— Что еще она выбросила? Всё что не было прибито.

— Нет, я имею в виду, что еще случилось?

Я отстранилась от него, чтобы посмотреть на него хмурым взглядом.

— Разве этого не достаточно?

— Да. — Быстро ответил он. — Конечно. Я просто подумал...

— У моего отца будет ребенок. — Фыркнула я. — Не у него конечно. А у моей мачехи.

— Мачехи? — Спросил он, и я смогла расслышать смешок в его голосе.

Я кивнула, сжав его рубашку.

— Поэтому она пикирует и все разрушает.

Он молчал довольно долго. Затем он произнес:

— Ты знала, что в некоторых фильмах мачеха на самом деле герой, верно?

Я отстранилась от него.

— Но не в этот раз.

— Хорошо, хорошо. — Он оборонительно поднял руки. — Ты права.

Немного успокоившись, я позволила ему обнять себя и продолжить успокаивающе поглаживать волосы.

— Ее зовут Джиджи. Я имею в виду, мою мачеху. И она беременна. — Последнее слово сорвалось с губ, как тяжелый вздох.

— Я думаю, что это наверно хорошо. — Осторожно сказал он.

— Ты думаешь так, потому что не знаешь, какая Джиджи сука, и ты наверняка не знаешь, но мой отец всегда ей говорил, что не хочет больше иметь детей, потому что у него есть я. А теперь у него меня нет.

— Алона, я уверен...

— Он взял фотографию УЗИ и закрыл ею моё фото. — Эти слова быстро вырвались из моих губ, и я спрятала голову у него на плече, поэтому встретиться с ним взглядом я не могла. Я не знала, сделал ли он это со всеми фотографиями или только той, что в офисе. Это было просто слишком грустно и жалко.

Его пальцы запутались в моих волосах.

— Ты знаешь, что они все еще любят тебя. Они всегда будут тебя любить, не зависимо от того сколько комнат они уберут или сколько у них будет детей.

Ага, как же. Он не знал моих родителей.

— Поэтому ты поговоришь с ними? — спросила я.

Он напрягся.

— Я не уверена, что нужно говорить с ними напрямую. — Он склонился к моему лицу. Я могла бы быть более гибкой, однако... — Просто отправь им письмо или каким-нибудь другим способом, как мы обычно делаем.

— Твоя мать снова пьет? — Тихо спросил он.

— Что? — Я отодвинулась, чтобы посмотреть на него. Выражение его лица было слишком серьезным. Это послало всплеск необъяснимого страха через меня.

— Нет. Но, это все что мне известно.

— А твой отец счастлив?

— Только потому, что он не знает. — Парировала я. — Он наверняка думает, что я научилась играть на арфе или сижу на облаке или что-то типа того. — У людей забавные представления о загробной жизни.

Он отпустил меня и снова повернулся к своему шкафу. Но он ничего не взял, просто смотрел, наверное, составлял ответы на вопросы, которых я даже не знаю.

— У тебя какая-то проблема? — Потребовала я. Это не было тем, что мы делали для других людей каждый день.

— Как это поможет им? — Спросил он.

— Что? — Спросила я, уверенная в том, что он не прав.

— Если они, наконец, добрались до точки, от, которой могут двигаться дальше и...

— Наконец? Прошло всего лишь два месяца!

Он посмотрел на меня, с напряженным недовольством.

— А что, если им станет еще хуже? Что, если твоя мать спрыгнет с поезда, только из-за того что будет чувствовать себя виноватой, когда узнает о твоём присутствии здесь? Или, твой отец, который решит, что не сможет любить этого ребенка также, лишь потому, что он может задеть твоё самолюбие? Что тогда? Сколько людей окажется в худшем положении, чем были раньше?

Я с трудом подавила желание закричать "Ну и что?", потому что я действительно не хотела того, что может произойти, но признать то, что я была здесь, что я существовала, было бы неплохо. Вместо этого, он чувствовал, что всем лучше без меня. И Уилл просто не понимал этого.

— С каких пор мы беспокоимся об этом? — потребовала я. — Сколько писем и телефонных звонков мы сделали, даже не задумываясь о людях?

Он вздохнул.

— Может быть нам стоит задуматься. — Сказал он.

— Нет. — Сказала я с нетерпением. — Наша работа это не беспокойство о живых. Они могут менять действительность. Это как, остальная часть нас, которая нуждается в помощи.

— Кто сказал? — Спросил он. — Свет? Ты даже не можешь сказать мне наверняка, что случилось, пока тебя не было, ведь так?

Я уставилась на него.

— Кто ты? С каких пор ты стал думать про это? Ты будто в одночасье изменился...

Я остановилась. Что-то загорелось в моей голове. Уилл, был в кровати и вполне счастливый, когда я уходила. Уилл был одет, когда я вернулась этим утром и пах каким-то ночным приключением и незнакомой пряной девушкой, я задалась вопросом о своей цели, его цели и нашей совместной работе.

— О. — Поневоле сорвалось с моих губ, большим порывом воздуха, сопровождающее чувство появилось в желудке.

Его глаза расширились, и он понял это. Он знал то, что знала я.

— Ты встречался с ней снова, верно? — Спросила я. Просто сказала эти слова, чувствуя прилив крови.

— Это была не моя вина. — Быстро сказал он. — Она нашла меня. Она нашла мое окно и...

Я покачала головой. Конечно. Как глупо, Алона. Стандартная ошибка новичка. Я недооценивала своего врага. Я думала, что здесь дома мне не придется беспокоиться о нем, когда мы были вместе. Она не знала его имени или адреса. Но мне только сейчас пришло в голову, что она, возможно, узнала его имя, обойдя всех призраков этого города. Уилл был относительно известным, по крайней мере, среди мертвых-но-не-ушедших из общества. Я не привыкла, что могут быть другие, которые могут относиться к определенному виду населения.

После такого, было бы слишком просто найти его номер телефона в гугле или даже сходить в школу и найти нужную информацию. Киллиан, вероятно, был в списке, и я не думаю, что это довольно сложная процедура, чтобы найти что-то.

Я медленно отошла от него, не уверенная в том, что собираюсь сделать, просто я не могла больше стоять так близко к нему.

— Это было совсем не так. — Настаивал он, следя за мной. — Она нуждается в моей помощи с коробкой Миссис Руц.

Я замерла.

— Коробка Мисис Руц?

Его бледные щеки порозовели.

— Она не пропала. Она была слишком сильной, чтобы все разрушить. Поэтому мы... держим ее, чтобы она никому не навредила снова.

— А потом? — Спросила я спокойным голосом.

— А что потом?

— А что ты потом сделал с миссис Руц?

Он поморщился.

— Мина забрала ее. Я имею в виду коробку. Часть... не бери в голову.

Я почувствовала, что меня сейчас стошнит.

Как любой человек, которому выбили дух, я могла бы понять причины появления миссис Руц, но чтобы отдать дух тому, кого не знаешь? Тому, кто смог бы или нет — и я склонялась к последнему варианту — позаботиться о судьбе миссис Руц. Тот, кто разорвал ее... на куски? Не то, чтобы она была замечательным человеком, но я не думаю, что это было наше решение о том, кто пойдет к свету, а кто попадет в ловушку в коробку. Как мы узнаем, где провести черту? Что еще более важно, где бы он это сделал?

А что насчет меня? Все это от нежелания что-то изменить, не желая делать этого ни с кем, кроме меня?

Что, если он решит, что я должна быть в коробке?

Уилл шагнул ко мне, и я сразу же отошла, выставив руки перед собой, как будто он мог ударить меня.

— Я не знаю тебя. — Сказала я.

Он побледнел.

— Я не... она не... мы же только что разговаривали. Она сказала, что расскажет больше о таких, как я. Но как оказалось, она просто использовала меня, чтобы найти миссис Руц. После того, как она нашла Руц, она ушла.

Но она вернется. Или, она не остановится пока не найдет ее. Своим уходом она почти гарантировала это. Я уже сейчас могла это сказать.

— Теперь я не знаю, что из этого было ложью, а что...

— Подожди. — Я не могла в это поверить. — Ты хочешь, чтобы я пожалела тебя?

— Она солгала, но я не знаю...

— Как ты.

— Нет, — Решительно сказал он, качая головой. — Нет, я не пытаюсь ничего менять. Просто я хотел больше узнать о том, кто я такой.

— Ты знаешь, что должен сделать! — Даже я услышала в своем голосе панику.

Он только посмотрел на меня, и через пелену слез, я увидела, что он не был уверен. Чтобы она не сказала ему вчера вечером, это оставило семя сомнений в его голове. И этого было более чем достаточно, чтобы разрушить все.

Он не поможет мне. Он, вероятно, не поможет никому из нас. Ему не придется помогать, если с ним будет блистательная Мина со всеми своими маленькими штучками. И я ему буду не нужна.

Я отодвинулась от него, чудом не задев край стола, ища место, где можно было бы обойти его и уйти через стену. Мне необходимо выбраться отсюда, пока я не заплакала.

— Алона. — Сказал он. — Пожалуйста, не надо.

Я не обратила на него никакого внимания и продолжила идти.

Он вздохнул.

— Я не сказал, что хочу остановить то, что мы делаем, просто может быть нам стоит подумать об этом с другой точки зрения.

— Живым взглядом. — Сказала я.

Он откашлялся.

— Да. — Его взгляд молил меня о понимании.

За окном, я слышала характерный грохот мусоровоза, который находился по соседству. Был день уборки в Гринсборо. Если моя мать была достаточно мотивированна для того, чтобы перетащить все мои чемоданы из комнаты к обочине, вся моя жизнь навсегда могла оказаться на грани исчезновения на свалке.

— Мне просто необходимо время, чтобы обдумать все это. — Сказал он.

Я яростно кивнула.

— Я гарантирую, что у тебя будет много времени, чтобы обдумать все это. — Не прошло и дня, как я гадила всем, кто напрашивался на это и заботился обо мне. И так, если он собирается сделать что-то большее, чем сердечная мольба, чтобы изменить ход событий, то я не собираюсь ждать, чтобы это ни было. Нет, я покончила с ожиданиями. Моя загробная жизнь в моих руках.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, встревоженно глянув на меня.

Он знал меня слишком хорошо. Слишком.

— Это означает, что я вполне уверена в том, что не подхожу под твои определения "важно", как "жить", это не твое собачье дело. — Затем я отвернулась и прошла через стену.

Помимо всего прочего, из-за мелодраматических уходов, вы должны полюбить то, что вы призрак.

Всегда существует только один выбор, так ведь? Конкретные действия, и вот ваша личная линия на песке. Ядерную угрозу ты держишь в заднем кармане, даже не упоминая об этом, потому, что только сильнее обострится конфликт за пределами примирения.

И все же, я была здесь, объявляя войну, превратив эту линию на песке в простые точки вдалеке от себя.

Вестибюль больницы Святой Екатерины был полон людей в это время суток. Некоторые из них ждали встречи с тем или иным врачом. Другие держали в руках передатки для близких на этажах выше. Мой отец прошел через этот коридор в понедельник утром, не так давно, требуя информации, о его дочери и автобусной аварии.

Не в первый раз, я хотела пережить этот день. Когда мой отец позвонил утром, я сказала бы ему, что пришла в себя и разобралась с матерью. Затем я бы отказалась разговаривать с каждым из них, пока они не будут вместе. Не повзрослела? Возможно, но я бы решила проблему, будучи посредником, который всегда был бы на первом плане.

Ну, конкретно не так. Это — я здесь в Святой Екатерине, готовилась принять крайние меры — все было из-за Уилла.

Он не оставил тебе выбора, напомнила я себе. Уже сейчас, я знала, что он никогда не простит мне этого. Не важно, что наши отношения "больше, чем друзья" закончатся, призрака нельзя вернуть к жизни. Но мое сообщение будет доставлено, и он будет знать, что я не должна была делать этого. Это было важной частью.

Я направилась к лифту и встала рядом с женщиной с гигантской связкой воздушных шаров со словом "ПОПРАВЛЯЙСЯ" и огромным плюшевым медведем, одна пушистая лапка

была перевязана. Она выглядела так, будто идет в нужное место. Теперь, когда я решилась это сделать, я не хочу тратить время на катание вверх или вниз по всем этажам.

Мои руки вспотели. Я только однажды это сделала и уже была в отчаянии. Что делать, если это не сработает?

Я покачала головой. Нет, это должно сработать.

Хотя, если честно, мысль о том, что потребуется для достижения успеха, испугала меня еще сильнее, чем возможность неудачи. Почти.

Лифт просигналил о своем прибытии, и я пошла внутрь за женщиной с ее воздушными шарами. Педиатры.

Когда двери открылись, показывая те же неприятные и улыбающиеся лица, то я вспомнила свою первую поездку, женщина со своим медведем и воздушными шарами повернула направо. Я повернула налево, мимо стола медсестер, память о второй половине дня я бы предпочла забыть.

Когда я гуляла, я считала двери, выходящие в коридор, и остановилась, когда я нашла частично закрытую дверь на полпути. Это единственно верное, из всего, что я смогла вспомнить.

Я заглянула внутрь. В комнате царил полумрак, жалюзи опущены и выключен телевизор, но я видела достаточно хорошо, чтобы понять, что я в нужном месте.

Лили Тернер выглядела так же, какой я видела ее пару месяцев назад. Но все же удивилась, учитывая ее коматозное состояние. Она лежала на половину поднятой постели, ее блестящие светло-каштановые волосы разметались по подушке сзади нее. На этот раз, по крайней мере, ее глаза были закрыты. Глядя в них, кажется, будто смотришь в, какую-то пустоту и это было жутко, словно видишь ад.

Я вошла внутрь, проходя частично через дверь, но не смогла не заметить, что Лили осталась такой же, а комната изменилась

Пару месяцев назад, то тут, то там стояли фотографии в рамках. Было похоже на то, что ее семья ждала ее домой...

Хотя теперь, было так, как будто ее спальню из дома была кропотливо перенесена кусок за куском и снова собрана вокруг ее больничкой кровати.

Простыня с замками, фейри и конные экипажи были прикреплены к одной стене, прикрывая шлакоблоки, видимо Лили не декорировала спальню заново, с тех пор, как ей было шесть лет.

Книги и фотоальбомы были сложены в небрежные стопки на ее тумбочке. Мягкие игрушки, затасканные и с отсутствующими частями тел, охраняли подоконник. Рядом с ними лампа-балерина, ее розовая пачка, придала комнате бледно-розовое свечение.

И так же там были спиритические доски. Они были повсюду. Это было хуже, чем я когда-либо могла себе представить. Уилл говорил, что это было плохо, но я никогда не думала, что это будет выглядеть так. В дополнение к старомодной деревянной доске в кровати с Лили, ее вялые пальцы покоились на указателе, десятки разновидностей и типов каждой, валялись разбросанными по комнате. Сделанные из дерева, пластика, ярко-розовые (что-то с этим не так, я уверена) и стандартные и черные, старые, новые, большие, маленькие (спиритические доски компактного размера?), даже пара, которые казалась, были сделаны из прозрачного желтоватого материала, который вероятно, светится в темноте.

Некоторые были сложены на полу; остальные были бессистемно распределены по комнате, на тумбочке, на пустой кровати, которая должна принадлежать ее соседке по

комнате, на столике с колесиками, которым они пользуются, чтобы подавать Лили еду, если она могла бы, есть таким образом. Обертка, по крайней мере, от двух новых досок торчала из мусорного ведра, и стопка упакованных игровых коробок со спиритическими досками покоились на одном из кресел для посетителей.

Те доски, я знала, не имели ничего общего с воссозданной спальней Лили, а были связаны с Уиллом и мной.

В прошлом году, Лили покинула вечеринку — первоклассную вечеринку, ту, которую я бы сама посетила — в слезах, после стычки с ее "бойфрендом" Беном Роджерсом. Бен был игроком, особенно, когда дело доходило до новичков, вроде Лили. Она действительно должна была знать лучше, но затем опять же, у нее, очевидно, не было большого опыта в нашей социальной жизни. Это, по словам Уилла, который был одним из нескольких друзей Лили, преждевременные попытки подняться выше на несколько ступенек по социальной лестнице.

В любом случае, она врезалась в дерево, по дороге домой с той вечеринки и отправила себя в больницу. Вообще-то она не умирала, но также ей не становилось лучше.

Уилл сказал, что ее душа ушла. Судя по всему, она сразу же перешла к свету, но ее тело просто продолжало жить, до поры до времени.

Затем, пару месяцев назад, другая подруга Уилла — Джуни, похитила тело Лили, и доставила его к Уиллу в надежде, что он в состоянии найти ее душу и вернуть назад в тело. Из-за странного поведения Уилла и различных подсказок, Джуни раскрыла секрет Уилла о том, что он разговаривает с призраками.

Она чувствовала, что инцидент с Лили — ее вина, они поссорились, когда дружили втроем — и она хотела, чтобы Уилл помог ей сделать все правильно. На самом деле, она была безумна, чтобы сделать это правильно. Уилл сказал ей, что невозможно вернуть дух Лили назад в ее тело, но Джуни не поверила ему. Затем отрицательная энергия Джуни — страх, разочарование, вина и сожаления — в сочетании с присутствием Уилла и спиритической доской, проявила себя, как физическую силу. Разочаровавшись при отказе в помощи, Джуни нечаянно сделала Уилла мишенью этой силы. Сила перекрыла воздух и способность Уилла дышать, медленно убивая его. Джуни была слишком погружена в свои собственные страдания, не увидев, что на самом деле происходило. Так что, я сделала то, что должна была сделать, чтобы привлечь ее внимание.

В тот момент, когда жизнь Уилла была в опасности, это было легко. Используя тактильные качества, которые пришли от находившегося рядом Уилла, я написала Джуни сообщение, которое ей нужно было увидеть, на спиритической доске. Затем положила свою руку внутрь руки Лили, чтобы коснуться Джуни. Это сработало. Джуни остановилась; Уилл был спасен.

Но, очевидно, я так же дала семье Лили причину надеяться. Количество и разнообразие спиритических досок в ее комнате кричали об отчаянии. Если одна не работает, может быть, другая сработает. Может ей не нравятся эти пластиковые. Может, нужна одна ее любимого цвета. Они возлагали свои надежды на каждую новую покупку, никогда не зна наверняка, что эти доски не были идеальными, и даже если такая существует, Лили не было рядом, чтобы воспользоваться ею.

Единственное что имело значение, что Лили ушла. Она перешла в тот мир, то блаженное пространство без беспокойства и страха, в то, которое я могла вспомнить во время самых кратких и самых разочаровывающих вспышках.

Но благодаря мне, ее семья думала, что она все еще где-то по близости, и кстати, сегодня я здесь, чтобы использовать эту веру в своих интересах.

Я с трудом сглотнула, глядя на бледную, исхудавшую девушку, которая казалось терялась среди покрывал и подушек. Она не была симпатичной, но она могла бы стать поразительной, чуть-чуть уверенности, правильное использование средств для волос и макияж. Сейчас у нее был еще рваный шрам, протянувшийся от линии роста волос вниз к краю челюсти, на левой стороне ее лица. Но даже он выглядел незначительно при взгляде с определенного ракурса. Хотя он уже казался менее опухшим и покрасневшим. Эта ее часть исцелялась, даже если все остальное тело нет, и вероятно, дало ее семье еще одну причину надеяться.

Смогу ли я на самом деле сделать это? Когда-то, я вероятно бы замешкалась. Когда я была жива, я по-разному использовала людей, не подумав дважды. На мой взгляд, если ты разрешил использовать себя или достаточно слаб, чтобы позволить этому произойти, тогда ты получил то, что заслужил. Если ты не хищник, ты — добыча, верно?

Когда-то. Было так. Мне просто нужно передать сообщение моим родителям.

Я подошла ближе к ее кровати, чтобы подождать, пока моё сердце перестанет биться так быстро. Я почти ожидала, что Уилл неожиданно появится в дверях и начнет кричать на меня. Он знал, что я могла сделать так. На самом деле, я была единственным духом, которого он когда-либо видел или слышал, с такой способностью. Он должен был знать, что я подумую об этом... правильно?

Но Уилл не пришел.

В комнате было спокойно и тихо, ровное сердцебиение Лили звучало на заднем фоне, нарушая тишину.

Затем женщина, с такими же светло-коричневыми волосами, как у Лили вошла в комнату, держа больничный поднос с жалко выглядевшим бутербродом, увядшим салатом, и двумя апельсинами. Ее мать. Должно быть она. Согласно Уиллу, ее мать редко, если вообще когда-нибудь, покидала Лили, надеясь, что та может достаточно проснуться, чтобы снова общаться.

Я смотрела, как она подходит. Она двигалась, как будто каждый шаг причинял боль. Ее коричневый вязаный кардиган, казался на три или четыре размера больше ее тонкой фигуры.

— Я принесла тебе апельсины детка, — сказала она мягко, будто Лили просто дремала и она не хотела её будить. Она аккуратно обошла вокруг её кровати и села в кресло посетителя на противоположной стороне у изголовье Лили. — Я знаю, как сильно ты их любишь. Я подумала почистить их здесь, чтобы ты смогла почувствовать их запах. Можешь взять кусочек или два, если ты проснешься.

Её голос звучал хрипло от усталости. Эта женщина давала всё, в чём нуждалась её дочь, каждый грамм энергии, каждую унцию силы. Если бы Лили понадобиться трубка для подпитки воли к жизни, то мать достанет её в кратчайшие сроки.

Это была худшая часть. Для связи через Лили, мне нужен кто-то живой, что бы слышать мои слова. Я могла бы использовать для этого её мать, так же как использовала её.

В тот первый раз, последствия общения с Джуни через Лили в моей голове не выходили за пределы непосредственной выгоды — Джуни бы остановилась и Уилл бы выжил. Я не думала о её семье, ожидания в течение нескольких месяцев, когда она проснется, что бы быть с ней в те короткие минуты, чтобы увидеть некоторые моменты сознания. Это наверно было разрушительно... и жестоко.

Это было не преднамеренно. Но и сейчас это было вопреки тому, что большинство людей, в том числе и Уилл, полагали, будто у меня была совесть. Рассказывая что-нибудь, она выглядела, как раздутая тыква в своем новом мини-платье (правда) это далекий мир, в котором убитой горем матери дают ложную надежду (именно так).

Надо покончить с этим. Ты сможешь сделать это только один раз, а затем, возможно, как только все успокоится, ты сможешь вернуться и сказать ее семье "до свидания" ради нее. Она оценит это, наверное.

Я ждала, пока ее мать сядет и сделает оранжевый пилинг, прежде чем я начну. Я не хочу делать это дважды за сегодняшний день. Я вспомнила все слишком ясно те чувства, которые потеряла и ушла с помощью тела Лили, потому что мы слились в одно целое. Это было страшно, очень страшно. И я не очень хотела испытывать это снова.

Я наклонилась в сторону кровати Лили. Затем я сделала глубокий вдох, медленно выдохнула, и положила руку поверх руки Лили.

Ни на секунду, я не задумалась о том, что произойдет. Я почувствовала тепло ее кожи под своей ладонью, и это было все. Затем я прошла сквозь поверхность, и моя рука оказалась в ее руке. На наших запястьях граница смазывалась, болезненно бледный-смертельно бледный.

Стараясь не обращать внимания на тепло, которое ползло вверх по моей руке, даже быстрее, чем в первый раз, я дернула руку, и рука Лили качнулась в ответ. Пластмассовая доска воткнулась в деревянные доски под тяжестью ее руки, но я все еще могла перемещать ее. Было легче, когда здесь был Уилл, и можно было просто перемещать предметы вокруг доски и это сработало бы снова, если бы я захотела достичь большего.

МАМА

Я поморщилась. Было ужасно называть так кого-то, кто не являлся моей мамой. С другой стороны, моя мать не смогла бы даже сохранить мои вещи, не говоря о том, чтобы переехать в другое место. Она просто пыталась выжить единственным способом, который она знала. Я знала это. Но тем не менее.

Сердце на мониторе рядом с кроватью Лили ударило раз или два, но это было не слишком громко.

МАМА

У мамы Лили ушла секунда на то, чтобы узнать звук, который она услышала — скрип указателя по доске. Она вскочила, поднос соскользнул с ее коленей на пол со скрежетом твердой пластмассы и ударился о керамику, чтобы посмотреть на спиритическую доску на другой стороне кровати.

МАМА

Тьфу. Я вспотела уже от усилий... и я ненавижу потеть. Тепло от руки Лили ползло вверх по моей руке и в мое плечо, и странное ощущение начало тянуть, как вакуумным отсосом, дергая меня вниз. Мышцы моей спины болели от усилий удерживающих меня в вертикальном положении.

На этот раз, однако, миссис Тернер поняла. Она побледнела, поднимая дрожащую руку ко рту, ее взгляд зафиксировался на доске, будто если она отвернется, то все исчезнет.

Ладно, что теперь?

Гм...

ПРИВЕТ.

Ее мать издала странный смех, вроде плача, её плечи тряслись и слезы текли, но не

было не единого звука. Она обошла вокруг кровати и коснулась рукой Лили. Странное ощущение, я чувствовала это на моей руке.

НЕ ГРУСТИ Я В ПОРЯДКЕ

Её мама дико закивала, слезы текли по её щекам, капали на руки и на постель.

Да, я безусловно, должна вернуться и попрощаться от имени Лили. Я не могла оставить все как есть с её мамой. Она не заслужила этого.

Она погладила наши руки, и я вздрогнула от странного ощущения.

— Детка, я так рада, что ты здесь. Мне нужно, чтобы ты сделала мне одолжение, — сказала она.

Хорошо, я не ожидала этого.

— Твой отец должен видеть это. Тогда он поверит мне. — Она спешно вытащила сотовый телефон из кармана свитера и начала набирать. — Я могла бы записать это, но ты знаешь, твой папа, он не поверит ничему, пока не увидит сам.

Так что я просто должна висеть здесь, пока папа Лили не прибудет от куда-то? Не думаю. Я начала кропотливо излагать мое сообщение, Надеюсь, ее мама, поняла текстовое сокращение.

СООБЩЕНИЕ ОТ АЛОНЫ

— Просто подожди, пожалуйста, детка? Он должен это увидеть, — ее мать прикрыла телефон рукой. — Ты знаешь, он ничего не имел в виду под этим, все те разговоры о том, чтобы отвести тебя домой... отпустить. Он просто не понимает.

Что?

Сила все тянула меня в Лили, делая сильные рывки, дергая меня пока вся моя рука не стала частью её, и мой подбородок не оказался на её плече. И я начала паниковать.

Эта сила в теле Лили медленно тянет меня внутрь. Мне нужно было выйти. Сейчас. Мое послание сможет подождать.

Я попыталась отступить и обнаружила, что не могу даже заставить себя подняться в положение стоя.

Дерьмо.

— Джейсон, она здесь! Она делает это прямо сейчас, — взволнованно сказала в трубку мама Лили. — Ты должен прийти к ней.

Голос на другом конце что-то сказал, я не смогла расслышать сквозь рев крови в ушах. Слабое, легкое ощущение, которое обычно сопровождало акт, вращалось вокруг меня. По его силе, я угадала, что от меня почти ничего не осталось ниже колен. Сила страха растворяла меня, даже когда тело Лили взяло контроль над тем, что осталось.

Мать Лили нахмурилась, смотря в нашу сторону на доску.

— Не совсем в эту секунду, но ей не просто делать это, — сказала она в трубку.

Сердце на мониторе в углу запищало быстрее и громче.

— Лили? — Спросила миссис Тернер. — Ты всё ещё здесь?

Успокойся. Подумай о счастливых мыслях. Я должна была остановить исчезновение.

Затем удушающе высокая температура накрыла мое лицо, таща меня вниз, заполняя нос до тех пор, пока я не смогла вздохнуть.

Я испугалась и набросилась всем, что у меня осталось, пытаюсь вырваться... и мои пальцы, внутри Лили, дернулись. Это была она.

Я услышала, как указатель ударился о гладкую древесину, и миссис Тернер издала

мучительный крик. Сердце на мониторе встрепенулось... а потом ничего.

Глава 7 (Уилл)

— Ты в порядке? — Сэм — мой босс и по совместительству бойфренд моей матери, по пути назад на кухню, остановился около кабинки, где я убирался. — Ты сегодня молчалив. — Он казался обеспокоенным.

— Я в порядке, — Нет ничего такого в моей жизни, чего нельзя решить десятичасовым сном и отсутствием стрессов.

Я бы погнался за Алоной, когда она сбежала этим утром, но она была слишком быстрой для меня. Мне необходимо было открыть дверь, чтобы выйти наружу. Затем я поехал к дому ее матери, подумав, что поймаю ее на пути туда, но мне не повезло. Или она отправилась в другое место, или добралась туда быстрее, что было вполне возможным, и уже благополучно устроилась внутри, к тому моменту, когда я туда добрался. Все уже не так, когда я мог бы позвонить в дверной звонок и попросить позвать Алону.

Пока я был там, я не мог не заметить небольшую горку черных мешков для мусора у подножья подъездной дорожки ее матери, теоретически подтверждающих историю Алоны. Игнорируя странные взгляды соседей на улице, я наугад схватил несколько мешков для Алоны и бросил их в свой багажник. Здесь я надеялся успеть ухватить что-нибудь ценнее, чем еженедельный выброс мусора ее матери или что-то подобное. Я не хотел обидеть ее этим утром. Просто, это было.... сейчас все было так запутано.

Затем я вернулся домой и потратил три бесполезных, до рези в глазах, часа на поиски в интернете, только чтобы фактически ничего не найти о некоем Ордене Стражей — только парочку неопределенных намеков на теорию заговора — и слишком много людей с фамилией Блэквелл в округе Сент-Луиса.

Что теперь? Я без понятия.

И Алона была зла на меня. Что возможно, не могло закончиться хорошо. Это не похоже на нее, чтобы отсутствовать так долго, даже если она была рассерженна. Особенно когда она была рассерженна. Когда дело доходило до конфликта, ее теория состояла в том, что это было только эффективно, когда другой человек болезненно ощущал вашу точку зрения — акцент на "боль" — до тех пор, пока ему или ей ничего не остается, кроме как сдаться. И Алона побеждала.

Но сейчас, чуть за девять вечера, прошло больше двенадцати часов, с тех самых пор как я видел ее в последний раз.

— Тогда может ты хочешь перейти к другому столику? — спросил Сэм, привлекая мое внимание к беседе.

Я посмотрел вниз только чтобы обнаружить когда-то покрытый крошками и липким сиропом стол, сверкающим и блестяще-мокрым. Кабинка кафе по другую сторону от меня, которая, я клянусь, была полна людей всего секунду назад, сейчас была пуста, за исключением груды тарелок и скомканных салфеток, которые мне нужно убрать. Как долго я был в отключке? Мне нужен кофеин. Немедленно.

— Хорошо, — сказал я. — Прости, думаю, мне просто нужно выспаться.

Полагаю, Алона позволит мне. Я представил себе толпу разъяренных призраков, собирающихся у моего дома — зная, что Алона, в моей долбанной спальне — прямо сейчас.

— Хорошо, тогда иди домой, — усмехнулся Сэм. — В любом случае, согласно времени, ты должен был уйти пятнадцать минут назад.

— Ох.

Проснись, Уилл.

— Я за дополнительную помощь, но думаю твоя мама начнет переживать, если ты скоро не окажешься дома, — сказал он.

Я киваю. Как обычно, он прав.

— Так же, — немного ближе наклоняется он — к твоему сведению, шестнадцатый столик протирал дыры в тебе в течение последних десяти минут. — Его рот изогнулся.

— Что бы ты ни сделал, надеюсь, это стоило того.

Он похлопал меня по плечу и ушел.

На секунду, мой разум показал образ Алоны пристально смотрящей на меня из угла кабинки, но я знал, что это невозможно. Ну, это было невозможным, так как Сэм не мог увидеть ее.

Я повернулся и подсчитал столы, пока не достиг основной области подростков. Я до сих пор не смог запомнить схему расположения, и не был полностью уверен, какой из них был шестнадцатым.

Затем снова, но это оказалось неважным, когда я оказался близок к тому, чтобы увидеть о ком именно говорил Сэм. Мина. И "протирала дыры" это вежливый способ описать это. Это больше было похоже на то, как если бы она могла воспламенить меня взглядом, она бы делала это и радостно смотрела как я горю.

Какого черта? Как будто у нее была причина, злится на меня? Это нервировало.

Я бросил свою тряпку на стол и прошагал через ресторан к ее кабинке.

— Слава богу, — произносит она, раздраженно вздохнув, когда я подхожу. — Я начала думать, что мне придется арендовать неоновую вывеску, чтобы привлечь твое внимание. Мина все еще была одета во вчерашнюю одежду, но выглядела значительно помятой, и тусклое пятно от синяка сейчас потемнело на левой щеке.

Полупустая чашка кофе стояла на столе напротив нее, окруженная полдюжиной пустых пакетиков из подсластителя.

— Что ты здесь делаешь? — потребовал я. — Я думал, ты будешь дома, отмечая свой успех и смеясь над тупицей, которого ты оставила позади, чтобы его поймали.

Я зол? Нет, конечно, нет.

— Забавная вещь об этом, — горько улыбнулась она. — Они наблюдали.

— Кто? — я потянул за узел сзади своего фартука, чтобы снять его и чтобы Розали, главная официантка и технически мой руководитель, не прервала нас, чтобы наехать на меня за "разговоры" во время работы. Я еще не ушел, но Розали скорее всего решит, что я отметился, если на мне не будет фартука.

— Руководство, — сдержанно кивнула Мина. — Они сказали, что это было для моей безопасности, но сейчас... сейчас я не уверена в этом, учитывая, что они больше заинтересованы в тебе, чем в том факте, что я солгала.

Она осторожно коснулась своей щеки с несчастно прозвучавшем смешком.

— Я не понимаю, — медленно сказал я, и сел на противоположную сторону стола.

— Это был риск, в котором они не были уверены, оправдается ли он. Но это была лишь моя жизнь, мое будущее на кону. — Мина покачала головой.

— О чем ты говоришь?

Она наклонилась вперед через стол, ее волосы скользнули по верхушке чашки с кофе. — Ты должен был сказать мне, кто ты, — прошипела она.

— Я был не единственным, кто отказался назвать имя, — аргументировал я.

Она снова рассмеялась.

— Точно. Я просто должна была знать. Прости, запомнить твою семейную историю, никогда не было одним из главных приоритетов.

Я уставился на нее, сбитый с толку. Почему моя семейная история вообще может быть в приоритетах? В какой-то момент, между прошлой ночью и данным моментом, один из нас перестал здраво мыслить. Я был уверен, что это был не я.

Она склонила голову набок.

— Ты правда не знаешь, правда же? Тебе ведь не приходилось до бесконечности слушать сказки о печально известном "книжном клубе"?

Он называл его книжным клубом, хотя какой книжный клуб подразумевает в себя возвращения домой измученным и побитым, не имею понятия. Слова матери прозвучали в моей голове, и меня пробил озноб.

— Какой книжный клуб? — осторожно спросил я.

Мина издала звук отвращения и кинула визитную карточку на стол.

— Будь по этому адресу через час. Они хотят встретиться с тобой, посмотреть что ты умеешь. Позволь им ответить на твои вопросы.

— Руководство? — Я рискнул предположить.

Она встала.

— Ты этого не заслуживаешь.

Я даже не знал чем "это" было, но вероятно, спорить с ней об этом, было не очень хорошей идеей.

— Знаешь, что на твоём месте, напугало бы меня до смерти? Если они готовы зайти так далеко, чтобы заполучить тебя, как думаешь на что они пойдут, чтобы удержать тебя?

Я, может быть, переживал бы больше, если бы понял части из того, о чем она говорила.

— Вот. — Она вытащила разрушитель из кармана брюк. — Просто запомни, это, — она указала пальцем на открытый конец с оголенными проводами, немного выступающими наружу — это опасный конец.

Она швырнула его в меня, и я поймал его трясущимися пальцами.

— И тогда я предполагаю мы увидим, оправдаешь ли ты надежды, которые они возлагают на тебя. — Она одарила меня насмешливой улыбкой и затем ушла.

Ну. Это звучало не хорошо.

— Да, будет весело. Не жди, — Удерживая телефон между ухом и плечом, я попытался проверить номер зданий, проезжая мимо. Эта часть города — один из старейших участков Декейтера — не был хорошим, и освещение было бессистемно. Он когда-то был шумный центром города, а теперь, состоял в основном из пустых и заклеенных бумагой витрин магазинов, как слепые глаза, смотрящие на меня.

— Повеселись, дорогой, — сказала моя мать. — Я так рада, что ты идешь веселиться. Увидимся утром, хорошо?

Моя мать, не привыкшая, что у меня обширная социальная жизнь, была удивлена, ей легче было соврать, то о чем я уже сожалел. Она так жаждала, чтобы я завел друзей, что моя история зависнуть с несколькими приятелями после школы, которые хотели сходить на поздний сеанс в кино, не поднимая единственный красный флаг, когда должна была поднять несколько.

— Хорошо. Спокойной ночи, — я дождался ее ответа, затем закрыл свой телефон и

бросил его на пассажирское сиденье.

Я мог пойти домой. Скорее всего, мне даже следовало бы это сделать, вместо того, чтобы приходить сюда, где в лучшем случае, — произойдет погоня за несбыточным, а в худшем — некоторые заварухи Мины, из-за которых и я попаду в неприятности.

Но две вещи беспокоили меня из того разговора с Миной, которые я не мог отбросить так быстро: Во-первых, насколько она действительно не хотела, чтобы я туда приходил, и не важно, чем была эта встреча. Учитывая предыдущее отсутствие интереса Мины о состоянии моего здоровья и благополучия, я был заинтригован, чем была вызвана такая забота. На самом деле, я подозревал, что она больше беспокоилась за себя, чем за меня.

Во-вторых, был ли шанс, что моя мама и Мина, обе ссылались на книжный клуб, который совершенно точно не связан с чтением книг, за последние 24 часа? Я сомневался в этом. И что это было насчет всей моей "семейной истории"?

Я был без понятия, что это означало, кроме того, что это как-то связано с моим отцом. Не стоило полагаться на совпадения. Все это, как-то связано с ним, я хотел...нет, мне нужно узнать об этом.

Я покосился на неразборчиво записанный адрес — 2600 Линкольн Авеню — на оборотной стороне визитки, которую Мина оставила мне. Я еще не пытался позвонить по нему, но, возможно, мне придется, если я скоро не найду это место.

Я уже был на Линкольн Авеню, и номера домов шли по нисходящей в сторону на восток, куда я направился, так что я уже должен был быть в нужной части...

Вот. Впереди меня за углом, огромный рекламный щит, объявлял о новых кондоминиумах стиля лофта на 2601 Линкольн-Авеню, и непосредственно через улицу... обшитые досками остатки Archway Theater.

Черт. Я с трудом затормозил. К счастью, позади меня никого не было.

The Archway Theater возглавлял список мест (на ряду с Граунд-Зиро ^[3] в Нью Йорке), которые я никогда, ни за что не посету. Оно было легендой.

Он был построение в 20-х годах, до начала Великой Депрессии. В теории, здание имело культурное значение для Декейтера, как одна из нескольких бывших театральных сцен, преобразованных в кинотеатр, который до сих пор существовал, хотя был закрыт десятилетиями. Исторические сообщества все время пытались вернуть его к жизни, но люди продолжали получать травмы или умирать, во время различных попыток реконструкции, на протяжении многих лет. Рабочие разбивались насмерть, упав с главной сцены, были также непредвиденные сердечные приступы, или насмерть било током, когда электричество, должно было быть выключено.

Это всегда списывали на суеверия и совпадения, но по правде говоря, было тут что-то в корне неправильным с аркой, что любой идиот мог распознать, и ни один архитектор или подрядчик ремонта. В 20-х годах, когда был утвержден план строительства театра, какому-то умнику пришла идея построить его на некоем первоклассно заброшенном имуществе в центре города... прямо поверх старого отеля, который сгорел дотла в среди ночи, десятилетием ранее.

Около шестидесяти человек погибли во время пожара в этом отеле, и некоторые тела так и не были опознаны. Затем, спустя десять лет, строительные бригады начали рвать землю, чтобы построить театр. Не беря в расчет Полтергейст, нужно быть клиническим глупцом, чтобы сделать что-то подобное.

Массовое событие такого рода, так много насильственных смертей в одно время в

одном месте, создали свою собственную уникальную энергию. Моя догадка состояла в том, что театр попал в контур сгоревшего отеля, те же самые события повторялись снова и снова, и воспроизводились именно так, как они произошли той ночью. Из того, что я прочитал онлайн, в Геттисберге было несколько больших петель, как эта. На том месте, батальоны солдат все еще сражаются за свои жизни, даже после того, как они погибли более чем полвека назад.

Каждый год, какая-нибудь группа глупых детишек дразнят друг друга и берут на "слабо", чтобы забраться внутрь и провести там ночь на Хеллоуин. Почти все они выходят от туда напуганными, иногда очень сильно пострадав, и отказываются делиться своими впечатлениями.

И вот, я был тут.

Я покачал головой. Зачем куча призрако-говорящих хотят встретиться в самом посещаемом привидениями месте в городе, возможно, даже в целом штате?

Кто-то посигналил сзади меня, и я подпрыгнул. Я убрал ноги с тормоза и повернул на Спрингфилд, чтобы поближе посмотреть на здание. Театр находился на углу, с входами с обеих сторон, хотя все выглядело темным и заколоченным наглухо. К счастью. У меня не была желания заходить внутрь.

Тогда, как раз когда я проезжал мимо, вспышка красного привлекла мое внимание. Баннер, висевший там, где был старый тент, с надписью: СЕЙЧАС НА РЕКОНСТРУКЦИИ СКОРО ОТКРЫТИЕ.

Отлично. Ну, все понятно. Полагаю, Мина говорила правду, по-крайней мере, в течение какого-то времени вчера ночью, этот Орден — организация, связанная с руководством Декейтера и Комитетом по развитию. Я ничего не знал о том, чем занимался этот комитет — давал допуск или разрешения или что-то еще? — но если кто-то из комитета был обеспокоен о "зачистки" имущество Гибли, прежде чем был построен гараж, тогда это бы имело смысл — кто-то, возможно, был заинтересован в том, чтобы театр был безупречным перед открытием.

Так что может быть они — таинственное Лидерство, о котором постоянно говорила Мина, действительно, находились где-то поблизости.

Я достиг конца квартала и остановился у разворота. В этот раз, я заметил открытый участок с задней стороны театра, где здание, очевидно, разрушено. Между все еще стоящих груд обломков, полдюжины машин, были припаркованы как попало. Но они все были направлены в сторону сетчатого забора, между пустырем и задней частью театра. И одна из них, хотя, при плохом освещении, сложно было сказать с уверенностью, я решил, возможно стояла потрепанная Малибу Мины.

Я сдал назад и рванул к открытому пространству, стиснув зубы, в то время, как мой бедный Додж грохотал и ударялся о неровную поверхность земли. Я припарковался рядом с грудой кирпичей, засунул визитку, которую дала мне Мина, в карман, схватил свой телефон с пассажирского сидения, и вышел из машины.

Звук закрывающейся двери отразился эхом в окружающей тишине. Даже хруст моих ботинок по неровному гравию звучал абсурдно громко.

Что ты делаешь, Уилл? Ты не должен находиться тут. Мой здравый смысл решил появиться, как обычно, с опаданием.

Просто заткнись на секунду. Дай посмотреть, в нужном ли мы месте.

Я прошел вдоль машин, почти ожидая, что кто-то выскочит на меня, пока не достиг той,

которая, как думал, принадлежала Мине.

Я заглянул в окно, обнаружив обертки от фаст-фуда и мусор на полу с пассажирской стороны, и куклу зомби офисного работника, приклеенную к приборной панели, прямо как и я запомнил.

Это определенно была ее машина. Я был в нужном месте.

Что дальше?

— Привет? — тихо позвал я, и сразу же одернул себя за это. Все знают, это верный способ сделать себя легкой мишенью. Кроме того, если бы это был фильм ужасов и я сказал бы — Здесь есть кто-нибудь? — Сейчас я был бы уже мертв, брыкался и кричал на когтистое существо под одной из машин.

Я полагаю, я мог, в теории, подождать прямо здесь. Они не могли съехать без своих машин, правильно? Но это почти неуважительно, как небольшой шаг, чтобы отклонить приглашение встретиться с ними. Неудачная идея, использовать такую тактику на людях, от которых я надеялся получить информацию.

Я направился к забору и нашел место, где провода были обрезаны, недавно зачищенный металл поблескивал в ослепительном свете прожектора, который падал с крыши театра.

Придерживая ограждение в стороне, я проскользнул и вошел на территорию театра. Вероятно, когда-то это место было частью отеля. Мне стоит начать уделять больше внимания и не только на признаки наличия людей из этого мира.

Задняя часть театра выглядела небольшой, коротким и неопределенным строением, построенным из нескольких видов кирпича с несколькими мусорными контейнерами, расположенными рядом друг с другом. Оно не кричало, "Самое посещаемое призраками место в городе!"

Луч прожектора над головой, был направлен на дверь, единственную не заложенную кирпичом или заколоченную досками. Дверь была ржавым металлом, с зеленой отслаивавшейся краской и выглядела так, будто от нее можно подхватить столбняк, просто посмотрев на нее, не говоря уже о том, чтобы дотронуться до нее. Дверной ручки не было; открытая дыра, с острыми концами в металле, напоминает о том, где когда-то была эта ручка.

Дверь также была открыта на фут, и за ней шел шлакоблок.

И также, никого.

Черт. Все пахло ловушкой. Или проверкой. Или как что-то в равной степени неприятное, как любая из двух возможных альтернатив. Мина сказала, они хотели встретиться со мной, посмотреть, что я могу делать. Я начал подозревать, что это обещало быть далеко не небольшим разговором, как я ожидал, а скорее выживанием сильнейших.

С другой стороны, люди, которым принадлежат машины, должны быть где-то по близости, правильно? Может они уже были внутри. Они не казались людьми заботливого типа, опять же согласно Мине, так что мне было сложно представить, как они оставили кого-то снаружи, чтобы просто поприветствовать меня.

Просто повернись и иди домой, предложил здравый смысл. Чтобы ты не нашел там, не стоит живущего кошмара внутри здания.

И что тогда? Навсегда потерять их след? Упустить свой шанс встретиться с такими же людьми как я? Никогда не узнать, говорила ли Мина о моем отце?

Я не был уверен, что готов отказаться от тех потенциальных ответов, просто потому что я боялся. Я имею в виду, стоило бояться. Призраки внутри здания могли убить меня. Они

убивали людей, которые не были говорящими с призраками.

Так что, это было рискованно. Очень.

Может в этом и был смысл. Это был тест. Чтобы убедиться, что я достоин. Они позволили, нет, поощрили Мину, попробовать в одиночестве разобрать с Миссис Руц. Так что, если это было правдой, тогда это было в их стиле.

Я стоял там, в пятнадцати футах от двери, пытаюсь взвесить свои варианты.

Если я смогу понять как его использовать, в кармане джинсов у меня лежал Минин разрушитель. Сверху там было несколько кнопок, и я до сих пор не выяснил правильную комбинацию, создающую синий луч, хотя, я пару раз пытался, на стоянке закусочной.

Также, у меня был мобильный телефон. И если дела пройдут совсем плохо, я могу позвать Алону. Она будет в ярости, даже больше чем до этого, но у нее не будет выбора, только явится, когда я позову. Именно так работала система.

Тем не менее, мне не требовалась ее помощь, и я полагал, основываясь на ее настроение ранее, она не поможет. Плюс, кто знает, как Мина или другие отреагируют на ее появление?

Продолжая сомневаться, я изменил позу, мое сердце билось слишком, слишком быстро.

Вот тогда я почувствовал это, это внезапное ощущение того, что за тобой наблюдают. Я посмотрел вокруг, но все еще никого не заметил. Не то чтобы это что-то значило. Там были десятки мест, где можно спрятаться в тени, не говоря уже о том, что каждое здание, окружающие театр были на несколько этажей выше, позволяю просмотр с различных позиций.

Если они наблюдали за Миной и мной в особняке Гибли, разве они не следили за мной сейчас?

И хотя даже не слыша тиканья часов, я почти мог почувствовать, как секунды ускользали сквозь пальцы. В какой-то момент, если я просто буду торчать здесь, мой шанс улетучится, даже не начавшись. Дверь, вероятно, в буквальном смысле слова, закроется прямо перед моим носом.

Это определено было проверкой. И первым шагом было просто найти, есть ли вход в это здание.

Я направился к двери, мой коленки тряслись и часть меня спрашивала раз за разом, "Мы в самом деле делаем это?"

Я поднялся по двум деревянным и скрипучим лестницам к двери, и затем, замешкавшись на секунду, обошел шлакоблок и переступил через порог.

Запах пыли, плесени и гниющей древесины, сразу же охватил меня. Я поморщился.

Тут было темно, но я все равно мог видеть достаточно хорошо, спасибо прожектору снаружи и все еще открытой двери

Определено, это место когда-то было за кулисами театра, но сейчас оно было покрыто грудями испорченных кусков штукатурки, старыми стульями с гниющим вельветовым покрытием, и потрескавшихся и треснутых опорочных балок, предназначенных для мусорных контейнеров снаружи. Узкая тропа вела сквозь мусор, и я смог увидеть свежие следы ног — принадлежащие, более чем одному человеку — ведущие через пыль.

Призраки не оставляют отпечатков ног, за исключением случаев, когда рядом с ними находится кто-то такой, как я. Так что, в любой случае, были эти следы оставленные членами Ордена или призраками, обретший физическую форму, это направление было верным.

Я вытащил разрушитель из кармана, надеясь, что мне не придется использовать его,

потому что, я не совсем знал как его использовать, и последовал за теми следами.

Хотел бы я сказать, что удивился, когда за мной захлопнулась дверь, оставив меня полностью и абсолютно в темноте.

На секунду я застыл. Без паники. Без паники.

Легче сказать, чем сделать. Если я позволю себе, я почти физически мог ощутить дыхание на затылке. Здесь я был не один, без вариантов.

Я переложил разрушитель в другую руку и откапал из кармана мобильный телефон. Я выдернул его неловкими пальцами в спешке. Потому что телефон был супер древним, мне пришлось нажать нижнюю кнопку, чтобы включить подсветку. Звуковой сигнал прозвучал чрезвычайно громко в густой, звенящий в ушах тишине вокруг меня, но он справился, освещая крошечную область вокруг меня и показывая отсутствие сигнала в верхнем левом углу экрана. Не удивительно, учитывая возраст здания и толщину стен, а также безпантовость моего телефона.

Что дальше? Двигаться дальше.... в темноте.

Великолепно.

Я снова двинулся вперед, следуя следам, которые еще больше выделялись в голубовато-белом освещении моего мобильного телефона. Через пару шагов, нога в джинсах напоролась на что-то жесткое и перекрывшее коридор, и что-то острое укололо меня в голень.

Я проглотил стон боли. Чем меньше внимания я привлеку, чем лучше. Если Арка поймана в реконструкционную петлю, как и все те призрачные батальоны в Геттесберге (еще одно место в списке, места которые не стоит посещать), тогда самая мощная энергия не помещает, до того отрезка ночи, когда отель сгорел. Так что, если бы я мог помолчать и пройти туда где были другие, худшее из этого, началось бы снова, я мог бы оказаться в порядке.

Моей первой догадкой, что это было невозможно, было четверо парней в костюмах. В тусклом свете мобильного телефона, было сложно рассмотреть много деталей, но я мог видеть галстуки, которые были слишком короткие и толстые, чтобы быть современными и тяжелые на вид кожаные чемоданы у их ног. Определено, призраки. Они курили, прислонившись к левой стене. На самом деле, только двое из них стояли, прислонившись к стене; двое других на половину в стене — один был только парой ног, скрещенных в лодыжках, торчащих из стены от коленей. Он явно сидел в кресле, вероятно, в давно разрушенном вестибюле. Другой стоял лицом к другим под углом, почти разделенным на пополам стеной, проносящей по центру его тела. Казалось, он не переживает об этом. Он усмехнулся — его зубы сверкнули в темноте — когда он кивнул остальным, соглашаясь с чем-то сказанным одним из них. Вероятно, чуваку из стены, раз я ничего не услышал.

Как бы жутко не звучало, это имело смысл. Для них театр не был настоящим. Вестибюль отеля был и, очевидно, этой стены не было тогда, когда они были живы. И в отличие от Алоны, миссис Руис, и некоторых других, наиболее разумных призраков, они были заперты в своем собственном времени, не подозревая ни о чем другом. До, конечно, того, момента, когда я попытался проскользнуть мимо них, с опущенной головой.

— Привет, приятель, у тебя найдется минутка? — один из них позвал меня.

Я приостановился, замешкавшись на секунду. Если я не отвечу, они, возможно, забудут что когда-то видели меня. С другой стороны, по крайней мере, один из них увидел меня, показывая, что они вероятно не полностью слепы в событиях и людям за пределами своего собственного призрачного существования.

— Ух, нет? — предложил я, не оборачиваясь. Это было не правдой, конечно, но если я посмотрел на мобильный телефон, уточнить время, кто же черт знал, на какой разговор это натолкнет?

Я услышал резкий стук его обуви по старому паркетному полу.

— Ты местный? — Он выдохнул слова и дым, закружившиеся мимо меня в облако.

Я медленно повернулся. Он, призрак, не удивился мне, хотя он смотрел на меня впритык. Меня поразило, насколько это возможно, что после стольких лет, переживая свою смерть в пожаре, некоторые из этих призраков могут начать искать причину своей смерти, даже если они не совсем понимают, что они делают. Если так, то удачи им. Бернард Шоу, подросток — портье, уснувший куря, в багажном отделении, и начался пожар. Он выжил, проснувшись во время, чтобы спасти свою жизнь. Он не потрудился рассказать кому-нибудь о возгорании, опасаясь за свою работу.

— Нет, я проездом, — сказал я призраку.

— Я так не думаю. Не в этом наряде. — Он усмехнулся, кивая на мою одежду.

Ух-ха. Точно. Хорошо.

— Мне нужно двигаться дальше. Моя... — Какую причину он поймет? Подруга — может вызвать поднятие бровей, если он думал, что это отель. Так, может, в равной степени неоднозначный "друг" — если я казался ему слишком молодым чтобы бродить вокруг в ночи.

— Мой отец, — наконец сказал я, — Ждет меня.

— Он часть конвенции?

Его слова вызвали смутные воспоминания. Причина, почему отель был полон в ту ночь — коммивояжерская торговая конвенция, проходившая в городе. Пылесосов "Durolux".

— Мы проезжали мимо, — сказал я.

Он кивнул и резко выкинул свою сигарету на землю между нами, и я затаил дыхание. Это место со всем иссохшим деревом, гниющими бархатными стульями, и пылью и мусором — было идеальным местом для пожара.

Я быстро наступил на окурочок. Огонь — одна из самых коварных частей для говорящего с призраками. Находясь рядом с призрачным окурочком, спичкой, или, черт, фейерверком, все то, от чего умер дух — было достаточно, чтобы разжечь огонь, который мог причинить достаточного много ущерба или стать причиной смерти.

— Спасибо пацан. — Он хлопнул меня по плечу, и я вздрогнул, ожидая физического контакта с ним, как живого человека, но его не последовало. С другой стороны, для него, не важно как, сколько ждать, до того, как пожар начнется снова, он тоже был живым человеком. В конце концов, все возможно.

После того, как мой новый друг вернулся к своим приятелям, я двинулся дальше. Впереди, коридор открывался в более широкую область, или так казалось. Все, что я мог сказать — свет моего мобильного телефона не достигал краев темноты, и я не видел груды хлама, сложенных вдоль сторон, которые до сих пор сопровождали мое путешествие.

Я поспешил в открытую дверь, мимо последней груды мусора в поле зрения. Я мог почувствовать потолок надо мной, поднимавшийся таким образом, что ты мог просто его ощутить, когда воздух двигался вокруг тебя. Я перешел от узкого и тесного коридора к просторному, более открытому месту. Тут шум по другому звучал. И пол подо мной тоже изменился. Каждый пройденный шаг отдавался глухим стуком.

Подняв телефон еще выше, я мельком увидел рваные нити призрачной белой ткани,

свисающие с потолка,двигающиеся силой тяги, которую я ощутил ранее. Верхняя часть потолка, ту, которую я мог видеть, во всяком случае, была более нетронутой, все еще сохраняя некую оригинальную прямоугольную форму.

Сцена. Я оказался в театре. Наверно на старой сцене. Это объясняло глухой звук под моими ногами.

Но все еще вокруг не души.

Где же все?

В отдаление, на вершине прохода к сидячим места, быстро потухшая мгновенная вспышка фонарика, привлекла мое внимание.

— Привет? — Я поспешил вперед, выставляя свой телефон чуть вперед, в поисках края сцены или хотя бы отблеска металла еще не демонтированного кресла в зале у края сцены. Там должна быть пропасть в полу, не очень большая, но достаточно большая, чтобы запросто можно было сломать лодыжку или... шею.

Но отвлекься от пола, было ошибкой. Или они уже начали реконструкцию на полу сцены или они просто забыли огородить дыру в полу, где доски уже были демонтированы. В одну минуту я был в порядке, а в следующую, моя левая нога поймала только воздух.

Мое сердце ухнуло в горло, и я рухнул вперед, мои руки и затем, голова врезались в древесину, которая все еще было на месте, на другой стороне дыры, которую я нашел.

Я вцепился в пол, чтобы остановить падение, прежде чем остальная часть не последовала за моими ногами.

Разрушитель полетел вперед, скрывшись из виду, и мой мобильный телефон выскользнувшей из руки, светясь по пути вниз к земле под разрытой сценой, я ударился о поперечную балку.

Дерьмо.

Пульс бил в ушах, и дыхание звучало, так же громко как крик. Край деревянного пола, занозистый и острый, впился в нижнюю часть моих предплечий. Мои пальцы схватились за бортик и сейчас, руки соединяли вес моего тела и пол, пока я висел, в напряженном и неловком положении, на вытянутых руках.

Бортик был облупившийся и сухим под моими вспотевшими пальцами, и мои руки начали дрожать. Я не был уверен, какая часть сдастся первая.

Я освободил одну руку, чувствую, как рвется кожа, пока я перетаскивал свою руку через край пропасти, и разместил свою ладонь на плоской поверхности сцены.

Приложив усилия, я заставил свои трясущиеся и дрожащие мышцы собраться воедино, и приземлил, половину своего тела на сцену, а другая половина моего тела все еще весела в дыре, задыхаясь и тяжело дыша пылью и грязью. Я могу это сделать. Я мог бы сделать это.

И затем у меня за спиной, вспышка света, запах дыма, и десятки кричащих голосов. Начался пожар в Archway Hotel.

Глава 8 (Алона)

Я очнулась, в удушливой темноте, не видя ничего. Я не могла двигаться, не могла видеть... не могла дышать.

Спокойствие, только спокойствие. Легко сказать, но что делать с ощущением стянутости в груди и желанием кричать, чтобы вдохнуть.

Был ли это конец? Темнота, это то самое небытие, о котором говорил Уилл? Я представляла горящие ямы пламени, или быть может, возможность видеть себя разлетающейся как пепел от костра на ветру. Но никак не эту темноту и невыносимую духоту, в которой я ничего не могла разглядеть. Я не чувствовала клаустрофобию, потому что когда мне было шесть, отец случайно закрыл меня в шкафу моей матери с дюжиной или около того меховых пальто, меховых накидок и шалей. (Я снова могла играть в показ мод, даже при том, что была уже наказана за неделю до этого. Таким образом, запертая в шкафу с мехами вместо обычного перетаскивания их вниз в прихожую, что могло вывести любого разумного человека, я использовала их для показа. Это было, как оказаться в ловушке с животным... который был повсюду.)

Но странной частью в этом, кроме бесконечной тьмы, по-прежнему была я. Небытие, — которое описывал Уилл — означало, что я не должна была существовать? Возможно, как и то, что ваше имя и память о вашей жизни всегда будет на задворках сознания, но вы не сможете полностью вспомнить этого ... навсегда.

Если бы смысл заключался в том, чтобы помнить. Я бы знала, что присутствует и другое существование помимо этого, и это было бы моим наказанием. Застрять здесь, зная то, что я никогда не смогу иметь снова, пойманная в ловушку в этой неумолимой темноте, навсегда ...

Нет. Что-то в этом казалось неправильным, и дело не только в изошренном и несправедливом способе. Каждый раз, когда я исчезала ранее, теряя контроль и позволяя отрицательной энергии захватить меня, у меня не было воспоминаний об этом. Я просто не существовала в то время. Они были просто пробелами. Как ночь на действительно плохой вечеринке.

Теперь все по-другому. Я находилась здесь. Где-то здесь.

Я изо всех сил старалась сосредоточиться, старалась не обращать внимания на ощущения, что мои легкие вот-вот взорвутся. Последнее, что я помнила, было...

Потребовалась секунда, чтобы вспоминая, всплыли на поверхность, а затем встали на свои места.

Я была в больничной палате Лили, заимствуя ее руку, чтобы передать сообщение, но что-то пошло не так. Некая сила притянула мою руку к ее, и, становясь более мощной, начала тянуть вниз. И я, как неприятно это было признавать, испугалась, оказавшись между неизвестной силой утягивающей меня и своим собственным страхом и гневом, который медленно начал поглощать меня.

Так, если это не было заключительным небытием, и что казалось маловероятным, поскольку я была все еще здесь и знала отличие от других моих временных приступов небытия, тогда это действительно оставляло только один вариант...

О, нет. Нет, нет, нет. Если бы я могла потрясти головой, то сделала бы это. Это не может быть. Это было бы просто неправильным, по многим причинам.

Но, мой разум настаивал, где-то на поверхности, что это имело место быть. Впервые я почувствовала силу притяжения, когда прикоснулась к руке Лили, чтобы затронуть Джуни. Независимо от того, что это было, оно не хотело меня отпускать, и это продолжалось несколько секунд. На этот раз, сила была сильнее, и еще более неохотно отпускала меня. Добавьте к этому крошечную тьму и тишину вокруг меня, и чувство полной замкнутости. По крайней мере, я должна была рассмотреть возможность, что ...

Существует хороший шанс, раз меня затащило в тело Лили Тернер.

Я закрыла рот, просто думая об этом. Я, заперта в чужом теле. Как это произошло? Это вообще возможно? Нет, не стоит, мне наплевать. Если так оно и было, и я находилась в ее теле, то мне просто было необходимо выбраться из него. СЕЙЧАС ЖЕ.

Меня охватила паника, и мое дыхание, или лишь жалкие потуги его, участилось. Я бросилась к своим рукам и ногам, чувствуя силу в моих потенциальных конечностях, напрягая их против давки неосвещенного пространства. Темнота поддавалась моим неистовым движениям, но не отступала. Она заполняла рот и нос, затягивая меня, при каждой судорожной попытке вдохнуть. Это было, как попытка дышать через один большой черный мусорный мешок, туго натянутый на лицо.

Остановись. Успокойся! Я заставила себя остаться неподвижной, хотя каждое мгновение, когда я не могла двигаться и чувствовать что-либо, был подобен медленной умирающей вечности. Думай, Алона.

Ты можешь сделать это, говорила я себе, пытаюсь казаться максимально спокойной и убедительной. Ты как-то попала сюда. Ты сможешь выбраться.

Только, я не была до конца уверена, как оказалась здесь. Что-то потянуло меня вниз. Имеется ли что-то, что вызволит меня?

Все хорошо. Я заставила себя успокоиться и восстановить дыхание. Давай просто подумаем, что это...

Удар невидимой молнии врезался в меня, не давая вздохнуть. Агония разлилась во мне. Моя спина выгнулась, и я изогнулась над поверхностью того, что удерживало меня на месте, мой рот открылся в безмолвном крике.

Хорошо, хорошо! Мне очень жаль. Я не хотела, чтобы...

Второй удар, почти такой же неожиданный, как и первый, ударил, парализовал меня в очередную бесконечную волну боли, трещащую вдоль моих нервных окончаний, которых у меня не должно было существовать. Как что-то могло так болеть, когда у меня даже не было подобия тела, не говоря уже о реальном теле.

Я осела на месте, не в состоянии двигаться, не в состоянии бороться, вынужденная просто ждать следующей неизбежной ударной волны причиняющей страдания тому, что осталось от меня.

Проходили секунды или часы, образовался более длинный промежуток, чем между первым и вторым ударами, и ничего не произошло.

Может... может это все. Может, их было только два.

Я не сразу потеряла бдительность, начав так думать, прежде чем молнии вернулись, еще более мощные, чем раньше.

Только в этот раз, что-то было по-другому. В тишине, что последовала — я не могла даже вздохнуть, сквозь боль: это было даже хуже, чем в тот раз, когда у меня появился ожог, который отслоился слишком быстро. Я услышала что-то, что не слышала раньше.

Голоса.

Они были приглушены до неузнаваемости или даже понимания, но, тем не менее, это были голоса.

Там кто-то был. Звучало так, как будто их там было много. Но, как только пропал эффект от молнии, пропали и голоса, и я осознала, что уже достаточно долго задержалась в этой тихой черноте.

Но теперь я знала. Я была готова.

Когда этот четвертый удар молнии атаковал, я не сопротивлялась. Это все равно не помогало бы. Я позволила это, представляя, как он проходит сквозь мое тело, как было в прошлый раз, и как я до сих пор видела в своем воображении.

И я достигла тех голосов.

Моя первая догадка того, что что-то происходило, была слишком пронизательной. Затемнение черного вокруг меня сменилось на более светлое, нечеткое серое. Мне стало легче дышать. Внезапный ритмичный шум ударов наполнил воздух. Мое сердце бьется? Оно было слишком громким.

Голоса становились все громче и все отчетливее, я последовала за ними, намереваясь сбежать. Там где были голоса, были другие люди. Люди, НЕ запертые в чьем-то чужом теле.

— Дайте мне три на пятьдесят.

— Подождите. У нас имеется ритм.

— БП это восемьдесят на шестьдесят.

— Введите еще двадцать кубов.

Голоса говорили друг с другом, и оборудование громко пищало. Где-то поблизости рыдала женщина.

— Ее состояние стабилизируется.

Подождите. Все это казалось хорошо знакомым. Слишком знакомым. Это были больничные выражения. То же самое я слышала, когда я наблюдала за тем, как они пытались спасти меня, спасти мое тело, в тот день, после школьного автобуса. Только в этот раз, не было стабилизации. Не было ритма. Не было облегчения в напряженных голосах, как сейчас.

Они спасали мою жизнь. Нет, не мою. Лили?

Я должна была выбраться отсюда прямо сейчас. Если она умерла, я не желала застревать в этом месте.

Я протолкнулась через оставшиеся слои серого и вынырнула из темноты — наконец! — в лучи слишком яркого света.

Я направила руку вверх, чтобы прикрыть еще закрытые глаза... или, вернее, я попыталась. Я почувствовала как палец или два дернулись, но не шевельнулись по-настоящему. Моя рука была тяжелой и слишком... мясистой. Будто, я неожиданно набрала сотни фунтов.

Ты просто слабачка, сказала я сама себе.

Но что-то в этом казалось совершенно не правильным.

Все тело болело, как будто, я пробыла долгое время в одной позе. Как бывает, когда ты просыпаешь после того, как спишь двенадцать часов, не двигаясь. Вся левая моя сторона, но особенно левая нога...не двигалась. Голова ужасно пульсировала, чего я никогда не испытывала. И я почувствовала, как мои руки кололи и трогали, диагностируя медицинским оборудованием мой пульс.

Нет, нет, нет. Это было неправильно.

Со слишком быстро бьющимся сердцем, — и пищущим звуковым сигналом где-то по

близости, продолжительное время — я заставила свои глаза немного приоткрыться и остаться открытыми, несмотря на свет, из-за которого они рьяно заслезились. Я совсем не могла пошевелить головой, но даже этой крошечной части обзора, размытой и болезненной, было достаточно.

Я уставилась на девчачью розовую простынь, с замками и феями, висящую на стене напротив, где я лежала. Я видела ее раньше, но никогда с такой точки зрения, с точки зрения того, для кого эта простыня была повешена. Руки, которые были не моими — во-первых, слишком бледные и во-вторых слишком сильно покрыты веснушками — покоились по обе стороны от меня. Одеяло спадало вниз, длинные ноги и пальцы ног находили слишком близко, и усердно сконцентрировавшись, также как я однажды пыталась приземлиться, делая сальто назад, эти пальцы пошевелились. Совсем немного, даже не слишком заметно для кого-либо еще. Но этого было достаточно, более чем достаточно.

В конце концов, я не сбежала из тела Лили Тернер. Нет, вместо этого, мне каким-то образом удалось запереть себя на месте управляющей ее телом.

Ладно, главное не паниковать. Верно. Я просто застряла внутри чьего-то долбанного тела! И даже не в том, которое я бы выбрала сама для себя. КСТАТИ.

Спокойно. И я позволила моим глазам закрыться, так как держать их открытыми было слишком тяжело.

Это было, как если бы я позаимствовала ее руку. Я чувствовала свою руку внутри ее, как руку в перчатке, если вы извините меня за грубость метафоры. (не думайте об этом слишком сильно). Но это было по-другому. Я не могла ощущать что-то без нее. Все было смешано и размыто вместе. Мы были смешаны и размыты вместе.

Это не может быть чем-то хорошим. Монитор рядом со мной запищал немного громче и быстрее, озвучивая мою панику.

И, видимо, я была не единственной у кого была проблема с тем, чтобы не волноваться. Как только что-то оттолкнуло дребезжащую тележку оборудования прочь, и доктор ушел, бормоча слова, которые я не могла расслышать, кресло рядом со мной громко пискнуло, когда кто-то рухнул в него и начал рыдать.

Мама Лили. Должно быть это она.

Ее теплые пальцы обернулись вокруг моих, напугав меня, и она сжала почти слишком сильно.

— Давай, детка, ты не можешь сейчас отказаться от меня.

Тоска в ее голосе съедала меня. Я стала причиной этого. Даже, если я не была уверена как, моя попытка использовать ее дочь, стала причиной этого. Боже, я ужасный человек. Не то, чтобы это было полностью моей виной. Уилл тоже был отчасти виноват в этом. Если бы он просто сделал, то, что он должен был... то есть, то, что я сказала — ничего из этого бы не произошло.

Я захотела убрать свою руку от Миссис Тернер, но удалось только пошевелить пальцами.

Она резко вздохнула, и я почувствовала ее взгляд на себе.

— Ты хочешь назад свою доску, детка?

Дерьмо. Этот монстр имел все воз...и Уилл.

Уилл. Он, возможно, сможет все это исправить.

Да. Он, вероятно, мог просто дотянуться и вытащить меня. Или, даже лучше, просто издали "позвать" меня и я должна буду прийти, чтобы ответить. Это то, как это работало.

Я не могла игнорировать его зов. Никогда не могла. И поверьте мне, я пробовала.

Итак... все, что мне нужно сделать, это найти Уилла. Я могла сделать это. Вполне возможно, что меня в любом случае вытащат отсюда завтра утром, и я окажусь рядом с ним, как обычно. Возможно. Но я не была готова рискнуть. Плюс, я не была готова провести и одной секунды больше в этом теле, чем мне было необходимо, позволить часам, которым еще нужно было пересечь 7.30 утра, совершить еще один оборот.

— Не могла бы ты позвать Уилла Киллиана, пожалуйста? — я представляла себе, что скажу это скрипучим голосом.

Вместо этого, это вышло... никак. Мое горло работало, и мой язык щелкнул и хлопал напротив моей гортани во рту, но вышло что-то похожее на мычание.

Какого черта? Я застряла здесь, не имея голоса? Дрожь от страха пробежала по мне и я почувствовала ее так, как не чувствовала уже давно, с настоящими мурашками и так далее. Слишком сильные ощущения.

— Позволь мне принести тебе доску. — Она еще раз сжала мои пальцы и отпустила.

Я снова прищурилась, и в этот раз, свет не был столь невыносимым. Не поймите меня неправильно, это все еще было так, как будто я смотрела прямо на солнце, в плане боли, но я начала приспособливаться. Если я избегала смотреть напрямую — на то, что я начала подозревать, были обычные флуоресцентные лампы, слишком яркие для моих новых чувствительных глаз — я могла увидеть немного больше.

Напрягая правый глаз, я наблюдала, как мама Лили отвернулась от меня и шарил в стопке спиритических досок на моем ночном столике.

Но прежде чем она смогла положить одну на место и я смогу проверить свои вероятно несуществующие хорошие навыки моторики, в коридоре не к месту прозвучали бегущие шаги, теперь, когда не звучали сигналы тревоги или объявление о синем коде над головой.

Они остановились прямо за моей дверью. Мама Лили замерла, ее руки обхватили розовую пластиковую версию спиритической доски. Она резко повернулась в своем кресле, и я из-за всех сил последовала своим ограниченным полем зрения.

— Что происходит? — спросил раздраженный мужской голос за дверью. Все в порядке? Она что...

— Что ты тут делаешь? — Миссис Тернер встала и повернулась, чтобы посмотреть на него, закрыв мне обзор. — Я не звала тебя.

Последовала слишком-длинная пауза.

— Я попросил медсестру оставить записку с моим номером телефона у себя, если она...

— Что, умрет? — выплюнула миссис Тернер. — Разочарован, Джейсон?

— Так не честно! Она и моя дочь, тоже.

— Правда? — Она двинулась в сторону двери, открыв мне обзор. — Тогда где ты был этим утром? Когда она была в сознание и пыталась заговорить?

Он вздохнул.

— Коррин, она не... — Он сделал глубокий вздох. — Не бери в голову. Что случилось?

Миссис Тернер шмыгнула.

— Ее сердце остановилось. Внезапно. Без предупреждения.

— Она выглядит по-другому, — сказал кто-то еще, стоя рядом за дверью.

Боже, не могли бы все, пожалуйста, зайти в комнату, так чтобы я могла понять, что происходит?

Этот новый голос обладал пискливостью, которую я заметила у первокурсника, который

пытался заговорить со мной. Младший брат Лили?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Он не должен быть здесь, — прошипела миссис Тернер. — Он не должен видеть это.

— Это его сестра, — мистер Тернер, по-видимому, прошипел в ответ, так как родители должны спорить на глазах у своего ребенка.

Серьезно. Они что, думаю мы так глупы? Конечно, мои родители перешли от громкого, злого шептания к крикам, и затем, даже хуже, к оглушительной тишине, давным-давно, так что это было чем-то новым для меня.

Казалось, это не беспокоило брата Лили. Он оставил их шипеть и рычать друг на друга возле двери и подошел ближе ко мне, его обувь проскрипела по полу, когда он приблизился.

Он попал в поле моего зрения, сохраняя осторожную дистанцию от моей кровати, но все же достаточно близко ко мне, чтобы хорошо рассмотреть.

Боже, должно быть в их семье преобладает кровь греков. Ему было двенадцать, или, может быть, тринадцать, высокой и тощий, с тонкими светло-каштановыми волосами, которые торчали вверх на его затылке худшим чубом в мире. Он был одет в рубашку поло (плюс), но она была на три размер больше и знатно яркого желтого оттенка. Seriously. У них что, в доме нет зеркала? Я так не думала, глядя на это и вспомнив то, что я видела на фотографиях Лили.

Он шагнул немного ближе, нахмурившись. Его родители позади него продолжали яростно спорить, но приглушенными голосами.

— Коррин, ты слышала их. Даже если она проснется, что вряд ли произойдет, она не будет сама собой.

— Не здесь, не прямо перед ней, — отрезала она.

Брат помахал своей рукой перед моим лицом, выпустив запах антибактериального мыла и потного парня, и я раздраженно моргнула.

Он склонил голову набок.

— Вы должны это увидеть. Она открыла и закрыла свои глаза.

— Это просто рефлекс, Тайлер, — мама Лили казалось уставшей. — Помнишь, они объясняли это.

Он уставился на меня сверху вниз, нахмурившись.

— Нет, — сказал он. — Сейчас все по-другому.

Он разместил свои руки по обе стороны моей кровати и наклонился, чтобы лучше рассмотреть. Его лицо, нависшее надо моим лицом, откровенно говоря, раздражало.

Теперь простой заставь их дать мне одну из этих проклятых досок. Я попыталась сказать ему это глазами. Поначалу это казалось хорошей идеей. Даже если я не совсем могла с самого начала сделать это правильно, может быть, они, по крайней мере, поймут, что я пыталась.

Но его родители проигнорировали его.

— Я думаю, пришло время забрать её домой, — сказал мистер Тернер.

Для меня это оказалось хорошим планом. Если "Лили" вернется домой, то Уиллу придется навестить ее. Гарантированно.

— Ты имеешь в виду, забрать ее домой умирать, — с насмешкой сказал миссис Тернер.

Подождите, что?

— Да, умереть, — сказал он. — Ей не становится лучше. А ты... — он вздохнул. — Это не хорошо для тебя.

— Не притворяйся, что будто заботаешься обо мне или Лили.

Хотела бы я увидеть ее. Миссис Тернер казалось, была в нескольких секундах от того, чтобы начать рвать и метать. Из того, что я знала о ей, я могла поспорить, что она приложит много силы в это.

Ты готов позволить ей уйти, просто чтобы тебе не пришлось жить с чувством вины за свою ошибку, — сказала она

— Это не так..

— Ты дал ей машину!

Этот внезапный крик миссис Тернер свел разговор на нет. Даже Тайлер обернулся посмотреть на своих родителей.

— Да, — сказал он не задумываясь. — Я дал нашей шестнадцатилетней трезвой и ответственной дочери ключи от машины и разрешение провести время со своими друзьями. Ты бы сделала тоже самое, но я буду тем, кто должен помнить об этом до конца своей жизни. — Его голос дрогнул. — Я мог бы остановить её, но не знал. — Звук прерывистого и хриплого дыхания, смешанного со сдавленным рыданием, послышались от него.

Я инстинктивно повернулась на звук и обнаружила, что могу двинуть головой по подушке. Совсем чуть-чуть. Но достаточно, чтобы теперь видеть их обоих. Мистер Тернер был этим большим парнем с бородой, но его голос был очень мягок. И я бы даже простила его за ношение джинсовой рубашки. Он явно скорбит.

— Мне очень жаль, — устало произнесла миссис Тернер. — Я не это имела в виду. — Она положила голову на его плечо, и он позволил это, похлопав ее по спине гигантской медвежьей лапой-рукой.

— Если мы заберем её домой, — продолжил мистер Тернер, заставляя себя говорить сквозь слезы, — ей будет комфортнее. Она сможет быть с нами. Никаких больше тестов, никаких питательных трубок, никаких врачей.

Миссис Тернер наклонилась к нему и покачала головой.

— Я не знаю... Она пыталась поговорить со мной, Джейсон, я это знаю.

— Тогда почему не один из тестов не показывает улучшение? Почему она не общается, когда мы просим её?

— Я не знаю, но...

— Ее пальцы двигались сами по себе — сокращение мышц. Если бы ты присмотрелась по ближе, то смогла бы понять это.

— Она сказала мне не грустить.

— Как много из этого ты хочешь принять за правду? — мягко спросил он. — Ты уверена, что она тянулась к "г", а не к "о" или "з"?

Прошу прощения, я с точностью указала на те буквы. Ну, насколько точно, насколько смогла, используя чужие руки.

— Я знаю, что я видела, — сказала миссис Тернер, но ее голос потерял прежнюю уверенность.

— Мы не должны забывать, мы никогда не забываем, но она может уйти, и мы можем ее отпустить, — тихо сказал он.

И забрать меня с собой? Я так не думаю. Я все еще не была уверена, как я попала в ее тело. Если Лили будет мертва, ее тело отпустит меня? Я подумала о еще одной вещи, хуже, чем застрять в живом теле, в котором я не хотела находиться, и этим было — застрять в мертвом теле.

Внутри я вздрогнула.

Брат Лили все еще был у моей кровати, наполовину сидя, наполовину прислонившись к краю, как будто, он забыл, что я находилась в драме созданной его родителями. Я не могла его винить. Я не была особо болтливой в эти дни, разве нет?

В этот раз, я даже не пыталась заговорить.

Если я собиралась остановить их, мне нужно дать им знать, что я была здесь. Казалось, мне больше повезет немного пошевелиться, чем заговорить, и рука брата лежала на кровати, всего в нескольких дюймах от моей руки. Если бы я смогла просто слегка стукнуть его, этого должно было бы хватить, чтобы привлечь внимание и чтобы он, заставил его родителей посмотреть.

Я сосредоточила все свои силы на правой руке. Мне просто нужно передвинуть пальцами немного вниз и...

Как обычно, когда я действительно чего-то хочу, я выигрываю. Удача.

Я наблюдала, как моя рука двинулась вперед и схватила Тайлера за запястье.

Тайлер подпрыгнул с криком, но моя рука все еще была на его руке, так что он тащил меня вместе с собой, пока я неловко не сползла в сторону.

— Лили! — вскрикнула миссис Тернер.

Она оттолкнула мистера Тернера в сторону и бросилась к кровати. Протолкнувшись мимо Тайлера и оторвав мою руку от его, она сгребла меня в слишком крепкие объятия.

— Я знала, что ты вернешься. Я знала, что существовала причина надеяться, — прошептала она в ухо, и ее мокрые слезы напротив моего лица.

Черт. Ситуация становится сложнее.

Глава 9 (Уилл)

Дым быстро сгустился. Задыхаясь, я полностью выполз из дыры, молясь, чтобы полусгнившие доски выдержали мой вес.

Хотя, вероятнее всего, воздух под сценой был чище. Призрачный дым, похоже, подчинялся тем же правилам, что и настоящий. А вот падение я вряд ли переживу!

Хотя мои легкие вопили о необходимости отдохнуть и сделать глоток чистого воздуха, я заставлял себя ползти по жестким и неровным доскам, не поднимая головы, прижимаясь к ним, так как внизу дыма было меньше всего. Щепки от гниющих досок врезались в ладони, как укусы насекомых, но я продолжал ползти.

Мигающий свет, похожий на отблески огня при сжигании листьев осенью, осветил театр отнюдь не настраивающий на лирический лад. Теперь я видел зрительный зал, оставшиеся ряды кресел и зияющие дыры там, где их уже убрали. В дыму я мельком увидел двойные двери, болтающиеся на петлях, в конце главного прохода. В этот момент я и увидел вспышку света. Именно туда мне и нужно было добраться. Должен был быть другой выход из здания.

За мной раздался крик агонии боли, настолько громкий и пронзительный, что я замер.

Я резко повернул голову и увидел что-то отдаленно похожее на человека в языках пламени. Две машущие руки, две спотыкающиеся ноги и все это в обрамлении желто-оранжевого огня. Темная дыра в пламени, окружающем голову, могла быть ртом.

Давай, Уилл, двигайся! Я карабкался к краю сцены.

Человек в огне шел за мной, разгоняя тьму на своем пути. Его крики теперь даже отдаленно не походили на человеческие. Если я это переживу, то никогда не смогу снова заснуть без этих криков в своей голове.

Торопясь выбраться, я наполовину соскользнул и наполовину упал со сцены, тяжело и неуклюже приземлившись на мусор, обломки. Надо мной возвышался горящий человек, грозя свалиться на меня.

Я попятился, опираясь на руки и ноги.

Мои пальцы наткнулись на что-то, не похожее на гниющее дерево, разлагающийся кусок пластика или ржавую железку.

Разрушитель. Он упал как раз передо мной.

Я попытался нащупать его, молясь, чтобы это был именно он. После нескольких попыток я все-таки нашел его дрожащей рукой. Точно — разрушитель. Я увидел отблеск грубых металлических краев в свете огня.

Горящий человек надо мной зашатался, покачиваясь на краю.

Я обхватил разрушитель руками, поворачивая, как я надеялся, открытым концом от себя и начал отчаянно давить на кнопки.

Но ничего не происходило, и человек в огне переступил через край сцены и летел уже на меня. Я закрыл глаза и отклонился назад, но я знал, что этого вовсе недостаточно. Эта куча мусора будет охвачена огнем через секунду, а вместе с ней и я.

Алона. Что будет с ней, если я не...

Потом, даже с закрытыми глазами, я увидел голубую вспышку.

Я открыл глаза и увидел луч света, идущий откуда-то позади меня. Он поймал падающего горящего призрака в воздухе и держал его в нескольких сантиметрах от меня.

Человек все еще был в огне, но языки пламени больше не двигались и не извивались по его коже или тому, что от нее осталось.

Невольно я разглядел черты изуродованного лица призрака. То, что, скорее всего, было носом, место, где были его глаза...

Потом он исчез с легким хлопком

Я устало осел на пол, внезапно ощутив острую боль в боку и зловещее чувство струящегося тепла.

— Действуйте, — скомандовал мужской голос за мной.

Поток свежего воздуха пронесся надо мной. Темные фигуры, около дюжины, быстро прошли мимо меня, они двигались как тени. Я видел, как они легко запрыгнули на сцену, их лица выглядели странно и бесформенно в бликах огня. Они использовали огнетушители и разрушители, покрывая все взрывами белой пены и голубого огня. Члены Ордена. Наконец-то. Похоже, мне всего лишь надо было оказаться на грани смерти, почти умереть, чтобы они явились сюда.

— Ты в порядке? — крикнул кто-то.

Я неуверенно сел и обернулся, двое мужчин и женщина бежали ко мне по проходу. Тот, что ближе ко мне, черноволосый мужчина в фланелевой рубашке, джинсах и поношенных рабочих ботинках, казался мне смутно знакомым. Женщине за ним, было примерно около 35–40 лет, и выглядела она, как живая кукла Барби, блондинка с большой грудью в обтягивающей леопардовой кофточке. Не подумайте, что я жалуясь. Она двигалась так быстро, насколько ей позволяла узкая юбка, которая казалось, делила ее шаги надвое. Последним шел седой мужчина в костюме-тройке, он был старше первых двоих. Он был ммм... полный.

"Он выглядит, как пляжный надувной мячик в костюме" — сказала бы Алона.

Могло это быть то самое Руководство, о котором талдычила Мина? Они не выглядели, как руководители секретной организации. Они были похожи на посетителей ресторана «Buffalo Wild Wings» во время счастливого часа, когда действует скидки на напитки.

Первый мужчина присел около меня и что-то мне протянул. Это была прозрачная маска, крепящаяся к металлической бутылке.

— Надень ее, — сказал он. — Тебе нужен воздух.

Я слышал, как воздух с шипением выходил из маски, чистый кислород, как мне казалось, только потому, что там не было дыма, пыли и всего остального. Я нащупал маску и приложил ее к лицу.

— Почему ты не использовал разрушитель, сынок? Они для этого и нужны, — спросил мужчина постарше, тяжело дыша.

Он согнулся, положив руки на колени, и пытался восстановить дыхание.

— Ты там, в порядке, Сайлас? — произнесла женщина.

Она улыбнулась мне, казалось, хаос вокруг ее не беспокоит, разве только кусочки пепла, от которых ей приходилось отмахиваться, чтобы не испачкать волосы.

Сайлас, полный мужчина в костюме, кивнул.

— Он пытался его использовать, — первый мужчина мрачно ответил за меня. — Просто не знал как.

Другие двое посмотрели на меня вопросительно, и я кивнул, мне не хотелось сейчас говорить, я просто дышал.

— Мина, — заорал мужчина в фланелевой рубахе, обернувшись к сцене.

Ооо.

Я повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как одна из фигур отделилась от группы и направилась к нам... медленно. Она сняла маску и повесила на плечо, как только дошла до края сцены, смотря на нас сверху вниз.

— Разве я не ясно объяснил твое задание на сегодня? — Его холодный тон напугал даже меня.

Мина неловко переступила с ноги на ногу.

— Да.

— Ты дала ему разрушитель, но не показала, как им пользоваться.

— Он не спрашивал, — огрызнулась Мина. — Разве это не первое правило — никогда не бери оружие, которым не умеешь пользоваться! Ты всегда так говоришь.

— Ты не дала мне возможности сделать это, — возразил я, голосом, приглушенным маской.

— Не имеет значение. — Она с горечью посмотрела на меня. — Я знала, что они спасут тебя. Ты слишком важен.

— Твоя дочь — просто неуправляема, Джон, — сказал Сайлас с неодобрением.

Дочь? Ага, вот почему он казался мне знакомым. Теперь переводя взгляд с дочери на отца, стоящих друг напротив друга, я видел больше похожих черт. Тот же упрямый подбородок, то как они держат осанку.

— Мина, подожди меня снаружи. Поговорим об этом позже, — сказал Джон.

Она вздрогнула, скорее, сжалась всем телом, затем она повернулась и пошла обратно через сцену. Внезапно меня заинтересовало происхождение синяка на ее лице, который я заметил ранее.

— Прости мою дочь. Я послал ее поговорить с тобой, потому что вы, по крайней мере, знакомы, — произнес Джон. — Я не думал, что ее личные проблемы ей помешают. — Скривился он.

— Еще больше причин, чтобы мальчик пошел со мной для тренировки, — быстро сказал Сайлас.

— Прошу прощения, — Женщина-Барби положила руки на бедра.

— Так, Люси, не психуй, — ответил Сайлас. — Я просто говорю...

— Он живет здесь. По правилам, он должен тренироваться в Центральном отделении, — сказал Джон.

— Да, потому что твое потомство так суперски работает под твоим руководством, — огрызнулся Сайлас.

Я стянул маску.

— Эй!

Они продолжали ругаться между собой.

— Эй! Я прямо тут. — Я заставил себя встать. Ничего не сломано, но я чувствовал основательную царапину на боку, даже не видя ее. — Я никуда ни с кем не пойду. Сегодня я пришел сюда за ответами.

Все трое удивленно повернулись ко мне, я ждал всплеска эмоций, что кто-то начнет читать мне лекции или стыдить меня за то, что прервал их.

Вместо этого, Люси расплакалась.

— Прости меня, — сказала она, хлопая руками по своему лицу, как будто ей нужно остыть. — Ты говоришь, как твой отец.

Я застыл.

— Мой отец?

Люси не ответила. Она просто с трудом прошла по проходу на своих сумасшедше-высоких каблуках и прижала меня к своей теплой и большой груди.

— Мы не знали, по крайней мере, до этого времени, — она прошептала мне на ухо. — Дэнни зарегистрировал тебя как не имеющего способности давным-давно. Зачем он это сделал? Почему?

Так что, это было не просто так, то что мой отец не рассказал мне про Орден. Он не рассказал Ордену и обо мне тоже. Я имею в виду, очевидно, они были в курсе о моём существовании, но не о том, что у меня были призрако-говорящие способности. Зачем бы ему скрывать это ото всех? Зачем бы ему прятать меня от людей, которые могли бы помочь? Бессмыслица какая-то.

Я осторожно выпутался из рук Люси и сделал шаг назад.

— Я думаю, кому-то нужно начать с самого начала.

Значит так, Орден Хранителей географически делится на три части: Западную, Центральную и Восточную. Они следуют около линий часового пояса, с Запада и Центра деля штаты в середине, так чтобы получился регион Маунтин.

Лидер назначался в каждом отделении, с помощью запутанного избирательного процесса, который я до сих пор не понимал, даже после первоклассного объяснения от Сайласа, Люси и Джона.

Каждый лидер, отвечал за управление просьб о помощи и услуге, которые приходили через номер 800, его или ее назначенного региона, переправляя их к членам, которые работали на него или её. Иногда, межрегиональное сотрудничество было необходимым, как для развития новых технологий, по поиску места нахождения жестокого призрака, так и для тестирования нового полноправного члена сообщества. Но, по большей части, Сайлас заботился о Востоке, Люси о Западе, а Джон обо всем, что находилось посередине.

Но самой интересной и шокирующей частью, всей этой бюрократической информации, было то, что предшественник Джона Блэкуэлла, лидера Центрального Отдела, был ни кто иной, как мой отец — Даниэль Киллиан.

— Я не понимаю. Он никогда ничего не рассказывал об этом, — я тяжело плюхнулся в одно из выброшенных стульев, не обращая никакого внимания на слой пыли.

Сейчас, мы находились в вестибюле, подальше от пламени и дыма, в то время, как остальные члены сообщества, такие как, Люси, Джон и Сайлас принесли их с собой для завершения. Я видел много-много тех маленьких металлических ящичков в действии и не мог понять, как я упустил этот момент.

Все трое переглянулись и Джон наконец-то заговорил:

— Дэнни и я тренировались вместе. Для него это было всегда тяжелее потому, что его мать, твоя бабушка, не одобряла его выбор.

— Помощь живым, — добавила Люси.

— Она не понимала важности нашего дела. Она предпочитала участвовать в помощи голосам, — Джон скривился, он ходил взад и вперед передо мной.

Помогая голосам? О, мёртвые призраки. Теперь история моей мамы о том, что бабушка передавала послания от маминой бабушки, имела смысл. Члены Ордена, вероятно, никогда этого не делали.

— Он боролся с этим. Это была не его вина, — протестовала Люси, — Он не мог видеть

хорошее в нашем деле, кроме, нашего ущерба призракам и наоборот, — сказала она, обращаясь ко мне.

— Он начал отступать от своих обязанностей, давным-давно, сразу после твоего рождения, но на самом деле, он никогда не уходил в отставку. Это случилось около пяти лет назад, — сказал Джон.

— Что на счёт "книжного клуба"? — спросил я.

Джон уставился на меня.

— Ты помнишь это?

— Нет, об этом мне рассказывала мама.

Он поморщился.

— Дэнни не хотел, чтобы кто-то знал, чем мы занимаемся по выходным, когда мы работали в Ордене, поэтому он придумал "книжный клуб". Это стало что-то вроде нашей шуткой, я думаю.

— Мы старались отговорить его от ухода, — сказала Люси, умоляя меня понять, — А потом, он просто...

— Покончил с собой, — продолжил я.

Джон и Люси вздрогнули.

— Всё это в прошлом. Его выбор, не должен стать твоим, — коротко ответил Сайлас, засовывая руки в карманы.

— Мы могли бы реально использовать кого-то с такими способностями, как твои. Мы видели, как ты взаимодействуешь с ним. Это было разумным шагом, когда ты остаешься в меньшинстве, — с надеждой ответила Люси.

Она окутала фонарик, своими ладонями, создавая им, безумные вращения на потолке.

— Но вы спасли меня только в конце, — отметил я.

— Тренировка, — ответил Джон пренебрежительным тоном.

— Да, тренировка, — сказал Сайлас, акцентируя внимание на этом слове, — Он нуждается в них, как и все. Ему необходимо много практиковаться.

— Но у тебя есть способность видеть их, отслеживать их, мы могли бы сказать и так, — с нетерпением сказала Люси, — Такое бывает очень редко, особенно не имея за спиной, интенсивных лет практики. Ты можешь стать полноправным членом Ордена, через несколько месяцев.

Мы находились в тишине, на протяжении долгого периода времени. Её обнадеживающие слова, так и повисли в воздухе.

— Так, что это означает? — наконец, спросил я, — Что это означает для меня?

Моя голова закружилась, но не настолько, чтобы я пропустил присутствующие напряжение в комнате. Это был конец игры, прямо здесь, даже, если я не был уверен, что это конец.

— Пройдешь формальную подготовку, чтобы увидеть, сможешь ли ты стать одним из нас, — ответил Сайлас, пожимая плечами.

— Сможет ли? — Люси посмеялась над его словами.

— Если он останется в Центральном Отделе, — сказал Джон, — Он сможет жить у себя дома и...

— Твой последний стажёр не завершила еще свою аттестацию, — резко сказал Сайлас.

Джон резко обернулся, чтобы взглянуть на него.

— Сайлас, не нужно, — сказала Люси.

— Не вижу смысла отрицать этого, — Сайлас вытащил носовой платок из кармана своего пиджака и приложил его к своему лицу, — Тем более, что у моего отдела намного больше ресурсов для...

— Ты продолжаешь говорить, — огрызнулся Джон, — Но, я еще не...

— Хватит. Просто остановитесь, — сказал я практически криком, — Вчера, я не знал обо всём этом, я даже не знал ни о ком из вас. И сейчас, вы хотите услышать о моем решении? Я даже понятия не имею, что хочу выбрать!

— Тебе нужно время, чтобы обо всём подумать, — мгновенно, сказала Люси.

— У тебя не очень много времени, — Сайлас засунул обратно в карман свой платок, нахмутив лицо.

— Я уверен, что это всё давит на тебя, — сказал Джон.

Без шуток.

— У тебя есть наш номер, — продолжил он, — Мы надеемся, что ты свяжешься с одним из нас, в ближайшее время.

Джон посмотрел сердитым взглядом на Сайласа.

Я одобрительно кивнул. Да, да. Это было верное решение. После всего, у меня появился шанс, чтобы подумать обо всём, что они вывалили на меня... и, наверное, посмотреть все коробки и бумаги, которые остались от отца в подвале. Я хотел немного побыть там, чтобы посмотреть это всё в одиночестве. У меня было отчётливое чувство, что они рассказали мне обо всём, чтобы я пошёл с ними.

Я вышел через передние двери театра, после того, как Люси продемонстрировала, что они были не такими уж и закрытыми, как мне показалось на первый взгляд, но мне пришлось дважды завернуть за здание, чтобы отыскать свою машину.

Мина прислонилась к своей машине, когда я проскользнул через дыру в заборе.

— Они еще дерутся за тебя? — спросила она, когда я прошел мимо.

Я ничего не ответил.

— Даа, — натянуто улыбнулась она, её лицо было бледным от яркого театрального луча безопасности, — Я так и думала. Ты, наличные денежки, мой друг.

Я остановился.

— Что это значит?

Она выпрямилась.

— Чем больше талантов в твоём регионе, тем больше рабочих мест ты можешь взять, и тем больше денег ты зарабатываешь.

— Они слова об этом не сказали.

— Конечно, нет. Речь шла только про миссию, не так ли? — она закатила свои глаза, на меня, очевидного глупца, — Все они работают на других рабочих местах. Мой отец работает в строительстве. Люси агент по недвижимости в Лос-Анджелесе. Работа Сайласа связана с банком. Чем больше они делают для Ордена, тем меньше они должны вносить взнос из собственного кармана в общее дело.

— Там должны быть другие, которые...

— Мы вымирающее поколение. У каждого нового поколения, дар ослабевает. Орден должен послабить свои стандарты, в ближайшее время или там не останется никакого полноправного члена общества, после того как они уйдут, — сказала она, кивая головой в сторону театра, — Кроме, конечно, тебя, вундеркинд, который умудрился получить с настоящим талантом, при этом имея только одного одаренного родителя. Остальные же из

нас... — она пожала плечами.

— Так прозвучало, будто ты наполовину слепая. Ты все еще можешь увидеть или услышать... отголоски, — Этот термин не совсем подходил. Просто на вкус, мои губы подсказывали, что это... не правильное название.

— Да и, если они будут неподвижны, я смогу их даже поймать, — насмешливо сказала она.

— Ловить их — это еще не все. Ты можешь помогать им разными способами.

— Дружить с ними, как ты? — она улыбнулась мне, — Спорим, ты не сказал им этого, не так ли, суперзвезда?

Я посмотрел в сторону.

— Тебе придется сделать выбор, ты знаешь это. Орден точно не одобрит такое свободное мышление.

Я подошел ближе к ней, коснувшись её подбородка, я повернул её лицо к свету. Синяк выглядел куда хуже, будучи в тени.

— И это, то, как они показывают своё недовольство?

Она отодвинулась.

— Всего лишь, тренировочные упражнения.

— Ну да, — ответил я, — Твой отец?

Джон показался вполне хорошим парнем, за исключением того, когда кричал на Мину. Тогда... это было всего лишь проблеском кого-то или чего-то, что вышло наружу.

Она посмотрела на меня.

— Нет, я же говорю тебе. Я двигалась не достаточно быстро, — она выдохнула, — Я никогда не была достаточно быстрой.

— Ты бы могла уйти от него, — сказал я, — Ты старше восемнадцати, и...

— И куда я пойду? Что я буду делать? — она говорила требовательным тоном, — Это вся моя жизнь.

— Так не должно быть.

— Нет, — она покачала головой, — Всё, что мне нужно — это сдать этот последний тест и я стану полноправным членом Ордена. Затем, я смогу пойти куда угодно, — сказала она, — Я могла бы переехать на территорию к Люси или даже к Сайласу.

Мина закатила глаза, но в её голове был задумчивая нотка.

Казалось, она слышала сама себя, выпрямилась и скрестила руки на груди.

— Ты беспокойся о своих проблемах, возлюбленный Каспера. А я о своих, — оскалилась она, — В конце концов, я не та, кто должен все это объяснять его величеству.

Это было хорошее замечание.

Глава 10 (Алона)

Даже посреди ночи, вся больница стояла на ушах, из-за сказочного выхода девочки из комы. Было всё: компьютерная томография, МРТ, рентген, анализ крови, тесты на рефлексy и даже сонный невролог, с поистине впечатляющим изголовьем у кровати, привезенный из дома.

В некотором смысле, выйти из комы, было даже хуже, чем быть невидимой, последние пару месяцев. Каждый спрашивал меня, как я себя чувствую, было ли это больно, могла ли я шевелить пальцами и говорили мне, чтобы я не боялась. Всё повышенное внимание и забота, сконцентрированное на мне, заставляли помнить, что я была не совсем я... и мне было сложно вынести всё это. В каком то роде, это было пыткой. Передо мной было то, чего я хотела, но то, чем я не могла обладать.

Миссис Тернер оставалась со мной всё время, чтобы я проходила разные испытания и проверки. Она следовала за мной, куда только можно и ждала меня снаружи, за дверью, как стойкий сторожевой пёс, пока медсестра или технический персонал не возвращали меня в поле ее зрения. Это было обнадеживающе (я не хотела, чтобы кто-то забыл меня где-то в углу, когда я не могла нормально говорить и напоминать о себе) и отчасти грустно.

Всё это выглядело так, словно Лили собиралась исчезнуть...или вернуться в кому. Миссис Тернер была права, конечно, даже если еще не совсем понимала этого. Я чувствовала себя плохо по этому поводу. Она производила впечатление вполне милой женщины, если убрать её ужасный выбор свитеров. Она не заслуживала, чтобы её надежды распались — как бы ни было, однажды я покину это тело и Лили снова "заснет". И я это действительно сделаю. Я отказывалась рассматривать любую другую возможность. Это был лишь вопрос времени и места.

Во время перерыва между тестированиями, я воспользовалась одной из большого количества спиритических досок, и быстро донесла до Миссис Тернер, что хочу связаться с Уиллом — у неё был телефон Лили, который лежал в тумбочке, с полной заряженной батареей и просто ждал этого дня...или, скорее, того дня, когда должна была вернуться дочь Миссис Тернер.

Звонок переключился на голосовую почту, но она всё же оставила сообщение для Уилла, о том, что Лили пришла в себя и спрашивала о нем.

Этого должно было быть достаточно, чтобы он перезвонил или, что даже более вероятно, примчался с визитом. Ведь Уилл знал, что Лили больше нет, что она ушла далеко за точку предела "пробуждения", и она не смогла бы его ни о чем попросить.

Но нет, он до сих пор еще не появился.

— Ты в порядке? — спросила Миссис Тернер, когда мы вернулись в мою комнату — хотя стоп, нет в комнату Лили — после последнего теста.

Я кивнула, очередной новый навык, который я могла внести в список. Доктор Бедхэд (я не была способна вспомнить его настоящее имя) был "поражен" внезапным улучшением Лили, прогрессом, который никак не мог быть обоснован на основе ранних результатов теста. С медицинской точки зрения, были признаки повышенной и необычной мозговой деятельности — то, что я не желала знать — но это не способствовало пробуждению и каким-либо движениям Лили. Между тем, с каждым часом, я получала все больше и больше контроля над телом, что пугало меня.

Поторопись Уилл, прошу, поторопись. Я повторяла эти слова снова и снова в своей голове.

Так же, я начинала становиться немного раздражительной. Я была уставшей, моя голова раскалывалась от боли, или голова Лили, которая заставляла чувствовать эту боль. Я обнаружила, во время того, как меня переносили с каталки к столу или к очередному компьютеру, что у Лили Тернер талия была еще тоньше моей, но ее бёдер было достаточно, чтобы я могла завопить. Если бы я, знаете ли, действительно могла управлять своим телом.

У Лили были красивые и мягкие именно те места, над которыми я с таким трудом работала, добиваясь идеальных линий и мышц. Господи, это было ужасно.

Конечно, я понимаю, что она была в коме, последние пару месяцев. Поэтому, можете назвать меня поверхностной, обвиняя в том, что я была жестокой к травмированной девушке, всё равно. Это мое тело. И мне оно не нравится, я не хочу его. Застрять в нем, как в ловушке, было... ну, тоже самое, что надеть свою худшую одежду. Не то, чтобы кто-то знал, что я здесь, но я была именно тут.

— Так много тестов, но тебя должны уже отпустить, — продолжала Миссис Тернер, спокойно сжимая мою руку, как только подошла к моей кровати.

Слава Богу. Я была удивлена, что мы не светимся зеленым, не контрастируем, не стали цветными или еще чего, из-за такого количества полученной сегодня радиации.

— Может ты хочешь немного отдохнуть? — спросила она, борясь со своим материнским инстинктом и страхом, застывшим в ее глазах, от того, что может произойти, если я, мы уснем. Честно говоря, я так же была не очень уверена, что может произойти. Что, если я застряну, кану в темноту снова, и не смогу найти обратно дорогу? Нынешнее положение было не самым лучшим, но так было получше, чем в последние пару месяцев.

Я покачала головой, отвечая на вопрос. Было всё проще и проще это делать.

— Как насчет телевизора? — предложила она, протягивая руку к пульту дистанционного управления.

Она повернулась к телевизору и переключила канал, по которому была реклама о соковыжималке.

Я немного расслабилась на своей подушке. Было такое приятно чувство, когда заботятся о тебе, а не ты о ком-то. Это было в новинку для меня, честно. Даже не смотря на то, что мой опыт с семьей Лили, составляет всего лишь несколько часов, я увидела достаточно, чтобы это заставило меня чуточку позавидовать. Они заботились друг о друге. Они не выкинули её вещи, даже, тогда, когда она не выглядела так, будто вернется обратно еще когданибудь. Чёрт возьми, они воссоздали ее комнату, тут, прямо в больнице. Все эти вещи не были из мусорных пакетов, не были из Армии спасения, а были всеми ее воспоминаниями. И она была в коме, НАМНОГО дольше, чем я была мертва.

Если бы я могла впасть в кому, вместо Лили...

То была бы тут одна.

Я отпихнула эту мысль, куда подальше, даже если знала, что это правда. Когда мне было 14, я упала с вершины пирамиды на тренировке по чирлидингу — тупая Эшли Хикс и ее шаткие коленки — и ушибла свое запястье. Тренер отвез меня в больницу, сделать рентген, но сам надолго не задержался. В больнице, начали искать моих родителей, но у мамы дома, никто не отвечал (шокирующе), а отец находился в Германии (или, скорее всего, он был со своей любовницей, теперь уже она его жена, в отеле Дейс Инн, который находится в центре города, и не отвечал ни на один звонок, чтобы создать иллюзию, что он находится

заграницей).

Я бы могла позвонить кому-то из своих друзей или тому, с кем тогда встречалась — я даже не помню, кто это был — но кто захочет выставлять свои семейные проблемы на показ. Эй, мои родители настолько переменились, что им было всё равно даже на то, что я в больнице? Мне пришлось бы пригласить провожающего к себе в дом, чтобы посмотреть, как моя мать ходит только в одном халатике.

Так что с перевязанной рукой, я взяла такси до дома. Мой отец узнал об этом только, когда больница прислала счет, и затем он разозлился. Судя по всему, я использовала не ту страховую карточку.

Такого бы никогда не произошло с Лили.

Не важно. Все это не имеет значения. Мне просто нужно сосредоточиться на том, чтобы выбраться отсюда.

Почему Уилл не перезванивает? Что если это из-за того, что он был с ней, с Миной, с мисс Кудряшкой? Мне стало тошно просто от одной мысли. Но даже если он был с ней, вряд ли бы он проигнорировал звонок от Лили. Он прекрасно это знал. Тогда в чем дело? Если она втянула его в какие-то неприятности, с которыми мне придется разбираться, я убью ее. Затем мы посмотрим, как она посмотрит на то, чтобы оказаться в коробке, не так ли?

Миссис Тернер, переключила канал на какие-то утренние новости и яркий свет от экрана, ударил по моим глазам.

Впервые увидев Лили, она уставившись смотрела в телевизор, отражалась близняшка в её же глазах, от экрана. Она всегда так смотрит, даже при том, что я внутри нее?

Я вздрогнула.

Наверное...хотя, нет. Тайлер заметит какую-то разницу в Лили. Я задумалась это ли спугнуло его. Я не могла спросить — не без трудоемкого и кропотливого "расскажи это по средствам спиритической доски" метода. (Это действительно устаревает, и быстро, кстати). Мистер Тернер ушел, забрав Тайлера, который был немного потрясен, на какое-то время, назад домой. Судя по всему, я испугала Тайлера. С другой стороны, это сработало и Тернеры больше не говорили о том, чтобы забрать Лили домой, где бы она могла умереть... так что, я буду считать это победой. По крайней мере, она должна оставаться живой достаточно долго, для того, чтобы Уилл вытащил меня отсюда.

Я попыталась пошевелиться, чтобы облегчить тупую боль и давление на вверх и низ левого бока, но я не могла особо управлять движениями. Так же, хотела ли я находиться здесь достаточно долго, чтобы достичь нового уровня этого мастерства. И все же, сотовый телефон на столике рядом с кроватью, упрямо отказывался звонить.

Миссис Тернер заметила, что я таращусь на телефон.

— Он не перезванивал, я уверяю, — сказала она. — Я только что проверила.

Когда? Я не видела чтобы она делала это.

— Ты нахмурилась, — с удивлением в голосе сказала она.

Да, ей следует привыкнуть к этому. Трудно ли будет для нее, еще раз проверить и показать мне? Я серьезно.

Мои пальцы задергались от желания вырвать телефон и самой глянуть.

— Я знаю о чем ты думаешь, — весело сказала она. — Я все еще твоя мать.

Ох, нет.

— Давай. Если сможешь дотянуться, ты можешь взять его. — Она подтолкнула телефон на несколько сантиметров ближе ко мне, но он все еще был намного дальше, чем находилась

рука Лили.

После еще одного взгляда на нее, который, казалось, не подействовал, я призвала все свои силы и качнулась боком, чтобы схватить его.

Телефон выскользнул из моих пальцев и двинулся в сторону пола. Миссис Тернер поймала его до того, как он ударился об него.

Она положила его назад на тумбочку, и затем сдвинула меня за плечи на кровати, пока я снова не приняла вертикальное положение.

— Попробуй еще раз.

Когда она могла просто отдать его мне? Почему? Что это было, какой то игрой для нее?

Я нахмурилась, что, казалось, ее вообще не волновало.

— Все в порядке, — сказала она. — Тебе не обязательно делать это, если это слишком тяжело для тебя.

Хорошо. Если я хочу достать этот телефон, я достану его. В свое время. Я сделала глубокий вздох, сосредоточилась на телефоне, и попыталась контролировать свое движение в его сторону. В этот раз, мне удалось схватить его пальцами, прежде чем он ускользнул.

Я разочаровано вскрикнула внутри, но ничего громче раздраженного фырканья не соскользнуло с моих губ.

Миссис Тернер просто положила телефон на место и снова без слов вернула меня на место.

Мне пришло в голову что она играет в игры. Она использовала то, чего я хотела, чтобы подтолкнуть меня к дальнейшим действиям.

Как замечательно для нее и Лили. Но просто дай МНЕ, этот чертов телефон! Я не хотела играть по ее правилам. Я хотела найти Уилла и хотела убраться отсюда.

Я схлестнулась взглядами с миссис Тернер, делая все возможное, чтобы передать это чувство без слов.

Стук в дверь напугал нас обеих. Моя голова резко повернулась, среагировав так же быстро, как если бы это действительно была я, а не я в теле Лили.

Священник стоял в дверях, его рука все еще была приподнята для того, чтобы постучать.

— Простите. Я не хотел вам помешать.

— Конечно нет, Отец. Моя дочь и я просто спорили. — Она нежно улыбнулась мне, от чего мне захотелось ударить ее. Меня не так просто сбросить со счетов.

Я Отец Хейс, священник в церкви Святой Екатерины, я навещал другого пациента дальше по коридору, и услышал о чудесном исцелении вашей дочери. Я должен был прийти и увидеть своими глазами. — Он одарил нас сомнительной и неуверенной улыбкой.

Эм, хорошо, Отец. Ты взглянул на проблески чуда в виде меня. Теперь, уйди прочь, чтобы мы смогли вернуться к обсуждаемому вопросу.

Но ох, нет... все не так просто.

— Входите, — Миссис Тернер поманила его взмахом руки вперед. — Я Коррин Тернер. Это моя дочь, Лили.

Он шагнул внутрь комнаты и кивнул нам. Его взгляд встретился с моим на долю секунды, прежде чем быстро отскочить, сосредоточившись на Миссис Тернер.

— Это правда, что она была в коме почти в течение целого года? — спросил он. Его кадык подскочил выше его воротничка, как будто он был независимым существом, пытающимся сбежать из его горла.

Что сделало его таким нервным? Так же, привет, я тут и я могу слышать тебя.

— С сентября прошлого года, — сказала она.

— Сейчас она очнулась. Просто вот так? — спросил он, прозвучав скорее обеспокоенным, чем обрадованным данным фактом.

Казалось, миссис Тернер не заметила.

— Да, — лучезарно сказала она

— И у них нет ни одной догадки на этот счет, почему? Тесты...

— Ничего не показывают, но как вы знаете, некоторые вещи все еще за пределами понимания науки.

— Господни пути неисповедимы, — сказал он с натянутой улыбкой.

Мне не понравился настрой исходящий от него.

— Могу я спросить, вы заметили какие-нибудь...изменения в ее личности или обычном поведении? — в спешке спросил он.

Что за черт? Я посмотрела на него, и еще раз, его взгляд метнулся ко мне и затем он отвел его, так быстро, будто боясь смотреть на меня слишком долго. Он что...на самом деле подозревает, что, что-то происходило? Я предположила, что в технически, то, что я сделала, могло быть расценено, как одержимость, даже не смотря на то, что это было далеко от того, к чему я стремилась. И священники, и одержимые, в общем, мне не нужны, мне нужен был Уилл и его бездонный банк любопытных фактов из фильмов, чтобы понять, что тут была за история, если не сказать больше.

Миссис Тернер со смехом склонила голову на бок.

— Моя дочь была в сознание всего в течение нескольких часов, после того, как вышла из того, что называлось необратимой комой. Я бы сказала, что все было необычным, разве не так?

— Конечно. — Он растерянно покачал головой.

— Вы спрашиваете о чем-то конкретном, Отец Хейс? — Впервые с начала разговора, в голове миссис Тернер появился намек на подозрение.

— Нет, нет. — Он запустил руку в свои песочно-каштановые волосы, прежде чем осознал, что творил и предпринял запоздалую попытку пригладить их. — Просто пытаюсь найти частицы надежды в ее истории, чтобы поделиться ими с другими пациентами, с теми, кто нуждается в этом.

Она медленно кивнула.

— Тяжело думать о том, что она пережила, она еще не начала говорить...

И если бы я разговаривала, то нашла бы способ сказать ему...

— Уходи.

Слова соскользнули с моих губ, удивив меня больше чем их. Я достаточно усиленно обдумывала их, чтобы на самом деле произнести их. Голос Лили, который звучал ниже и был более хриплым, чем мой собственный.

— Лили! — Мисси Тернер прозвучала одновременно взволнованно и испуганно.

— Все в порядке, — со смехом сказал он, прозвучав скорее, как нервный собачий лай, чем что-то отдаленно связанное с настоящим юмором. — Для того, кто прошел через то, что прошла ваша дочь, я конечно понимаю желание, чтобы ее оставили в покое. Она заслуживает немного покоя, и от нас зависит, чтобы она получила его, — сказал он, его взгляд прожигал меня, как предупреждение.

Он угрожал мне изгнанием духа? Ха, попробуй. Вот только... подождите, что станет с изгнанным духом? Если это то, что позволит мне покинуть тело Лили, тогда хорошо. Но

если это то нужно для того, чтобы избавиться от меня, сослав меня в не бытие? Нет, спасибо.

— Эм, да, — взволновано сказала миссис Тернер. — Кстати говоря об этом, наверное будет лучше, если она сейчас отдохнет.

Другими словами, проваливай, чувак.

Он кивнул, получив сообщение. Наконец.

— Сперва можно, быстрое благословение? — спросил он, но уже стоял надо мной, прежде чем, кто-то из нас смог ответить. Его большой палец, прохладный и немного влажный на ощупь, слегка очертил крест у меня на лбу, пока он бормотал слова благословения.

Он отдернул руку, как только закончил молитву, как будто ожидал, что меня охватит пламя. И, честно говоря, я не была уверена, что он ошибался. Кроме того, я была однажды в лучах света, и затем меня отослали сюда назад, без изгнания духа. Так что, я не могла быть такой плохой, правильно?

В любом случае, ничего не произошло, это казалось, смутило его. И, вероятно, было к лучшему, что я не могла контролировать тело Лили, потому что, у меня был соблазн столкнуть саму себя с кровати, чтобы просто напугать его.

Миссис Тернер встала.

— Спасибо большое, Отец. Мы, конечно, ценим ваше время.

Он снова кивнул и медленно попятился к двери, пока не отошел от меня на определенное расстояние. Тогда, и только тогда, он обернулся и покинул комнату, довольно резко и без лишних слов.

Она вздохнула и опустилась назад в свое кресло.

— Иногда, я просто не знаю, где они находят этих людей, которые работают в церкви.

Я ждала до тех пор, пока не убедилась, что священник ушел.

— Позвони Уиллу домой, — сказала я, аккуратно выговаривая слова, но даже не смотря на это, буква "м" получилась слишком растянутой.

Миссис Тернер повернула свою голову ко мне.

— Теперь ты прям болтушка, Лилс.

— Позвони.

— Лили, сейчас четыре утра, — раздраженно сказала она. — Я не собираюсь звонить им домой и разбудить их всех.

Только, я знала, что Джулия работала в утреннюю смену в закусочной почти каждый день и в любом случае должна была уже проснуться.

— Пожалуйста. Нужен Уилл.

Она смягчилась.

— Я позвоню, когда это будет уместно, после восьми в ближайшее время. — Она протянула руку и сжала мою ладонь с ободряющей улыбкой. — Но милая, то, что ты хочешь ему сказать, я уверена, он уже знает.

Я очень в этом сомневалась.

Глава 11 (Уилл)

— Где она? — потребовал громкий женский голос, и на секунду я подумал, что это Алона. Вдруг она уже узнала каким-то образом о Мине, и была готова нанести определенный ущерб одному из нас или обоим.

Но когда я заставил свои сонные глаза открыться, это оказалась не Алона, а Лизель. Она стояла в моей спальне прямо напротив двери. Моей закрытой двери. Я уже давно учел тот факт, что призраки не понимали намеков, так как они не страдали проницательностью.

Я застонал. Было ранее утро, — небо за окном все еще предрассветного серого цвета — и две ночи с малым количеством сна или без него, начинало сказываться на мне и моем терпении.

— Что тебе нужно, Лизель?

Она скрестила свои руки на груди и шагнула к изножью моей кровати, ее платье громко зашелестело.

— Она даже не разговаривала с тобой о нас, не так ли?

Я изо всех сил постарался сосредоточиться и сесть.

— Кто?

— Алона!

Что-то насчет этого тускло зазвенело колокольчиком, Алона упоминала что-то насчет Лизель вчера утром, но ничего конкретного. Я покачал головой.

— Я так и знала, — выплюнула она. — Она все время саботирует меня. Спорю, что она даже не рассказала тебе о Клэр и Тодде.

Тодд? Кто такой Тодд? Нет, мне все равно. Я еще даже не проснулся. Я потер руками лицо.

— Где Эрик? — спросил я, неожиданно поняв, что его не было рядом с ней.

Никто никогда не смел, обвинять меня в том, что это было мое лучшее утро.

Фыркнув, она отвела взгляд.

— Его нельзя беспокоить. Не знаю почему; это всего лишь вся наша жизнь, поставленная на карту.

Или может быть, он знал что-то, чего не знала она, что я подозревал, скорее всего, было в этом случае. У Эрика и у меня было несколько разговоров за последние несколько недель, — обычно, пока Лизель и Алона упражнялись в остроумии друг над другом — которые привели меня к мысли, что миссис Педерсон и любовь всей ее жизни, (или отсутствие таковой) не могут быть большим препятствием для Лизель и Эрика.

— Тебе нужно поговорить с Эриком, — устало сказал я. — и тебе не следует находиться здесь, когда появится Алона.

Потому что, мне не хотелось неожиданно стать свидетелем неизбежного скандала, когда Алона обнаружит, что Лизель пришла сюда без разрешения.

Я взглянул на часы, чтобы узнать, сколько осталось времени, и замер. Было 7:58 утра.

Я почувствовал волну паники и склонился ближе, чтобы убедиться, что я правильно все увидел. Все верно. Еще одна проверка в окно, выявила дождь на стекле. То, что я принял за ранее утро, по сути, было только началом пасмурного дня.

— Что с тобой такое? — с презрением спросила Лизель.

— Ты видела Алону? — потребовал я. — Она была здесь?

— Сегодня утром? — спросила она.

Я кивнул, чувствуя, что моя голова может отвалиться в приступе паники в ответ и в ожидании ее ответа.

— Я вошла всего несколько минут назад. Здесь никого не было, кроме тебя, — сказала она, уставившись на меня, так, как будто я псих.

Но я не псих. Алона опаздывала на 55 минут, если быть точным, и такого никогда не случалось. Не могло случиться. Она появлялась здесь каждое утро ровно в 7:03 утра, в момент своей смерти. Это было главным свойством нашего призрако/духо-говорящего союза.

Что-то было не так. Борясь с чувством паники, я встал, схватил с пола свои джинсы, натянул их, и начал прорываться через чистое белье, в поисках своей обуви. Казалось, они исчезли в одной куче или в другой, прошлой ночью, когда я скинул их.

— Что происходит? — спросила Лизель.

— Алона пропала, — мрачно сказал я.

Она ушла отсюда вчера полная решительности и с каким-то планом мести (против меня, конечно же). Должно быть, что-то случилось. Я представил себе как она ищет Мину, чтобы сказать ей между делом, что думала о ее волосах.

О, Боже. Это, скорее всего, наверняка привело ее к заключению в коробку. Но Мина упомянула бы это событие прошлой ночью, разве нет? Или, может быть, нет — учитывая все то, что произошло. Я мог бы легко увидеть Мину, которая ждала шанса, чтобы обронить немного информации в нужное время, что пошло бы ей только на пользу.

— Откуда ты знаешь? Может она просто решила бросить это? — спросила Лизель.

Я прекратил свой лихорадочный поиск обуви и посмотрел на нее.

— Что ты имеешь в виду?

Она пожала плечами.

— Алона появлялась каждое утро лишь потому, что она твой проводник, верно?

— Да, и что?

— Так, может быть, ее здесь нет, потому что она решила бросить все это. — Лизель прозвучала слишком самодовольной.

— И почему же она это сделала? — сквозь сжатые зубы спросил я.

— Потому что, я сказала ей, что однажды ты променяешь ее на кого-то живого, и что тебе было просто удобно быть с ней на данный момент, — сказала Лизель.

— Черт возьми, Лизель! Я не могу поверить в это.

— Что? Разве это не правда? — Она проницательно посмотрела на меня. — Ты знаешь это. Ты не проведешь всю оставшуюся жизнь...

— Моя жизнь не твоего ума дело, — отрезал я. — Когда это произошло?

— Две ночи назад.

Неудивительно, что вчера утром она так плохо отреагировала, с этими словами Лизель, забившими ей голову всякой ерундой. И не то, чтобы Алона была рада, когда я был с Миной или что я отклонил ее просьбу о ее родителях, но она не была настолько раздраженной, чтобы решиться на такое.

— Это твоя вина, — сказал я Лизель, указывая одним кедом на нее, который я пока что смог найти.

— Моя? — спросила она, оскорбленно сложив руки на груди. — Что такого я сделала?

Раздался стук в дверь.

— Уилл, с тобой все в порядке? — спросила моя мама. — Я слышала крики.

Я поморщился. Ну конечно. Это именно то утро, когда ей не нужно было быть рано утром на смене в кафе.

— Я в порядке. Я сейчас выйду, — прокричал я, и затем подошел ближе к Лизель. — С тех пор, ты не видела Алону? — тихим голосом спросил я.

— Искала бы я ее здесь, если видела бы? — спросила она довольно надменным тоном.

Хорошо. Без разницы. Я сел, чтобы натянуть один кед, и по счастливой случайности обнаружил второй под собой. Превосходно.

Мне нужно найти Алону, чтобы по крайней мере, убедиться, что она в порядке. Если после этого, она все еще не захочет быть моим проводником...ну, тогда, я буду разбираться с этим, когда придет время. Просто от одной мысли, что ее не будет в моей жизни, было невозможно представить, и я не хотел представлять. Мне будет не хватать ее.

Спросите меня, думал ли я когда-нибудь о таком повороте событий год назад. Черт, два месяца назад.

Проблема была в том, что я понятия не имел с чего начать ее поиски. В теории, если она подала в отставку с поста моего проводника — могла ли она вообще сделать это не предупредив меня об этом? — тогда, скорее всего, она проснулась на Хэндерсон-стрит, где она погибла. Но это было час назад. Сейчас она могла быть где угодно.

Моя мать еще раз постучала в дверь.

— Мам, я же сказал, что я в порядке, — сказал я, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос прозвучал спокойно.

— Это не поэтому, — сказала она, открыв дверь.

Она была бледной, стоя тут в изодранном фланелевом халате и с трубкой домашнего телефона прижатой к груди. Я даже не слышал, как он звонил.

— Все в порядке? — спросил я, с внезапно тошнотворной уверенностью, что это было не так.

Она кивнула, ее глаза блестели от слез.

— Это из больницы Святой Екатерины.

Ох. Ох. Нет. Лили. Мне показалось, что весь воздух был внезапно выбит из меня, хотя я ждал этого звонка в течении нескольких месяцев. Я тупо кивнул.

— Когда она умерла? Прошлой ночью, или...

— Нет, нет, милый. — моя мама ворвалась в комнату и опустилась на колени, чтобы одной рукой обнять меня. — Нет. Она очнулась! Лили очнулась.

Я уставился на нее.

— Лили Тернер?

Моя мама рассмеялась. Она явно плакала от счастья.

— Конечно. Как много других девушек с именем Лили ты знаешь? — она протянула мне трубку. — Ее мама на другом конце. Она сказала, что Лили зовет тебя.

Но этого просто не может быть. Я повсюду искал ее дух после того несчастного случая. Лили ушла. Не умерла, но совершенно точно не была живой и точно не могла проснуться и позвать меня.

И все же, я сомневался, что ее мать, миссис Тернер, когда-нибудь за миллион лет придумала бы что-то подобное.

Итак... что же остается? Без понятия.

Моя голова кружилась, я встал и взял трубку.

— Ты, — Лизель указала на меня. — Никуда не уходи.

Она стала причиной этих проблем с Алоной. Она же поможет мне их решить. Боже.

Моя мама приподняла брови, но ничего не сказала.

Лизель упала на пол, проскользнув под подножье моей кровати.

— В любом случае. Тебе лучше быть готовым, чтобы помочь Эрику и мне после этого.

Эта ситуация с Тоддом не может длиться вечно.

Снова Тодд, кто бы он ни был. Я проигнорировал ее и приложил телефонную трубку к уху.

— Алло?

— Уилл, это миссис Тернер. Лили хотела бы....

На том конце телефона, я смог расслышать шумный, проговаривающий что-то требовательным тоном, знакомый голос, тот, который я не слышал почти в течение года и думал, никогда не услышу снова. Холодок пробежал по коже. Если я оказался не прав насчет того, что дух Лили ушел... Боже, насчет чего еще я был не прав? Я был так уверен...

— Минуточку, Лили, — сказала миссис Тернер, прозвучав слегка приглушенно.

— Ее все еще трудно иногда понять, — сказала мне миссис Тернер. — Но мы работаем над этим. Она спрашивала о тебе, почти с того момента, как очнулась. Я заставила ее подождать до утра, и как ты можешь слышать, она недовольна мной.

И все-таки радость в голосе миссис Тернер, от того, что ее дочь очнулась и раздражает ее, была очевидна.

— Я сейчас передам ей трубку, — сказала она.

В трубке немного задрезжалось, и я услышал, как миссис Тернер сказала.

— Вот, милая, — отдаленно.

— Уилл?

Даже несмотря на то, что я был готов, услышать, как Лили произносит мое имя, это все равно выбило из моих легких воздух и глаза защищало от слез.

— Да, — смог сказать я.

— Мне нужно увидеть тебя. — Она тщательно выговаривала слова, но помимо этого, ее голос звучал довольно нормально. — Можешь прийти в больницу Святой Екатерины, пожалуйста? Сейчас?

Я услышал, как ее мама на заднем фоне предостерегла Лили воздержаться от требований.

— Сейчас?

— Я уже в пути, — сказал я.

Лили Тернер переехала в Граундсборо полтора года назад из небольшого городка в штате Индиана. С ее консервативной одеждой и тяжелым, почти южным акцентом, она не вписывалась в нашу школу, что было очень кстати, так как я тоже не вписался. Большинство людей считали, что я был готом. По правде говоря, я просто старался быть как можно более незаметным. Темная одежда, все время в наушниках, молчание во время занятий — это было моим способом исчезнуть. Я пытался не привлекать внимание всех призраков, бродящих по коридорам, но это также хорошо срабатывало для отпугивания почти всех живых.

Мне нравилась Лили. Она была не как все. Я ходил в школу с одними и теми же людьми с детского сада, и в большинстве случаев это было похоже на то, как если бы им промыли мозги один и тот же лидер культа. Любые искры реальной личности гасли под необходимостью соответствовать во всем до мелочей. Спортсмены носили свои именные

куртки в определенные дни. Банда детей создали дурацкие футболки с надписями, которые никто не понимал. Окружение Алоны поднялись на вершину, спихивая всех остальных вниз.

Но Лили была аутсайдером. Она задавала умные вопросы и на самом деле слушала ответы, предлагая мнения, которые были не совсем "правильными". Она не знала правильных, не для нашей школы. По крайней мере, не в начале.

Она была красивой, хотя была вовсе не похожа на Алону. Лили, была больше похожа на девушку, которую бы вы хотели себе в качестве напарника для выполнения лабораторных работ, или иметь такую спутницу для Выпускного Бала, даже если все что вы собирались делать, это сидеть за столом в темноте, и с интересом смотреть, как популярные девушки ревут и бушуют из-за проигрыша в гонке за место королевы бала.

В один момент, я подумал, что мы могли бы быть вместе, шанс на то, что мы могли быть больше, чем друзьями.

В конце концов, все изменилось, как всегда и бывает. Лили скрывала тайную одержимость первым эшелонем (а.к.а. популярными людьми) — смотрела на них, как на Голливудское великолепие. Поначалу, я думал это только потому, что раньше она не видела никого похожего на них, только разве что по телевизору или в кино. Ее средняя школа состояла всего из сотни детей, и они знали друг друга с рождения. Так что, по большому счету вся тайна и интрига испарилась. Но не здесь, в Высшей Школе Граундсборо: здесь есть тайны, интриги, и драмы — ох, бесконечные драмы — про запас. Это было похоже на просмотр телевизионного сериала...или жизнь в одном из них.

Незаметно для меня, наша общая подруга Джуни и единственный друг Лили, влюбилась в Лили с первого дня. Однажды днем она рискнула и призналась в своих чувствах к Лили, поцеловав ее. Хотя Лили попыталась справиться с этой ситуацией и мягко отклонила симпатию Джуни, семейная жизнь Джуни (для ее отца — министра, ничто не было достаточно эффективным для ее контроля) была такой отстойной, что она слетела с катушек, боясь что ее отец узнает о том, что произошло.

Были выдвинуты обвинения и угрозы, и они двое перестали разговаривать друг с другом, даже не сказав мне, что произошло. Лили оставила нас и начала проводить время рядом с толпой популярных ребят, в поисках толики их внимания. И тогда Бен Рождерс, экстраординарный придурок, выдернул ее безызвестности. Он "встречался" с ней в течение месяца, и затем публично бросил на вечеринке школьной элиты.

Лили была опустошена, наконец-то поняв, что Бен и его окружение не были такими замечательными, как все думали. Она покинула вечеринку в слезах и попыталась дозвониться до Джуни и до меня по пути домой. Потом она пропустила поворот на дороге и врезалась в дерево. Она так и не проснулась после той ночи.

По-видимому, до сегодняшнего дня.

По дороге в больницу, я гнал, превышая скоростные ограничения. Я не мог избавиться от иррационального страха, что она снова потеряет сознание, если я буду долго добираться.

Успокойся. Если она сейчас в сознании, то и через 15 минут тоже будет в сознании.

За исключением, невероятности. После несчастного случая с Лили, я прочитал тонну литературы о комах и людях, выходящих из них (или не выходящих). Иногда человек просыпался на день или даже всего на несколько минут, только для того, чтобы вернуться назад к неестественному сну... или еще хуже, чтобы умереть. Я читал о том, как это происходит, по крайней мере несколько раз — человек приходит в себя только, чтобы умереть вскоре после этого. Статьи каждый раз истолковывали это явление, как дар Божий

для человека, у которого появляется шанс попроситься.

Я надеялся, что это не произойдет с Лили. Хотя, если честно, я не был уверен, что думать обо всем этом. До этого утра это было за пределами моего понимания, если Лили пришла в себя чтобы попроситься и затем умереть.

Было облечением, наконец, увидеть здание больницы вдалеке, и затем повернуть к входу. Почти на месте.

Конечно же, казалось, что весь мир по средам посещал больницу, потому что парковка была заполнена, и все места были забиты машинами.

После десяти минут, в течение которых я рыскал в поисках места в секции парковки для посетителей, я, наконец, сдался и припарковался на широком пустом пространстве, которое было зарезервировано для амбулаторных больных. Моя машина была единственной во всем ряду. Я думаю, сегодня было больше посетителей, чем родителей. Какая разница. Позволю им взять меня на прицеп. Это будет, стоит того, если это приведет меня внутрь.

Я вышел из машины и побежал в сторону главного входа, звеня ключами в руке. Я даже не хотел тратить время на то, чтобы запихнуть их в карман.

Подавляющие зловоние антисептика и больницы наполнил мой нос, как только я протолкнулся через вращающуюся дверь вестибюля. Я протащил свою задницу мимо регистратуры. Я бывал здесь достаточно много раз, чтобы знать куда идти, и хотя, я, вероятнее, должен был зарегистрировать я в качестве гостя, этим утром у меня не было терпения на это.

В сравнении со всем остальным, на ожидание лифта уходила целая вечность, после чего, когда я вошел в него, еще одна вечность уходила на то, чтобы достичь пятого этажа.

Когда двери лифта открылись, я вылетел боком через еще открывающиеся дверцы и поспешил дальше по коридору, мои кеды издавали звук по свежевывытому полу.

Я услышал Лили прежде, чем увидел, ее голос доносился до коридора.

— И я говорю, что мне все равно. Мне будет удобнее в моей собственной одежде.

Лили прозвучала как-то злобно.

Пребывание в коме определено сделало Лили более резкой. Если и существовало что-то, что беспокоило меня в связи с ней, помимо ее одержимости этим ублюдком Роджерсом и его окружением, это то, что она была склона к тому, чтобы отмахиваться от проблем, когда они происходили, полагая, что все остальные знали лучше, чем она. По-видимому, теперь уже нет.

Когда я достиг ее открытой двери, внутренней вид комнаты немного привел меня в шок. Лили сидела на кровати, без видимых средств поддержки, хотя она немного была наклонена в одну сторону, и смотрела метаящим кинжалы взглядом на доктора, чьи волосы торчали в разные стороны, как будто каждая прядь пыталась одновременно сбежать с его головы. Миссис Тернер как обычно сидела у ее кровати, и казалось, что готова буквально танцевать от счастья. Ей было физически легче, и выглядела она не такой измученной и обремененной беспокойством только о своей единственной дочери.

Лили выглядела...хорошо. Хотя, как-то по-другому. Может быть, это из-за цвета на ее щеках и яростного блеска в глазах, или просто потому, что прошло много времени с тех пор, как я видел ее, не в тупом и бесчувственном состоянии. Но было что-то еще, как будто кто-то зажег внутри нее огонь.

Я постучал по дверному косяку и увидел, как головы повернулись в мою сторону.

Видимое облегчение появилось на лице Лили.

— Слава Богу, — сказала она, что было немного странно.

В любом случае, разве это не моя реплика? Я задумался о том, о чем она думала, чтобы так среагировать. Она что вспомнила последнюю ночь? Она думает, что я избегал ее звонка, все еще злюсь на нее, как это было с Джуни?

— Привет, — сказал я, изначально чувствуя себя немного неловко.

Тогда мне пришло в голову, что я даже не почистил зубы перед выходом из дома. Вчера вечером, я принял душ, вернувшись из театра, так что, по-крайней мере я был относительно чистым. Но мои руки были заметно поцарапаны после моего падения со сцены, и если бы мне пришлось догадаться, я бы поспорил, что мои волосы выглядели не лучше волос доктора. В целом, довольно сомнительная картина.

Миссис Тернер, с темными кругами под глазами и выглядев немного измотанной, представила нас друг другу.

— Доктор Хайленд, это Уилл Киллиан, друг, которого с нетерпением мы ждали.

Я кивнул доктору, который выглядел не особо довольным тем, что его прервали.

— Можно нам минутку побыть наедине, пожалуйста? — спросила Лили.

— Не будь грубой, — мягко отругала ее миссис Тернер. Затем она вернулась свое внимание ко мне с понимающей улыбкой. — Я уверена, нам много чего нужно наверстать.

Лили закатила глаза.

Миссис Тернер встала и прошла к двери, следуя за доктором Хайленд.

— Не удивляйся, если она не вспомнит кое-какие вещи, — тихо сказал он мне, направляясь к выходу. — У нее небольшие проблемы с деталями.

— Только лишь потому, что я не вспомнила пару имен, — пробормотала Лили.

— Включая свое собственное второе имя? — с порога спросила миссис Тернер.

Лили фыркнула.

— Она так же страдает неким расстройством личности, — осторожно сказал доктор Хайленд. — Опять же, не редкость при таких видах травм головы.

Я кивнул.

— Я покажу вам расстройство личности, — сказала себе под нос Лили.

Вау. Хорошо...

— Просто постарайся не расстраивать ее, — сказал доктор, последний раз взглянув на Лили.

Затем он и миссис Тернер покинули палату, закрыв за собой дверь.

Лили поманила меня подойти ближе, и я повиновался, направившись в сторону ее кровати.

— Послушай, — сказала она торопливым шепотом. — Я знаю, что тебе не понравится это, но у меня нет времени нежно преподносить тебе это. Мне нужно, чтобы ты вытащил меня отсюда.

— Из больницы? — Кто эта девушка? Лили, которую я знал не стала бы даже мечтать о том, чтобы пойти против своей матери и, вероятно, против всей больничной команды врачей. — Я не знаю, если...

— Нет, не из больницы, — нетерпеливо прошептала она. — Отсюда. — Она указала на себя, рукой на свою грудь.

Я покачал головой, полностью озадаченный.

— Я не понимаю.

Она поморщилась.

— Этого я и боялась.

Она взяла меня за руку, и потянул меня к себе, пока мы не оказались достаточно близко друг к другу.

— Я не Лили, как тебе чертовски должно быть известно, — бесстрастно сказала она. — Лили ушла. Ты был тем, кто сказал мне об этом, помнишь?

Холод захлестнул меня, и мир закрутился. Два отдельных кусочка пазла, которые я считал не связанным друг с другом, сложились в полную картину. Алона пропала. Лили неожиданно и невероятно пришла в себя, и у нее было расстройство личности, которое казалось, сделало ее не похожей на саму себя.

Со слишком быстро бьющимся сердцем, я посмотрела на знакомое лицо Лили, в виде сердечка — россыпь веснушек на носу, морщинки вблизи уголков ее глаз, которые предполагали, что она любила смеяться, неровный, но заживающий шрам от несчастного случая — и в равной степени знакомый, но определенно непохожий на Лили, решительный блеск в ее светло-коричневых глазах, который сейчас был сужен в этой надменной, но почти сексуальной манере, которая была отличительным знаком презрения только от одной девушки, которую я знал...

— Алона? — спросил я сквозь онемевшие губы.

Глава 12 (Алона)

Я знала, что все будет плохо, когда Уилл узнает об этом. Вот поэтому я и позвала его на помощь именно таким способом. Я не могла рисковать, так как он мог разозлиться, и не прийти в больницу вовсе.

И все же, когда он окончательно понял, сопоставив все вместе, это было даже хуже, чем я представляла. Может быть, сказать по телефону было бы лучшей идеей.

Он побледнел, лишь на его щеках с обеих сторон проглядывались красные пятна. Уилл выглядел так, как будто я ударила его. Нет, он выглядел так, словно я ударила его мать, а потом, в дополнении ко всему наступила на него.

Уилл отстранился от меня и отпустил мою руку, словно она была в огне.

Я ожидала этого, и, тем не менее, мне все равно было больно видеть это его выражение отвращения на лице.

— Ты сделала это, чтобы отомстить мне? — Он не желал смотреть мне в глаза, и его руки по бокам, были сжаты в кулаки.

Его обвинение потрясло меня.

— Нет!

Хорошо, я хотела донести до него свою точку зрения, но не таким способом. Я просто хотела показать ему, что я не нуждалась в нем. Тем не менее, я совершила прямо противоположное.

Он метнул на меня свой взгляд, наполненный яростью и скептицизмом.

— На самом деле, ты действительно думаешь, что я специально подстроила все это, чтобы позлорадствовать, сидя в этой больничной одежде? — я дернула за свободно висящую бледно-голубую ткань на своей шее. — Все вышло из под контроля.

— Это я вижу, — натянуто сказал он.

— Эй, это и твоя вина тоже, — огрызнулась я.

— Это должно было пойти на пользу, — пробормотал он, что отрезвило меня.

Он действительно не видел своей вины во всем этом?

— Если до тебя не дошло, догоняй. Важнее быть живым, чем мертвым, и если бы ты просто доставил мое сообщение, как я просила, мне бы не пришлось перейти к этим крайним мерам, — оправдывалась я.

— Значит, я отказал тебе, и это послужило зеленым светом для тебя, чтобы начать вселяться в моих друзей? — Он потер лицо руками, и я заметила глубокие и страшно выглядывшие царапины и порезы на внутренней стороне его запястий и предплечий.

Приступ беспокойства сжал мою грудь. Когда это произошло? Сейчас, вероятно, это не самое подходящее время, чтобы спросить его об этом.

— Прежде всего, это всего лишь одна твоя подружка, и это называется одолжить тело на время. — фыркнула я. — Я использовала только ее руки. Ну, ты знаешь, как тогда, когда Я СПАСЛА ТВОЮ ЖИЗНЬ?

Он закатил глаза.

— Ну, разве что только... — я закусила губу. — В этот раз все пошло не так.

Я сложила руки на груди, в жесте, который казался знакомым и непривычным одновременно.

По сравнению со всеми другими ее изгибами, грудь Лили была заметно больше моей.

Неудивительно, что она нравилась Уиллу. Да, ладно, он любитель ножек — поверьте мне, это очевидный факт — но сиськи все же были сиськами.

— Верно подмечено, совершенно не так, — сказал Уилл.

— Заткнись, — отрезала я. — Тебя не было здесь. Ты не знаешь, каково мне пришлось. — Я сделала паузу, содрогаясь от воспоминаний о той абсолютной темноте, в которой я проснулась. — Это втянуло меня, когда все началось, и я не смогла остановить это. Оно не хотело отпускать меня.

— Ты когда-нибудь замечала, что в твоих бедах всегда виноват кто-то другой? — спросил он.

Я нахмурилась.

— Какая разница. Просто вытащи меня отсюда, а затем сможешь кричать на меня, сколько захочешь, хорошо?

Ну, не совсем так. Неважно, какая ложь заставит его прекратить скулить и начать действовать, чтобы вытащить меня. До тех пор, я готова жить с этим.

Он замешкался и медленно покачал головой.

— Я не думаю, что это сработает.

Я почувствовала первый импульс настоящей паники.

— Почему нет?

— Потому что, если бы ты все еще была моим проводником, ты бы этим утром появилась в моей комнате, как обычно, — отметил он. — Что бы ты не говорила...это ничего не изменит.

Я покачала головой.

— Ты не можешь этого знать. — Я отказывалась принимать его версию, и этот растущий страх в моем животе, из-за того, что он мог оказаться прав. — Кроме того, — утверждала я. — Я ничего не сделала. Это просто произошло.

— То есть ты не трогала ее руки своими?

— Ну ладно, хорошо, да, — с раздражением говорю я. — Я сделала это, но у меня даже в мыслях не было целиком завладеть ее телом.

— Нет, тебе просто чертовски повезло, — сказал он.

— Думаешь, я хочу находиться здесь? — прокричала я. — Это последнее тело, которое я бы выбрала для себя. Оно маленькое и толстое, и слабое и...

— Я знаю, по крайней мере, одного человека, который был бы очень рад иметь это тело, и наслаждался бы возможностью иметь его снова, — тихо произнес он.

С небольшим опозданием до меня дошло, что он имеет в виду свою подругу. Господи Боже, Алона. Разозли его еще больше. Это поможет.

— Послушай, я не хотела... — я стиснула зубы. — Давай прервем на некоторое время наш спор, чтобы попытаться вытащить меня отсюда?

Это сработало. Это было моим единственным планом. У меня не было других идей, что было совсем не похоже на меня, но это не та ситуация, в которой можно было бы предусмотреть запасной план или даже два, что например вы делаете, когда случайно садитесь на соус для спагетти в кафе.

Губы Уилла сжимаются в тонкую линию, он обходит вокруг кровати и садится в кресло для посетителей, которое обычно занимает миссис Тернер. Я делаю глубокий вздох и закрываю глаза.

Я выжидаю в течение одного удара сердца или двух, но он продолжает молчать.

— Ты попытаешься? — спрашиваю я.

— Я пытаюсь сконцентрироваться, — раздраженно отвечает он.

Я замолкла.

Время тянулось. Я сосредоточилась, желая ощутить, что меня вытягивает на свободу. Я даже не была уверена, что должна почувствовать, поэтому я представила сопротивление внутри тела Лили, силу, которая втянула меня внутрь тела, прицепив, как черную грязь, или даже как Уилл выдергивает меня наружу с громко прозвучавшим хлопком освобождения.

Но проблема состояла в том, что на самом деле, я ничего не чувствовала, никакого давления и никакого ощущения, что меня тянули. Даже смутного мистического покалывания. Только усталость и нездоровое ощущение, которое было со мной с того момента как я проснулась в этом теле. Дерьмо.

Уилл открыл глаза и встретился со мной взглядом, хотя я подумала, что даже вздрогнула немного при этом.

— Значит, это не работает, — сказал он.

— Да, я заметила. Может быть ты плохо стараешься, — я услышала пронзительную грань паники в своем голосе. — Может, попробуешь так, словно дотягиваешься и вытягиваешь меня?

В ответ, он протянул руку и схватил меня на запястья, его прикосновение было таким теплым и утешительно знакомым, даже не смотря на то, что он был зол.

— Я не тот, кто может проходить сквозь людей, стены и вещи, помнишь? — Он помахал моей захваченной рукой у меня перед носом.

— Я не могу остаться здесь, — прошептала я.

— Тебе же хватило ума забраться сюда, — сказал он.

Слезы наполнили глаза и непроизвольно потекли вниз по моим щекам. Черт, Лили была плаксой.

— Ты отодвинул меня на задний план, как все остальные! — Черт побери, Алона, держись. — Что мне оставалось делать?

Он провел рукой по волосам.

— Я не знаю, но точно не вселяться в чужое тело.

— В моих планах этого не было! — я вытерла лицо тыльной стороной дрожащей ладони, натываясь на незнакомые участки лица.

Он медленно выдохнул.

— И я не задвигал тебя на задний план. Я не принимал никаких решений по этому поводу...

— Ты не считаешь, что нужно принять решение, чтобы говорить все это? — спросила я.

— Это не оправдывает...

— Я никогда не отрицала этого, — быстро говорю я.

Его выражение лица немного смягчилось, но это все равно было не тем. Он не обнял меня, не сделал ни одного шага, чтобы успокоить меня. Не то, чтобы я ожидала именно этого. Я знала, он был не настроен прощать меня в ближайшее время, но это не мешало мне помечтать о том, что он сделает это. Я могла бы получить немного поддержки и утешения, даже если я и не заслуживала этого. Но он был холодным и отстраненным, может быть даже больше, чем мы заговорили изначально.

— Нам нужно просто понять, что делать, — сказал он, потирая лоб, словно он болел. — Если ты смогла оказаться внутри, значит должен быть способ, чтобы вытащить тебя.

— Что насчет твоих книг? — спросила я.

Он непонимающе посмотрел на меня.

— У тебя же дома есть все те книги о призраках и загробной жизни...

— Ага, я уверен, я прочитал все посвященное о заимствовании тел. И прежде, чем ты спросишь, я сомневаюсь, что на ютубе можно найти обучающее видео. — Он покачал головой. — Я даже не знал, что это возможно. — Он хмуро посмотрел на меня. — Должно быть дело в тебе. Или, может быть, в Лили. Или в некоем сочетании. Если бы призраки могли в любой момент вселять в тело, люди стали бы ничем иным, как вращающимися дверьми для призраков. Нам нужно больше информации о том, как это работает.

Я прикусила губу, и остановилась, почувствовала себя ужасно. Это была не моя нервная привычка. Когда это я начала так делать? Моей нервной привычкой было прикусывание ногтя на большом пальце, хотя, я потратила годы на то, чтобы избавиться от нее.

— Ранее днем сюда приходил священник, — наконец предложила я. — Казалось, он в курсе, что что-то произошло не так. Как будто, он думал, что я была...ну, Лили...была одержима.

Он резко отклонился назад, словно впервые принял эту идею всерьез.

— Одержимость.

Я знала, что это означало. Это не было похоже ни на одну одержимость, которую я когда-либо видела, хотя Уилл, наверное, видел больше таких фильмов, чем я. Но в моем случае не было никакой борьбы, никакого насилия, или головы, которая вращалась бы в обратном направлении. Это скорее было похоже на то, как две половинки автомобильного ремня защелкнулись вместе, просто одной не нужна была вторая.

— Если я скажу миссис Тернер вернуть его...

— Нет, — сразу сказал Уилл, и если это вообще было возможно, он побледнел еще сильнее.

Я думаю, это было ответом на мой вопрос о том, что произошло с изгнанными духами. Очевидно. Небытие.

— Ты уверен? — спросила я. — Может быть, если я спрошу его вроде того, я не знаю, обратимо это или нет? Может быть, смесь святой воды и воды из под крана, или еще чего-то другого в роли главного ингредиента?

Он уставился на меня.

— Ты действительно так глупа, что готова рискнуть, чтобы превратиться в ничто?

— А ты действительно так решительно настроен, чтобы вернуть свою подружку Лили назад? — парировала я.

Он с отвращением посмотрел на меня.

— Это не только из-за этого. Тебе нет никакого дела до нее.

Миссис Тернер просунула свою голову в дверной проем, напугав нас обоих.

— Все в порядке?

— Дай нам еще минутку... Мам, — сказала я, почти подавившись словом.

Она кивнула и попятилась назад, но я подозревала, что она все еще была неподалеку.

— Они хотят вскоре отвезти ее...меня домой, — зашипела я на Уилла. — Я не могу сделать этого.

Притворяться кем-то другим было утомительно, и по неким ужасным причинам, я чувствовала себя вынужденной делать это правильно. Настолько насколько я могла. Я ненавидела видеть случайные вспышки боли и замешательства, которые появлялись на лице

миссис Тернер, когда я была самой собой, и не вела себя, как ее дочь, которую она знала. Из-за этого я чувствовала себя так, будто сдавала тест и ответила на все вопросы неправильно. Я не привыкла проваливаться в чем угодно. Идея о том, чтобы сидеть за их кухонным столом или еще где-нибудь, пытаюсь вести себя так, будто я узнавала вещи и помнила людей... Боже, я даже не могла представить себе такого давления.

— Когда? — спросил Уилл.

— Завтра, может быть через день. — Боже, что если я застряла здесь? Три дня в роли Лили Тернер? Последних 24 часов было более чем достаточно.

— Тогда, у нас есть немного времени, — сказал он, скорее себе, чем мне.

— Время для чего? — спросила я.

Но он просто покачал головой.

— У тебя есть идеи, — предположила я.

— Не слишком хорошая, — мрачно сказал он.

Я выпрямилась, автоматически корректируя свою левую сторону тела, которая была слабее, благодаря первоначальным повреждениям и последующих после этого операциям. У Лили были серьезные шрамы, даже один на лице.

— Мне все равно. Я готова на все. Скажи мне.

Но он только покачал головой.

— Что, так теперь ты хранишь секреты? — спросила я.

Он впился взглядом в меня.

Хорошо, может быть, не лучший ответ с точки зрения того, чтобы избежать лицемерия, но на кону была моя жизнь... вроде того.

Меня внезапно озарило.

— Этот план включает ее, не так ли?

— Кого?

— Мину, маленькую мисс Рембо из мира призраков. — Я раскинула свои руки в разные стороны, чтобы жестом охватить комнату и все за пределами ее.

Он скривился.

— Это немного сложнее, чем это.

— Это означает «да», ты собираешь рассказать ей? — запаниковала я, даже не дождалась его ответа. — Она на сто процентов посадит меня в коробку. — Существовать, как маленькие отдельные частички, каждая из которых будет осознавать, и находиться в состоянии тревоги до конца своих дней, может быть и хуже. — Она избавилась от миссис Руц только из-за того, что она несколько раз хлопнула дверью, так что...

— И почти убила меня, — указал он, повернувшись, чтобы посмотреть на меня.

... - как ты думаешь, что она сделает со мной, когда она узнает об этом? — я указала на себя.

— Может быть, тебе следовало подумать об этом раньше, — сказал он.

Я уставилась на него.

Он поморщился, начал говорить, остановился, затем попытался снова.

— Она была моим другом, Алона, а тебе все равно. Ты делаешь то, что хочешь, и неважно кому от этого будет больно. — Он покачал головой. — Я подумал, что ты изменилась, что ты стала другой, но я больше не уверен в этом.

Я снова почувствовала, как слезы щиплет глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не знаю. — Он беспомощно опустил плечи. — Я очень постараюсь выгнать тебя отсюда, потому что Лили и ее семья заслуживают этого, даже не смотря на то, что это, скорее всего, убьет ее мать, но после этого... я думаю, нам следует пойти разными путями.

Даже при том, что я знала, что это могло случиться, его слова все-таки удивили меня и на секунду, я не могла вздохнуть. Хлынули слезы, горячие и мокрые, прямо вниз по лицу, забрызгав перед моего больничного халата.

Уилл остался непоколебимым. Он поднялся.

— Я вернусь, как только смогу. Держи телефон рядом с собой.

Он уже уходит?

— И что мне делать, пока ты продумываешь свой большой план? — Я попыталась сохранять спокойствие. От моего внимания не ускользнуло, что он не ответил на мой вопрос насчет Мины.

— Просто продолжай делать то, что ты делала.

Я кивнула, вытерев лицо краем простыни.

Он направился в сторону двери, и затем остановился.

— Это стоило того? — спросил он, даже не обернувшись.

— Что?

— Ты делаешь это, чтобы поговорить со своими родителями? Хочешь стать причиной, по которой они снова впадут в траур?

Я вздрогнула. Из его уст это прозвучало так жестоко. Я не могла сказать ему правду. У меня не было много возможностей позвонить без свидетелей, и в те, несколько уединенных моментов... Я была не в состоянии убедить себя в том, чтобы воспользоваться ими. Одно дело отправить сообщение Уиллу и наблюдать за нежелательными последствиями на некотором расстоянии. Но сейчас у меня были пальцы, чтобы набрать номер и способность поговорить с ним и быть услышанной... Я боялась услышать то, что они могли сказать. Уилл волновался, что услышанное от меня, вернет их в штопор горя. Я волновалась, что это будет не так.

— Да, — солгала я.

Что еще я могла сказать?

— Я так и думал, — сказал Уилл.

Затем он ушел.

Через пару секунд, миссис Тернер осторожно просунула голову обратно.

— Ничего если я снова зайду?

Я кивнула, не доверяя себе, чтобы что-то сказать.

Она прошла дальше вглубь комнаты, двигаясь в сторону своего кресла, но затем остановилась, склонив голову от моего выражения лица и, наверное, от моих покрасневших глаз. Я имею в виду, каковы были шансы, что Лили оставалась привлекательно в то время пока плакала, даже если я была не в состоянии управлять этим?

Ее плечи опустились, и она с сочувствием посмотрела на меня.

— Ох, милая. На это потребуется время.

Я знала, что она была без понятия о том, что сейчас происходило, но это не имело значения. Услышав не подлинную заботу в ее голосе, мои глаза снова загорелись слезами, и тогда я заплакала. На самом деле, зарыдала. Задыхаясь, громкими и неловкими всхлипами. Так, как я никогда не позволяла себе в присутствие других людей, пока я была жива.

Соберись, Алона. Но, я никак не могла заставить себя остановиться. Это было похоже

на то, как если бы где-то прорвало кран, и все вырвалось наружу.

Я попыталась сесть на край своей кровати, втянув голову в плечи.

— Все в порядке. Все будет хорошо. — Она повторяла слова снова и снова, они должны были сработать, за исключение того, что я знала что, если я получу то, чего хочу, все не будет так хорошо, все не будет в порядке, по крайней мере, не для нее.

Она погладила мои волосы.

— Вы дружили с Уиллом, а потом перестали. А после, случилась авария... — Она положила подбородок на мою макушку. — Такой скачок, должно быть сбил его с толку. Сбил вас обоих.

Раздался стук в дверь. Я обернулась, чтобы увидеть, как мистер Тернер неловко стоял в дверях, букет полевых цветов в одной руке и огромная связка воздушных шаров в другой. Он был одет в другую джинсовую рубашку, более светлого оттенка голубого в этот раз. Тайлер стоял рядом, выглядя немного менее напуганным, чем вчера, но все еще настороженно. Он крутил в руках кусок белой ткани.

— Сейчас не подходящее время? — спросил мистер Тернер.

Я почувствовала как рядом со мной, миссис Тернер напряглась.

— Что ты здесь делаешь, Джейсон? Что насчет...

— Я взял выходной на работе, — быстро сказал он. — Это стоит отметить.

— Ох, — тихим, но счастливым голосом произнесла миссис Тернер.

Он подошел ближе, волоча воздушные шарики по потолку.

— Я не знаю, любишь ли ты еще такие цветы или нет, — хрипло сказал он. — Когда ты была ребенком, ты умоляла меня остановиться по пути к дому бабушки в Висконсина, чтобы ты смогла нарвать цветов у обочины дороги. Я думаю, что те цветы были в основном сорняками, но они напомнили мне о них.

Он сунул мне цветы, и я взяла их. Они были просто дешевым букетом из продуктового магазина в пластиковой упаковке, но они были симпатичными, и он сам выбрал их. Всякий раз, когда мой отец присылал мне цветы, они были огромными, декоративно подобранными и приходили от самого дорого флориста в городе... с запиской, написанной почерком его помощника. Однажды, я поблагодарила своего отца, и он даже не имел понятия, о чем я говорила. Я была просто пунктиром в чем-то списке вещей-которые-нужно-сделать.

Миссис Тернер сдавленно рассмеялась.

— Они прекрасны, Джейсон. В самом деле. — Она проговорила так, будто была на грани того, чтобы прямо сейчас заплакать.

— И у Тайлера есть кое-что для тебя. — Он поманил рукой сына, который все еще стоял на пороге.

Тайлер медленно приблизился.

— Знаешь то место в твоей комнате, о котором мне не предлагалось знать, где ты прячешь свои вещи, которые я не должен трогать?

Так вот что на это похоже, иметь брата. Я кивнула и понадеялась, что он не попросит подробных деталей, указать секретное место расположения или его содержание.

— Вот. — Он бросил мне ткань, которую вертел в своих руках.

Она порхнула вниз, приземлившись поверх моих одеял.

Я подняла ее. Это был кусок белого атласа, потертого и оборванного по краям, и казавшегося грязным на вид, но я знала, что это должно было быть чем-то важным, просто потому, как Тайлер и мистер Тернер наблюдали за моей реакцией. Я аккуратно взяла его,

потому что этот кусочек выглядел так, как будто был готов рассыпаться на части. Чем бы он ни был, он либо был очень старым, или очень изношенным, или и то и то другое.

— Ты нашел Блейки, — воскликнула миссис Тернер.

О, это прозвучало глупо. Но так же важно.

Недолго думая, я посмотрела на ее лицо, и еще одно из ее печальных выражений появилось на ее лице. Я провалила очередной экзамен Лили.

— Ах, точно, Блейки, — повторила я, чувствуя, как тепло распространилось по моим щекам.

Очевидно, что тут какое-то детское воспоминание, связанное с этой вещью. Пользуясь логикой, я предположила, что это было или когда-то было настоящим одеялом, чем Лили, видимо, достаточно сильно дорожила, чтобы спрятать от своего брата. Мне понравилась идея иметь что-то с такой историей. С маниакальными замашками, иногда залитыми алкоголем, моей матери к переделкам, мое постельное белье часто менялось на свежескупленное, так что не было смысла говорить о том, чтобы иметь сентиментальную привязанность к ним.

Я аккуратно провела пальцами по изодранному краю.

— Многие дети хранят клочки своих одеял, — утверждала миссис Тернер, в голосе звучал упрек. — Ты везде носила его с собой, до третьего класса, и даже после этого, ты спала, храня его под подушкой, помнишь?

Я кивнула, я не могла представить этого.

— Я смотрела и смотрела на него, когда собирала вещи, которые собиралась привести в твою комнату. — На мгновение она положила свою голову на мою. — Я подумала, что может быть, потеряла его или выбросила. Я была так расстроена.

Представьте себе это. Мать, которая хотела сохранить вещи, которые были важны для ее дочери.

Миссис Тернер вложила полоску ткани в мою ладонь и сжала пальцы вокруг нее, а затем поцеловала меня в лоб со вздохом, который казалось, обозначил, что Блейки и Лили воссоединились, все будет в порядке с миром.

Я посмотрела в сторону, глядя в дальний конец комнаты, чтобы снова не заплакать. Мне едва хватило сил сдержаться. Это было так несправедливо. Почему Лили Тернер получила этих родителей, эту семью, а не я? Она даже не ценила их. Она, вероятно, не ценила их, даже когда была жива. Не так, как ценила бы их я.

Глава 13 (Уилл)

Алона Дза украла тело, и не просто тело, хотя и этого было достаточно. Этого хватило, для того чтобы это выглядело чертовски плохо. Но это не все, она заняла место Лили.

Это действительно не должно было удивлять меня. Она всегда считала, что вправе делать все то, что хочет, и плевать на последствия. Но, Боже мой, это была самая эгоистичная вещь из всех.

Она сказала, что это произошло случайно, и возможно так оно и было, но это не меняет того факта, что она не должна считаться с кем-либо еще в этом беспорядке кроме себя. Это была прежняя Алона Дза, именно так.

Я прошагал обратно через больницу к своей машине, с яростью пропитывающей каждый мой шаг. Я немного размышлял о том, чтобы позвать Мину, и позволить ей устроить в палате целое шоу со всеми ее звенящими коробками, и это, возможно, проучило бы Алону.

Но это было не мое дело. Я не был тем, кто отвечает за ее нравоучение. Свет послал ее обратно. Значит, свету нужно было решать, а не мне, было ли это ошибкой или нет.

Тем не менее, это не меняло того факта, что мне была необходима помощь.

Я добрался до своей машины, — слава богу, она не была отбуксирована — и забрался внутрь.

Мне требовалось уединение и несколько секунд, чтобы подумать, прежде чем приступить к следующему шагу.

Я был готов поспорить, что кто-то в Ордене знал больше о том, что сделала Алона, хоть и не специально, но она сделала это, чтобы это произошло, и возможно, существовал некий способ это отменить и все вернуть на свои места. Беда была лишь в том, что они сделают с Алоной потом. Независимо от того, что я совсем недавно размышлял на счет Алоны, я не призову Мину к этому. Устранение и заключение Алоны в коробку, было слишком заманчивым трофеем для нее, чтобы противостоять.

Но Орден все еще был моим лучшим вариантом для предоставления информации. Трюк заключался лишь в том, как получить ее без их появления в больнице, чтобы они не смогли наведаться к Алоне и Лили. Мина утверждала, что миссис Руц была призраком зеленого уровня, чтобы это ни значило, но это было намеком на то, что существовали уровни и выше, чем этот. И если моя догадка верна, то Алона принадлежала к одной из этих, к более мощной категории. Это означало, что Орден не даст ей просто уйти.

Но это не означает, что я не смогу попытаться что-то разузнать с небольшими уловками и посмотреть, что из этого выйдет. Если бы я был осторожен, то это было бы, похоже, что я просто нетерпеливый студент.

Я полез в карман за смятой карточкой с номером "800" на нем.

Люси, казалось, была самой милой среди Лидерства и была готова не обращать внимание на то, что мой отец был озабочен смертью, вместе того, чтобы жить и работать. Она более охотно могла бы дать мне ответы, на что другие бы отказались давать информацию, которую я не должен был знать.

Я вытащил мобильник своей матери из кармана. Она настояла на том, чтобы я взял его, чтобы я смог позвонить и сразу же сообщить ей последние новости моего визита к Лили. Я должен буду набрать ей сразу же после разговора с Орденем. В противном случае, она начнет волноваться и попытается разыскать меня.

Я разблокировал телефон и начал набирать номер Ордена, пытаясь собрать свои мысли в единую историю, которая не прозвучит слишком подозрительно.

Прозвучал один гудок, а затем женщина с эффектным, но с гнусавым голосом проговорила:

— Секретарская служба.

Я совсем не ожидал этого. Не то, чтобы я думал, что Орден будет трубить свое имя и предназначение, но это общее приветствие заставило меня на секунду задаться вопросом, не ошибся ли я случайно номером.

— Гм, эй, вы не могли бы соединить меня с Люси?

Только сейчас я понял, что совсем не знаю ее фамилию.

Но это, похоже, не смутило операторшу.

— Минутку, пожалуйста.

Звук соединения отдалось щелчком в моем ухе, после чего гудки появились снова, тяжелые и отдаленные. Хотелось бы надеяться, что служба перевела меня на мобильный телефон Люси, а не на рабочий телефон в Калифорнии. Я полагал, что Люси была все еще в городе после прошлой ночи, или на обратном пути к нему.

— Люси Шепэрд, — ответила она, и ее голос прозвучал более профессионально и четко, чем тогда в театре.

— Привет, Люси, это Уилл...Киллиан, — добавил я быстро.

— Уилл! — в восторге воскликнула она, от чего телефон даже завибрировал над моим ухом с эхом ее голоса.

Я поморщился.

— Я не отвлекаю? — спросил я.

Я хотел знать, была ли она на встрече с Джоном и Сайласом. Это могло затронуть ответы, которые она будет готова дать мне.

— Конечно, нет, достопочтенный. Я просто собираю свои вещи для обратного рейса во второй половине дня. Чем могу помочь?

— У меня просто имеется парочка вопросов. Ты не возражаешь?

— О, конечно. — ее голос смягчился. — Я понимаю.

И я понял, что она подумала, что я хотел спросить об отце. Я поступал скверно, но сейчас было не то время. Только я не переставал думать, что если вдруг не появится другой возможности? Кто был этот Дэнни Киллиан, которого знали Люси и другие? Мол, крутой лидер, а не только скрытный и несчастный паренек, которым был мой отец?

— Уилл, ты еще здесь?

— Ох, да, прости, просто отвлекся на секунду.

Мне необходимо сосредоточиться на насущной проблеме. Нужно вытащить Алону обратно.

— Послушай, я знаю, это прозвучит странно, но я просто пытаюсь разобраться с большим количеством вопросов возникших в моей голове и услышать некоторые ответы, которые я хотел бы обсудить с тобой.

— Хорошо, — осторожно произнесла она.

— Возможно ли, чтобы призрак обладал человеком? Не так ли показывают в фильмах, когда все сплошняком сумасшедшие и делят гороховую кашу, не привлекая внимания? Человек может казаться нормальным или близок к этому.

Она молчала в течение долгого времени, тишина тянулась слишком долго. Проклятье, я

только что выдал себя?

— Люси?

— Тебе все-таки рассказала Мина, — произнесла она со вздохом.

— Что? — в замешательстве переспросил я. — То есть, я имею в виду, да, но не...

— Она настаивает на том, чтобы мы отнеслись к требованию этого священника серьезно, но она забывает одну вещь, проявления красного уровня очень редки. Я даже не видела такого прежде и...

— Подожди, какой священник?

— Священник Св. Екатерины. — теперь она была в замешательстве. — Мина разве не говорила тебе об этом?

Несмотря на жару в машине, я почувствовал внезапный холод. Алона упоминала священника.

— Кстати, девушка, которая находилась в коме в течение нескольких месяцев, проснулась рано утром, и она уже может говорить и передвигаться.

Ох, нет. Нет, нет, нет.

— Что может быть одним из признаков, — продолжила Люси, не обращая внимание на мое бедственное положение. — голосов с красным уровнем, как правило, они приходят после ослабления конечной цели и делают ее своей. Хотя, как я и говорила ранее, они невероятно редки.

— Что делает с такими Орден? — Я вынудил себя спросить об этом, надеясь, что мой голос прозвучал более-менее нормально, чтобы я смог продолжить управлять ситуацией на данный момент.

— Что они сделают? — она засмеялась. — Нет ничего, чтобы можно было сделать. Это просто попытка бедной девочки выиграть еще один шанс почувствовать себя живой в чужой оболочке. Но я сомневаюсь, что они что-то найдут.

Я замер.

— Они хотят что-то найти?

Если они обнаружат, это будет плохо. Эти поиски означали, что члены Ордена будут находиться в непосредственной близости от Алоны с разрушителями и коробками.

— Я думала, ты говорил, что разговаривал с Миной, — сказала она с неодобрением в голосе. — Джон отвез ее в больницу, чтобы проверить это, хотя...

Я нажал "отбой" на телефоне, бросил его на пол, и выскочил из машины.

Глава 14 (Алона)

Странной вещью в больницах является то, что ты думаешь, будто все там работает по заведенному порядку, одно и то же изо дня в день и в течение каждого часа.

На самом деле, они к тому же добавляют различные процедуры по странным интервалам времени, просто для того, чтобы держать вас в тонусе.

Мистер Тернер только что ушел, чтобы отвести Тайлера в кафетерий, когда в моей комнате появился санитар с инвалидной коляской.

— Физиотерапия, — весело прокричал он, толкая кресло в сторону моей кровати.

На его униформе были изображены танцующие мишки Тэдди. Пффф...

— Вы что серьезно? — спросила я.

Физические упражнения были последним, что мне хотелось делать, находясь в этом теле.

— Доктор Хайленд ничего не говорил об этом, — хмуро заговорила миссис Тернер.

Санитар не смутился.

— Чем раньше мы начнем, тем скорее она встанет на ноги.

— Хорошо, — неуверенно сказала миссис Тернер.

Она положила свою книгу, потрепанный экземпляр в мягкой обложке, которую она всегда и везде носила с собой, и в которой казалось, она не продвинулась не на йоту, и встала.

— Нам лучше подождать в палате. Терапия тяжелое испытание для пациентов, но иногда, даже смотреть на это еще тяжелее, — сказал санитар.

Чудненько. С каждой минутой звучит все веселее.

— Нет, я думаю, мне стоит... — начала она.

— Я буду в порядке, — сказала я.

Сейчас, когда я могла говорить, я не была совершенно беспомощной. И это будет хорошей идеей, чтобы побыть немного порознь. Если Уилл сможет найти выход из этого — и, казалось, он был решительно настроен, скорее ради Лили, чем для меня — тем меньше времени мы проведем вместе, тем лучше. Не то чтобы это так сильно поможет, после всего что произошло, но от этого ситуация не станет хуже.

— Ты уверена, детка? — нахмурившись, спросила миссис Тернер.

Странно, но перспектива оставить миссис Тернер здесь и одной отправиться на терапию не вызывала облегчения. Мне почти хотелось, чтобы она пошла со мной.

Нет, нет, нет. Не твоё тело, не твоё жизнь.

Не твоё семья.

— Да, я уверена, — твердо сказала я, пытаюсь убедить скорее себя, чем ее.

— Хорошо, — сказала она, сияя.

Ох. Она увидела это как признак улучшения. Чудесно. Ну, по крайней мере, это сделало ее счастливой.

После очень неловких маневров, вследствие которых я показала больше тела, чем хотела бы, если бы это тело было моим, санитар смог усадить меня в инвалидное кресло. Этого было само по себе достаточно, чтобы я выдохлась, даже не смотря на то, что сделала чуть больше, чем просто сохраняла равновесие во время пересадки.

Он мастерски развернул кресло лицом к двери, и только затем, я поняла, что оставила

телефон Лили на тумбочке. Дерьмо. Ну, сколько может продлиться один сеанс физиотерапии? Я, скорее всего, вернусь, к тому моменту, когда позвонит Уилл.

Если, конечно, он вообще позвонит.

— Пока, горошинка Лили, — в след нам прокричала миссис Тернер.

У этой женщины больше нелепых прозвищ, чем у меня милых пар туфель. Или, чем было раньше. В общем. Я подумала о том, закончила ли моя мама вычищать мою комнату. Была ли вся моя одежда и туфли уже на полках в Армии Спасения, рядом с уродливыми клетчатыми спортивными куртками и обычными шпильками, которые никто не хочет носить?

Я оттолкнула эту мысль. Мне есть о чем переживать прямо сейчас.

Санитар стремительно переместил нас дальше по коридору, как будто мы куда-то опаздывали или что-то в этом роде. По инерции, особенно на поворотах, мне было сложно оставаться в вертикальном положении. Не раз я думала, что соскользну с кресла в большую кучу больничных халатов.

Я не попросила его двигаться помедленнее. Потому что, так мы меньше времени проведем в коридоре, где все таращились на меня, пока мы проходили мимо. Некоторые из них даже последовали за мной дальше по коридору, перешептываясь друг с другом.

Послушайте, я понимаю. Это выглядело как чудо, об этом говорили, как о чуде, но...это не было чудом.

Добраться до лифта — я узнала во время своих тестов сегодня утром, что они никогда не пользовались лифтами для посетителей, чтобы перевозить пациентов — было, откровенно говоря, облегчением.

Напевая несвязный набор нот себе под нос, санитар вкатил меня внутрь и нажал кнопку "подвал".

Подвал? Это показалось очень странным. Я даже примерно не знала, где находится кабинет физиотерапии. В конце концов, внизу был морг, как и аппарат МРТ — еще одно открытие этого утра.

Оглядываясь назад, мне бы следовало поинтересоваться. Мне нужно было заговорить и сказать что-то, хоть что-нибудь. Может быть, этого бы этого хватило бы, чтобы вернуть события на прежний курс.

Но я не сделала этого. Я устала от сидения в инвалидной коляски во время дикой поездки, и, честно говоря, от больницы, с таким большим количеством людей, которые толкают и тянут тебя, привозят тебя в одно место, только для того, чтобы перетащить куда-нибудь в другое, ты вроде бы отдаешь свою судьбу в руки силам, которые придерживаются идеи, того что они знают что лучше для тебя. Я не гордилась этим, но именно так это работало.

Санитар выкатил меня из лифта и дальше по главному коридору в небольшой зал, который я не заметила ранее.

Он остановился перед дверью без таблички и постучал.

Дверь открылась, и первое, что я почувствовала, это был запах: запах плесени и поддельный хвои. Санитар вкатил меня внутрь, и затем я увидела швабры, стоящие в металлическом ведре, ржавые и покосившиеся полки, на которых стояли покрытые коркой бутылки промышленного очистителя, и огромные баки для стирки.

Святой Отец Хейс стоял рядом с промышленной ванной, руки сложены на груди, как будто он молился, пока ждал нас.

— Что происходит? — потребовала я, почувствовал первую искорку страха.

Хотя каким-то образом, в голове, я все еще думала, что это какая-то ошибка. Что мы просто свернули куда-то не туда.

— Спасибо, Раймонд. — Он сделал шаг вперед и протянул руку к санитару, чтобы пожать ее. — Ты поистине исполняешь волю Господа.

О, это не хорошо.

Я вытянула шею, чтобы найти Раймонда или столько его, сколько, я могла увидеть, находясь в этом неудобном положении. Он отпустил руку священника и повернулся, чтобы уйти. Он собирался просто бросить меня здесь в кладовке уборщика.

— Нет, нет, нет. Вернись, Раймонд. Увези меня отсюда. А как же физиотерапия?

Он просто продолжил идти намного медленнее, чем он двигался до этого. И вот тогда, я поняла, он делал это не для того, чтобы избавить меня от смущения и дискомфорта. Нет, он старается выйти сухим из воды. Подонок.

Дверь захлопнулась за Раймондом, и я повернула голову, чтобы снова посмотреть на Отца Хейса, но он не смотрел на меня. Его внимание было приковано к чему-то позади меня.

— Я полагаю, что этого пространства будет достаточно для твоих нужд? — спросил он.

Я повернулась в другую сторону, напрягая шею, чтобы увидеть с кем он говорил, и как только я сделала это, у меня перехватило дыхание и сердце взорвалось бешеным ритмом. Там, где дверь скрыла ее из поля зрения, стояла Мина, бич духовного мира. На плече у нее была большая спортивная сумка, и ее кудрявые волосы образовали вокруг головы вьющийся ореол. В правой руке, она держала блестящий разрушитель, с помощью которого она избавилась от миссис Руц, направленным прямо на меня.

Уилл. Он навел ее на меня?

Меня замутило, и не только из-за страха того, что меня предали. Он угрожал этим, но я никогда не думала, что он пойдет на это.

Мина передвинулась, заблокировав дверь.

— Этого хватит, — сказала она отцу Хейсу, ее рука с оружием была тверда и непоколебима. Она вытягивает руки и снимает сумку свободной рукой, опускает ее на пол с громким лязгающим звуком.

Но если Уилл был ответственным за это, где же он? Он мог переложить все на Мину, но он бы никогда не бросит Лили. И что здесь делал священник? Это не имело никого смысла.

— Я думаю, что произошла какая-то ошибка, — сказала я, стараясь говорить таким тоном, каким бы говорил обычный человек, который обнаружил себя в кладовке уборщика с, казалось бы, сумасшедшими людьми, вместо того, чтобы быть на физиотерапии.

— Нет. Не ошибка, — сказала Мина, развернув меня в кресле. — Я почти вижу тебя, мерцающей на поверхности.

Она наклонилась вперед, придвигая разрушитель ближе к моему лицу. Я не знала, сработает ли он на мне в этой форме, но я была уверена, что он сработает, или иначе она бы не направляла его на меня.

— Только прикоснись ко мне этим, ты придурковато-волосатая сучка, и я позабочусь о том, что ты пожалеешь о том дне, когда сделала себе химию, — отрезала я.

Мина остановилась с открытым ртом. Затем она склонила голову на бок, с оценивающим выражением лица.

— Ваше высочество? Не вы ли это?

Черт.

— Ты — красный уровень. — усмехнулась она. — Это будет весело.

Она сделала шаг назад и опустилась на колени рядом со своей спортивной сумкой, внимательно наблюдая за мной. Свободной рукой, она начала вытаскивать небольшие металлические коробки, те самые, что она использовала в комнате особняка Гибли.

Вот и все. Мина вытащит меня из тела, заключит в коробку в виде небольших частичек, и засунет меня куда-нибудь на полку.

Думай, Алона, думай! У меня не получится заболтать ее. Я не могла бежать. Спрятаться где-нибудь? Это также можно было вычеркнуть. Так что, я сделала единственное, что могла.

Я закричала так, как будто меня резали... потому что у меня было чувство, что все идет именно к этому.

Глава 15 (Уилл)

Я не стал дожидаться лифта, поэтому, просто прошел через весь вестибюль к пожарной лестнице и поднялся до 5 этажа, переступая через 2 ступеньки. Я проклинал себя за то, что оставил телефон в машине. По крайней мере, я смог бы позвонить и попытаться предупредить Алону, но было такое чувство, что я перестал думать, когда услышал, что Мина находилась в больнице.

Я распахнул дверь и ворвался в коридор на пятом этаже, напугав медсестру, которая в этот момент проходила мимо.

— Могу ли я вам чем-то помочь? — раздраженно спросила она.

Я проигнорировал ее и прошел мимо поста медсестер и дальше по коридору, в сторону палаты Лили. Дверь была открыта, я смог увидеть так много, но я не услышал ее, как раньше.

Страх пронзил меня, но я должен был засунуть его куда подальше и совладать с логикой. Скорее всего, она просто спит, или, может они снова проводят тесты над ней.

Я толкнул двери, медленно перебирая ногами перед тем, как заглянуть внутрь.

Когда, я все же это сделал, я увидел то, чего так боялся — кровать была пуста. Кровать Лили была пустой, одеяло было застелено. Мое сердце сжалось.

Миссис Тернер оторвала свой взгляд от книги в мягком переплете, на меня.

— Уилл? Ты что-то забыл?

— Где Ал...Лили? — я переступал с ноги на ногу, чувствуя, как секунды пролетают мимо.

Она нахмурилась.

— На физиотерапии. Что-то не так? Ты выглядишь испуганным.

Физиотерапия. Это прозвучало очень правильно. Каковы были шансы, что это было правдой? Мог ли я застать здесь Мину и Джона?

— Я думаю, она, скорее всего, вернется через час. — Она выглядела задумчивой. — На самом деле санитар ничего не сказал насчет того сколько это займет времени.

Инстинкт прошептал мне, говоря, что-то было не так.

— Терапия была запланирована на это утро? — спросил я. — Она не упоминала об этом при мне.

Миссис Тернер отложила свою книгу.

— Ты знаешь, мы тоже ничего не знали об этом, но я думаю, что ее готовят к выписке. — Она одарила меня усталой, но улыбкой полной надежды.

Нет. Орден был где-то здесь. И Алона была у них.

Они увезли ее из больницы, или они все еще были где-то вместе с ней?

Было бы слишком рискованно увести ее из больницы, потому что даже если бы им удалось вытащить Алону из тела Лили, им все равно еще предстояло бы иметь дело с Лили. Им придется, каким то образом вернуть ее назад. Так что, дело было не только в том, чтобы тайком вывести ее, но и в том, чтобы также тайком вернуть ее назад.

Может проще найти изолированное место в больнице. Но где именно?

— Вы ходили с ней, чтобы помочь ей подготовиться? — спросил я.

— Нет, санитар посоветовал ей пойти одной, и она сама так захотела, — сказала миссис Тернер. — Ей было сложно, я думаю, приспособиться к новым обстоятельствам.

— Вы даже представления не имеете насколько сложно, — пробормотал я.

— Что?

— Ничего, — говорю я.

Таким образом, либо Мина и Джон попытаются похитить Алону где-то между ее палатой и физиотерапией... либо санитар был с ними заодно. Я неожиданно вспомнил, что сказала Люси о том, что больничный капеллана был вовлечен. Он, из всех людей, наверное будет знать персонал больницы достаточно хорошо, чтобы найти истинно верующего или кто-то кто готов посмотреть в другую сторону за дополнительную зеленую надбавку.

— Ты уверен, что ты в порядке? — еще раз спросила она. — Ты просто кажешься...не в духе. — Она одарила меня доброй улыбкой, так похожей на улыбку Лили, и похлопала по кровати. — Не хочешь присесть и рассказать мне об этом?

Я проглотил истерический смешок, который пузырится в глубине моего горла. Ну, видите ли миссис Тернер, ваша дочь на самом деле, не ваша дочь, по-крайней мере, не сейчас.

Я качаю головой.

— Спасибо, но я в порядке.

— Ты можешь подождать ее здесь, если хочешь. Но я не знаю, в каком состоянии она будет, когда вернется.

Я мог бы сказать это еще раз.

— Я знаю, что было тяжело, — продолжила она, — но твоя дружба много значит для нее. Ты бы видел, как озарилось ее лицо, когда ты вошел. — миссис Тернер многозначительно улыбается.

Алона. Мне до боли в груди было необходимо найти ее. Если я не найду ее и не остановлю все во время, она уже будет...в коробках, тогда наш утренний разговор будет последним. Нет, я не мог позволить этому произойти.

— Я знаю, что у вас напряженные отношения, но я надеюсь, что ты сможешь с этим разобраться.

Я тоже.

— Миссис Тернер, вы помните что-нибудь о санитаре который забрал... Лили?

Она нахмурилась.

— А что?

О, отличный вопрос, на который у меня не было ответа. Я призадумался, пытаюсь придумать что-нибудь, что показалось бы логичным, не вызвав паники. Последнее что мне нужно было, так чтобы все больница встала на уши. Это, скорее всего, спровоцирует Мину поспешить, или что еще хуже, увезет Алону и Лили отсюда, понимая, что они вообще-то находятся в больнице.

— Мне было просто интересно, тот же это парень, которого я видел у лифта этим утром с пациентом, — солгал я. — Я думаю, что он разводит еду по палатам.

— О. — Она выглядела немного растерянной. — Я не знаю. Он был высоким, с дредами. Но я не расслышала его имени.

Черт.

Она просияла.

— Его форма была очаровательной. Она была темно-синего цвета с воздушными шариками и мишками Тедди в шляпах.

Да. Очень полезная информация. Затем я понял, что она ждала моего ответа.

— Ох, да, очень похоже на него, — быстро сказал я. — Хороший парень.

Она еще раз кивнула, все еще казавшийся сбитой с толку из-за поворота в нашем разговоре.

— Я пойду, похожу немного, разомну ноги, посмотрю, что тут да как, пока жду Лили.

Как будто я уже не потратил слишком много времени в больнице. Но прямо сейчас, единственной моей зацепкой был священник. Я бы, наверное, мог достаточно легко выследить священника в его офисе, при условии, что он будет там, а не с Миной и Джоном. Он казался единственным, кого можно было позвать, так что, мне было сложно представить, что он сидел, сложа руки, выполняя бумажную работу или что-то в этом роде, пока они работали над тем, чтобы вытащить это — как же Люси назвала это? — проявление.

— Хорошо, сказала миссис Тернер, — но не мешай и не приставай к людям, выполняющим свою работу, — она указала на меня пальцем.

— Хорошо. — Я развернулся на каблуках и направился туда, откуда пришел. Я не знаю, как звали священника, но я был уверен, что кто-нибудь на посту медсестер направит меня туда, где находился офис капеллана. Если мне придется, я вызову его и заставлю прийти ко мне. Вот тогда, я должен буду выяснить, что сказать, очередную ложь, но, по крайней мере, я двигался в правильном направлении.

На посту медсестер, мать с тремя детьми, цепляющимися за ее ноги, заняла внимание обеих медсестер, выражая недовольство о чем-то, что было связано с ее четвертым ребенком и из-за отсутствия желе в его сегодняшним обеде.

Ну же, ну же.

— Могу я чем-нибудь помочь вам? — Одна из медсестер, наконец, обратила на меня свое внимание.

Это была та же медсестра, которая неодобрительно посмотрела на меня, когда я ввалился с лестницы, и она не казалась счастливее от того, что снова видит меня сейчас перед собой.

— Я ищу... — Краем глаза, я увидел вспышку цветов, красного на темно-синем фоне.

Быстро обернувшись, я увидел высокого мужчину с короткими дредами, который двигался дальше по коридору толкая перед собой каталку. Его рубашка была темно синего цвета с мишками Тедди в шляпах и красными воздушными шариками, напечатанными вокруг них.

Да! Из-за прилива адреналина мое сердце забилося быстрее. Должно быть это он, не так ли? Санитар, который забрал Алону куда-то.

— Молодой человек? — спросила медсестра, ее губы сжались в тонкую линию.

— Не обращайтесь внимания, — быстро ответил я, и поспешил за санитаром. — Эй, подождите, остановитесь.

Он замер и затем повернулся, чтобы через плечо окинуть меня настороженным взглядом.

Да, это тот самый парень.

— Послушайте, — я подошел немного ближе. — Я отстал от остальных, но я должен был помочь.

Он покачал головой, его глаза все еще были осторожны.

— Я не знаю, о чем ты говоришь. Мне нужно вернуться к работе, так что...

— Ситуация с комнатой 512 и Орденом, — шепотом сказал я.

Если я был неправ, и он понятия не имел, о чем я говорю, то я собирался прикинуться дурачком.

Но понимание промелькнуло в выражение его лица.

— Да. Да, хорошо. — Он наклонился ко мне. — Они внизу.

Я испытал чувство облегчения. Они все еще находились в больнице.

— Где? — спросил я, пытаясь показаться отчаявшимся и готовым к тому, чтобы вытрясти из него эту информацию.

Должно быть, я частично добился успеха, потому что он немного отстранился, нахмурившись на меня.

— У меня будут неприятности, если я опоздаю. Я должен проходить обучение, но я облажался со временем, и потом не смог найти записку с адресом, и вы же знаете, как Орден относиться к пунктуальности.

Я слышал, что говорил не связно, слишком много, все что угодно, лишь бы открыть дверь к информации, которая мне была нужна.

— Все в порядке, — сказал он, он выставил руки перед собой, как бы успокаивая меня. — Мы доставим тебя туда. Просто спустись на лифте в подвал. Заверни направо в коридор, и затем налево дальше по коридору. Первая дверь без окна.

Да, это прозвучало совершенно не зловеще.

— Спасибо, чувак, я очень ценю это. — По крайней мере, облегчение в моей голосе было искренним.

— Тебе лучше поторопиться, — сказал он. — Святой отец Хейс сказал, что это не займет много времени. И должен спуститься вниз через некоторое время, чтобы забрать ее и вернуть в палату.

Я не мог не задаться вопросом, как много он знал, что он подумает, когда спустится вниз забрать Лили из комнаты без окон и еще раз обнаружит ее пустую оболочку. Этого ли он ожидает увидеть? Или появится ли у него мысль о его причастности в чему-то, что он скорее всего совсем не понял?

В любом случае, я не хотел ждать, чтобы узнать.

Я кивком поблагодарил его и направился в сторону лифта.

Глава 16 (Алона)

Отец Хейс выглядел встревоженным.

— Кто-нибудь услышит ее крики, даже здесь внизу.

Хорошо. Я сделала глубокий вдох и продолжила кричать изо всех сил, даже не смотря на то, что мой голос уже превратился не в крик, а стал похож скорее на раздражающий скрежет.

Мина казалось, нервничала, застряв между тем, чтобы держать разрушитель, направленный на меня и заставляя быстрее двигаться, чтобы вытащить коробки наружу.

— Просто помогите мне, — приказала она священнику. — Положите коробки на пол и...

Позади себя, я услышала, как резко открылась дверь. Мина и священник оба подпрыгнули.

— Какого черта ты творишь? — потребовал мужской голос.

Да! Я спасена. Я попыталась повернуть шею, чтобы увидеть его, но я смогла только мельком увидеть джинсы и манжеты выцветшей фланелевой рубашки.

— Они похитили меня, — прохрипела я. — Вызовите полицию.

— Мина, ты решила собрать сюда половину больницы, — раздраженно сказал он.

У меня упало сердце. Человек — мой потенциальный спаситель, очевидно, был частью команды Мины.

Через секунду, руки засунули грубую ткань, сильно пахнущую отбеливателем и стиральным порошком, мне в рот, натянув ее крепко и завязав на затылке, поймав в процессе несколько прядей моих волос. Материал впитал всю влагу во рту, и на вкус она была отвратительна.

— Если ты собираешься выживать, в качестве полноправного члена, то твои навыки планирования нуждаются в усовершенствовании, — сказал он, сделав выговор.

Я слушала в пол-уха, больше сосредоточившись на том, чтобы ослабить кляп. Он так сильно его затянул, что я даже не могла стянуть его зубами. Не то чтобы у меня не было шанса прожевать его в течение часов, но на это потребуется намного больше времени, чем нужно им, на то чтобы сделать то, что они собирались.

— Я сделаю это, — грустно сказала она. — Мне просто нужно еще несколько секунд.

Он фыркнул, и она немного вздрогнула. Это привлекло мое внимание. Кем бы ни был этот парень, Мина его боялась.

— Заканчивай с этим, — сказал он. — Или ты хочешь, чтобы я сделал и это тоже?

Она быстро покачала головой, от чего ее волосы развевались вокруг ее истощенного бледного лица.

Под руководством Мины, священник закончил выкладывать коробки и присоединил отдельные провода к одному крупному, который лежал на полу рядом с близлежащей розеткой, и затем Мина передвинулась, чтобы встать рядом со мной. Она поднесла разрушитель ближе, сильнее вжав его в мое плечо. Провода на открытом конце впились в мою кожу через ткань больничного халата.

Я извивалась в своем кресле, но моя нижняя часть тела, на удивление, по-прежнему отказывалась двигаться. Мне ни за что не выбраться отсюда своими собственными силами, даже если каким-то образом я смогу избежать их троих. Я кричала в кляп, но возникший

приглушенный звук, никогда бы не вышел за стены этой комнаты. Так что... это конец.

Мое сердце билось со скоростью тысячи ударов в минуту, сотрясая тело. Я задумалась, а больно ли быть запертой в коробке, или я больше ничего не почувствую. Слезы текли по моему лицу, впитываясь в ткань, из которой был сделан кляп.

Уилл. Я так сильно хотела, чтобы он сейчас был здесь. Я хочу сказать, что если это было концом, то, по крайней мере, я была бы не одна.

— В самом деле? — спросила Мина.

Священник с беспокойством кивнул, его лицо было покрыто легким блеском от пота.

— Это твое шоу, — нетерпеливо сказал человек у меня за спиной.

Она сделала глубокий вздох и нажала кнопки на своем устройстве.

Появилось слабое голубое свечение, и через меня пробежал электрический заряд, сжав мою челюсть и выгнув спину. Боль была похожа на огонь, который охватил все мое тело. Мучительный стон вырвался из моих губ, несмотря на все мои усилия.

Затем странное ощущение наполнило меня, разделив надвое, как снять защитную пленку от наклейки или удалить тот слой омертвевшей загорелой кожи. Я почувствовала себя еще отчетливее, в теле Лили.

Мина проскользнула своей свободной рукой по поверхности моей. Моей фактической руки, не по руке Лили. Посмотрев вниз на себя, я увидела прозрачные контуры своего тела, которые накладывались на тело Лили. Я могла бы заплакать от облегчения, если бы только не была в курсе, что это означало. Это было тем, что я скорее всего стану на один шаг ближе к этим проклятым коробкам на полу.

Я изо всех сил пыталась вытянуть себя на свободу из тела Лили, но оно надежно держало меня, как мышь в одной из этих противных ловушек на клею, на использование которых настояла моя мачеха в гараже их дома.

— Будь готова или ты потеряешь его, — сказал человек позади меня, но он не шевельнулся, чтобы помочь ей. — Оно будет бороться с тобой.

Оно? О, черт нет. И уж поверь, я буду бороться.

Мина кивнула, не подняв глаз. Ее рука парила над моим запястьем, едва касаясь, и когда я в следующий раз рванула, вверх пытаясь освободить себя, ее пальцы сомкнулись вокруг моей руки.

Я с изумлением наблюдала за тем, как она поставила свои ноги на пол, зафиксировав себя на месте, и начала вытаскивать меня одной рукой — могу добавить не слишком нежно. — пока другой рукой она продолжала прижимать разрушитель к моему плечу, где Лили и я все еще были соединены.

Через несколько минут, она вытащила меня по пояс. Я смогла снова видеть свою белую футболку и свои длинные светлые волосы. Я почти была на свободе! Это ощущалось странно, после стольких часов, в течение которых я была Лили.

— Послушай, это произошло случайно, — быстро сказала я, выворачивая свое запястье из хватки Мины, чтобы освободиться. — Я уйду. Я обещаю, я не вернусь назад в это тело. Поверь мне.

В панике я вспотела. Я не могла убежать. Я все еще была соединена с телом Лили, с нижней ее частью.

— Переход, Мина. Переключи, или ты упустишь этот момент, — приказал мужчина.

У себя за спиной, я почувствовала движения и подняла глаза, чтобы увидеть как Лили резко опала в кресле. О, Боже. В голове промелькнуло воспоминание о миссис Тернер

державшей меня/Лилу за плечо. Она сойдет с ума от горя, когда увидит свою дочь в таком состоянии. Мое сердце болело за девушку, которая никогда не проснется, чтобы увидеть цветы, которые принес ей ее отец, то, как ее мать заботилась о ней, и уже никогда ее брат не вернет ей что-то, что он знал она хотела бы получить назад.

Священник таращился на Лили, и казалось, испытывал отвращение.

— Так и должно быть? — спросил он.

Священник был прав. Лили плохо выглядела, и я не думаю, что это было не просто отсутствие жизненных сил и движения. На самом деле, она выглядела хуже, чем прежде. Она стала бледнее, ее кожа посерела.

Человек во фланелевой рубашке покачал головой. Теперь я могла лучше рассмотреть его. У него были тонкие темные волосы, которые, наверное вились на концах, когда отрастали. Его лицо было суровым с глубокими линиями морщин на лбу и по обе стороны его рта, как будто он много работал на свежем воздухе или испытывал много стрессов.

— Должно быть они связаны. Если сущность находится в теле в течение достаточно долгого времени, хозяин становится зависимым от энергии сущности. И сущность...

Все в комнате посмотрели на меня.

— ...становится зависимой от хозяина, питаюсь электрической энергией, которую вырабатывает тело. Это замкнутый круг.

Я посмотрела на себя и увидела, что мои руки исчезали. Я ахнула. Они мерцали, не так как раньше, просто медленно исчезали, как будто их никогда здесь и не было. И я ничего не чувствовала.

Позади меня, Лили начала задыхаться, ужасный хриплый звук. Она умирала, я исчезала, и это было моей виной.

— Поторапливайся, — рявкнул он на Мину. — Владелец осушил ее. Если призрак исчезнет прямо сейчас, она исчезнет навсегда. Орден хочет сначала получить шанс изучить ее, — сказал парень "фланелевая рубашка".

Изучить меня? Зачем? Как долго? Буду ли я в клетке или по кусочкам? От страха у меня перехватило горло. Я хотела побороться, но у меня не было стимула для этого. Я бы никогда не смогла оттолкнуть себя прочь.

Мина повертела в руках разрушитель, переместив его к моей шее.

— Я работаю над этим, — со злостью проговорила она парню позади меня, кто казался вроде как боссом. — Ты дашь мне просто сделать это?

Она наклонилась вниз и подключилась гигантский шнур в розетку на стене. Мгновенно, коробки на полу начали светиться болезненно желтым светом, который разливался из тоненьких трещин на вершинах. Затем вершины коробок начали расходиться, и эта ужасная пародия на белый свет начала распространяться в мою сторону, как тянущиеся длинные жуткие пальцы.

Я закричала, но никто даже не вздрогнул.

В самый разгар этого хаоса, дверь еще раз резко распахнулась. Все, кроме Лили, одновременно обернулись, чтобы посмотреть.

Как будто мое отчаяние вызвало его, как радио маячок, Уилл Килиан стоял в дверях, запыхавшись, обычно бледные щеки покраснели.

Парень во фланели улыбнулся.

— Уилл, — довольно сказал он. — Что ты делаешь...

Уилл проигнорировал его.

— Остановись, — прокричал он Мине. — Выключи. — Он бросился вперед и оттолкнул ее, отбросив ее руки от меня, послав разрушитель пролететь по комнате в сторону священника.

Но было слишком поздно. Я чувствовала, как свет из коробок тянули меня внутрь, каждая чем-то отличалась от другой по ощущениям. Какие-то кололи, как булавки, некоторые были горячими, как пузыри тепла, поднимающиеся от свежего асфальта. Все чертовски болезненные. Они разрывали меня на кусочки.

В эту секунду, все замедлялось, стало очень тихо и ясно.

Я могла позволить коробкам затянуть меня внутрь и разобрать меня на части, и Орден будет изучать меня, не зависимо от того, какие адские испытания могут быть связаны с этим.

Я могу просто отпустить себя. Просто уйти. Это будет не так уж и плохо, не так ли? Будучи ничем, буду ничем... правильно?

Или, я могла бы попытаться. Тело Лили могло защитить меня от коробок. Вот почему им в первую очередь нужно было использовать разрушитель. Но добровольно вернуться в умирающее тело, зная, что это плохо? Мне стало не хорошо только от одной мысли об этом. Я стану похитителем тела, и даже не того, которое я хотела. Я не могу быть Лили Тернер.

Но, если "фланелевый" парень прав насчет Лили и я буду существовать отдельно от нее, возможно, она выживет без моей помощи. Может быть, она жила из-за меня. Должна была быть причина, почему меня отправили назад от света, правильно? Может быть, поэтому. Может быть, мы могли спасти друг друга. И, если мы переживем это, может быть появится еще один шанс. Возможность для Лили жить дальше и для меня еще раз стать собой, правильно? Но, если я сейчас не воспользуюсь шансом, с нами обоими будет покончено. И я не могу позволить ей просто умереть, не тогда когда я стала причиной того, что произошло и могу остановить все это...

В голове, я снова увидела перед собой заплаканное лицо миссис Тернер, момент, когда она поняла, что ее дочь очнулась. Я знала, что ты вернешься. Я знала, что была причина надеяться.

Я повернула голову и встретила взгляд Уилла. Глаза широко распахнуты, он покачал головой, как будто он услышал то, о чем я подумала.

Прости. Затем я рванула назад в тело Лили, молясь, чтобы миссис Тернер оказалась права.

Глава 17 (Уилл)

— Нет! — прокричал я.

Но Алона уже исчезла.

Коробки оставались открытыми и светились, хотя, никто другой в чулане казалось, не знал куда смотреть. Но я знал. Я знал Алону. Самосохранение было не последним пунктом в списке у этой девочки.

Я уставился на Лили. Она не казалась другой, Лили все еще боролась за то, чтобы вздохнуть и была так бледна, что выглядела практически также, полупрозрачной. Но я был почти уверен, что Алона ушла. Она бы снова использовала Лили для своих целей, и на этот раз, это могло убить Лили.

Черт возьми.

Но, как ни странно, этот первый взгляд, которым она одарила меня, не был взгляд полный триумфа. Вовсе нет. Она, казалось, грустной, может быть, даже отчаявшейся и... смирившейся, если бы мне пришлось описать ее.

— Дух исчез? — спросила Мина.

Джон обошел нас, чтобы выключить главный шнур питания ящика, из розетки.

— Это возможно. Но есть только один способ, чтобы узнать наверняка. Мы подождем. — Он кивнул на Лили. — Девушка в любом случае умирает.

Я застыл.

— Что?

— Сущность так долго была в ней, она не выживет без нее, — сказал он. — Но даже если сущности удалось вернуть ее, оно сильно истощенно. Его извлечение не будет проблемой, особенно после того, как девушка умрет.

Мысли кружились в голове, с трудом дающей мне, возможность поймать хотя бы одну.

Лили умирала? Неужели Алона, что-то знала? Неужели, она поняла, что Лили не сможет выжить без нее? Это бы объяснило выражение на ее лице, прямо перед ее исчезновением.

Неужели Алона просто пыталась спасти жизнь Лили?

Сама это идея взбудоражила кучу мыслей, которую я не вполне мог удержать.

Конечно, попытка спасти Лили, путем возвращения ее назад, будет иметь преимущества для Алоны в виде того, что она не окажется запертой в коробке, но она должна была знать, что существовала вероятность того, что она навсегда застрянет в теле Лили. И все же она, так или иначе, попыталась.

— Мы должны перейти в другое место. Кто-то, возможно, слышал шум. — Джон потянул за ручки инвалидную коляску Лили.

Я сдвинулся, заблокировав ему проход.

— Нет.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Вы говорите, что волнуетесь за живых, но мертвые, тоже были живыми когда-то. Вы не можете игнорировать это, только потому, что это намного удобнее для вашей философии и помогает вам лучше спать ночью, — сказал я.

Джон побледнел.

— Да, послушайте новобранца, — тихо сказала Мина. — Того, за которого вы

сражались.

Я проигнорировал ее.

— Если дух выжил, если Алона выжила, — Я сознательно использовал ее имя, наблюдая за тем, как брови Джона взлетели. — Я чертовски уверен, что не собираюсь сидеть здесь и смотреть, как Лили умирает, чтобы вы побыстрее добрались до Алоны. — Я протянул руку и осторожно вытащил кляп из ее рта. Губы Лили были красные и влажные от криков Алоны.

— Киллиан снова спешит на помощь. Всем бедным, мертвым людям, нуждающимся в его помощи. — Горькая усталость появилась на лице Джона. — Это, как предполагается, во благо, Уилл. Твой отец никогда не понимал этого.

— Верно, — отрезал я. — Я думаю, его определение блага, просто было не много шире, чем ваше.

Я схватил инвалидную коляску Лили и покатил ее прочь, остановившись только, чтобы открыть дверь, позади себя.

— Она одержима, — выплюнул Джон в меня.

— Вы не знаете этого.

— Это мерзко, — продолжил он.

— И вы не можете судить об этом.

Свет прислал Алону назад, и если кто-то был уверен, что свет был представителем, некой всезнающей и всемогущей силы, то свет должен был знать результат этого с самого начала и он не сделал ничего, чтобы остановить это. На самом деле, отправив ее обратно, он может иметь хорошие предпосылки, приведшие, к этому событию. Я не знаю, и я не могу судить. И я не позволю Джону и Ордену судить об этом.

— Ты позвонишь нам, прося о помощи, прежде чем, поймешь это, — сказал он с отвращением.

Может быть, но по крайней мере, я буду знать в следующий раз, цену за помощь, и она была слишком высока.

— Не надо. — Мина шагнула вперед, ее рука крепко сомкнулась на моем запястье. — Если она все еще одержима, мне нужно это, Уилл. — Ее глаза умоляли меня, показывая ее отчаяние, куда яснее, чем слова, когда бы то ни было.

— Ты никогда не будешь достаточно хороша, — сказал я ей, и она вздрогнула. — Никто и никогда не будет достаточно хорош для него, потому что, он сам не чувствует себя достаточно хорошим, всегда сравнивая тебя с другими людьми, так же, как он сравнил себя с моим отцом.

Джон с отвращением выдохнул.

— Ты не знаешь, что говоришь.

Я не знал наверняка, но на основе того, что сказала Мина и его реакция на мои слова, я почувствовал, что это довольно удачное предположение.

— Таким образом, ты должна быть той, кто ты есть, кем бы ты ни была. — Сказал я Мине. — Позвони Люси и скажи ей правду.

Она отпрянула, ее взгляд сразу же переметнулся к ее отцу, следя за его реакцией. Это было не хорошо. Его лицо покраснело, и он посмотрел на нее, прежде, чем переключил свое внимание на меня.

— Если ты намекаешь на то, что что-то в моем подразделении работает, не так, как положено... — пригрозил он.

— Не твое подразделение, твоя семья. И ты знаешь, что нет, — сказал я. — Позвони Люси, — снова сказал я Мине.

В этот раз она кивнула, небольшой сдвиг, почти незаметный, но все же это был он.

Я вытащил кресло Лили в коридор. К моему удивлению, священник пошел вслед за нами. Я с опаской поглядывал на него, когда повернул кресло и направился в сторону лифтов, но он не предпринял никаких попыток, чтобы остановить меня.

— Я пытался спасти эту девушку, — тихо сказал он.

— Я знаю Отец.

Я тоже. Их обеих.

— Я не знал, что это может навредить ей, и...

Инвалидная коляска дернулась в моих руках.

Я посмотрел вниз. Все тело Лили дрожало так сильно, что кресло дребезжало, и ее лицо стало зловеще синего оттенка.

Я замер. Того что сделала Алона, было недостаточно. Лили умирала, и сейчас она заберет Алону с собой. Я потеряю их обоих.

— Кто-нибудь, помогите! Нам нужна помощь! — священник побежал по коридору с криками.

Я последовал за ним, одна рука на опавшем плече Лили, а другая на кресле, двигая настолько быстро, насколько я мог. — Все в порядке. Все будет в порядке. — Я просто повторял эти слова, молясь, чтобы я не услышал ее последний вздох. Я привык к мысли жить без Лили. Но Алона? Что я буду делать без нее? Неважно, что иногда она сводила меня с ума, я нуждался в этом — мне нужна была она — в моей жизни.

Несколько человек в форме санитаров подбежали к нам. Священник сделал свое дело.

— Что произошло?

— Что ты увидел?

— От чего ее лечили?

Они задавали мне вопросы спокойными, но настойчивыми голосами, что нервировало меня.

— Я нашел ее в таком состоянии, — в ответ всем им сказал я.

Правда, но неубедительная. Я был уверен, что они не поверили мне, особенно когда они увидели кляп вокруг ее шеи.

Они оттолкнули меня от нее и опустили ее на пол.

Двое из них начали делать искусственное дыхание, пока третий побежал за телефоном дальше по коридору.

Через секунду, весь коридор наводнил медицинский персонал, тележки для реанимации...и миссис Тернер.

Она бросила один взгляд на Лили, лежащей на полу и набросилась на меня.

— Что ты сделал? Что ты сделал с моим ребенком? — Каждое слово сопровождалось ударом.

Я попытался избежать большинство из них, но некоторые достигали цели, каждый с яростью, рожденной от матери, которая защищала своего ребенка.

— Держись подальше! Держись подальше от нее! — миссис Тернер пихнула меня, и я позволил это ей.

Они погрузили Лили на каталку и помчались прочь. Миссис Тернер бегом последовала

за ними.

А я...я ничего не мог поделать, только смотреть и ждать.

Глава 18 (Уилл)

Три дня спустя, и до сих пор, они не позволяли мне увидеть ее. Я знал, что Тернеры забрали ее домой из больницы вчера днем, благодаря кратким и осторожным свежим новостям от отца Хейса, капеллана при больнице. Я уже звонил ему и просил дать мне информацию.

Она продолжала восстанавливаться, и это все что он сказал мне, то есть ничего из того, что я должен был знать. Была ли Алона все еще там? Если была, то все ли с ней в порядке? Могла ли она общаться? Или она теперь в ловушке внутри девушки, которую пыталась спасти?

Вчера я попытался дозвониться в их дом дважды. В первый раз, миссис Тернер просто повесила трубку. Во второй раз, она пригрозила вызвать полицию. Она по-прежнему винила меня за то, что произошло с Лили в больнице. Я определенно не мог ее винить за это. Историю, которую я ей выдал — что я искал торговый автомат, и случайно наткнулся на Лили, без сознания на ее стуле — была слаба в любом случае. Но так как рассказать правду не было и речи, то я своего рода застрял с ложью придуманную на лету в тот день.

Теперь эта ложь, держала меня на расстоянии от Алоны — если она все еще была здесь. Неизвестность убивала меня.

— Ты снова мечешься, — произнесла моя мать, глядя на меня с раздражением, и помешивая тесто в миске на кухонном столе.

— Прости, — сказал я, но не остановился.

Восемь шагов к задней двери, восемь шагов к двери в гостиную, и обратно. Это отчасти было успокоительным в раздражающем, повторном способе.

— Уилл, ты должен дать им немного времени, чтобы приспособиться. Иметь дело с больным ребенком очень тяжело, — сказала она. — Я уверена, что мисс Тернер ни в чем не винит тебя.

Она умело соскоблила остатки брауни с миски, без единой капли жидкого теста поражающий прилавок. Она готовила партию брауни этим днем, чтобы навестить завтра дом Тернеров, предполагая, что они даже позволят ей достичь входной двери. Я не был уверен, перепадет ли гнев миссис Тернер и на мою мать или нет. Я надеялся, что нет.

К сожалению, я должен был плести матери всю ту же историю слабой-задницы, как и всем остальным. Поскольку, объяснение о Ордене было отчасти связано с объяснением о моем отце, и я не думаю, что это было моим местом, чтобы так поступить. Зная, что он скрывал еще больше информации от нее, чем она первоначально думала, только заставит ее чувствовать себя еще хуже. А уж говорить ей об Алоне, потенциально обитающей в теле Лили, несомненно, было и вовсе без всяких вопросов.

Я запустил руки в волосы.

— Но, если бы я мог просто поговорить с ней, тогда я мог бы знать наверняка, что она в порядке.

Мать, конечно, думала, что я говорю о Лили, но ею была Алона.

Больше всего меня беспокоило то обстоятельство, что Алона не делала никаких попыток чтобы связаться со мной. Что все это значило? Я понятия не имел, но все о чем я мог думать, это бесконечные плохие сценарии в моей голове. Как, например, возможно она исчезла, в конце концов, или, может быть, Лили провалилась в кому и похоронила Алону

вглубь под все те слои сознания. Или, может быть, Алона зла на меня за все то, что я сказал ей ранее в тот день, когда мы были одни в больничной палате Лили. Или, может быть, она думала, что я был зол на нее, как был в эти последние несколько минут, прежде чем понял, что она пыталась спасти Лили, а не только спастись самой.

Боже, думая обо всех возможных способах, которыми это могло быть испорчено, живот сжался болью.

— Просто расслабься. Пусть все остынет немного. Сконцентрируйся на других своих друзьях и работе, и, в конечном счете, все наладится

Она наклонилась, открыла дверцу духовки, и загрузила туда брауни.

В конечном счете? Как я мог просто забывать о факте, что я понятия не имел, существует ли эта девушка, о которой я все еще заботился, или нет?

— О, я вспомнила. Сэм посчитал, что твои шины выглядят немного спущенными, поэтому я дала ему твои ключи, в случае, если он должен будет поставить запаску, — сказала она, закрывая духовку и устанавливая таймер.

Я кивнул, но мои мысли были по-прежнему сосредоточены на Алоне и Лили.

— Он говорит, что у тебя имеется три полных мешка для мусора в багажнике, — продолжала она. — С какой стати ты разъезжать с мусором в багажнике?

Мусор? Потребовалась секунда для того чтобы я вспомнил и все встало на свои места. Мешки, которые я забрал у подножия дома Алоны, прежде чем все стало настолько сложным. Мусорные мешки, которые, надо надеяться, содержали бы один или несколько бесценных элементов из ее жизни.

Я прекратил свою беготню. Если Алона все еще находилась внутри Лили, и если бы я мог найти что-то значимое в этих мешках с мусором, чтобы может быть лучшим подарком, чем любой бисквит, и неважно, насколько хорош был рецепт матери. Это может даже убедить ее, если понадобится, выступить против миссис Тернер и настоять на том, чтобы увидеть меня. Конечно, это было лишь предположение и надежда, что я мог подобраться достаточно близко, чтобы показать Алоне/Лили, что я нашел.

Нет, я покачал головой. Я беспокоился лишь об этой части, как понял, что я мог схватить не тот мешок, который бы не имел никакой значимости.

Я последовал к задней двери, мои шаги теперь переполнились целью.

— Куда ты идешь? — спросила мать.

— Разобраться с беспорядком, — ответил я.

Глава 19 (Алона)

— Ты уверена, что готова к этому? — спросила миссис Тернер, когда мы стояли на вершине лестницы.

Я кивнула.

Она взяла одну мою руку и положила ее на деревянные перила лестницы, и затем взяла меня за другую.

— Только не торопись, — предупредила она. — Если ты устанешь, мы можем остановиться.

Но я знала, что не остановлюсь. Я спала на диване в их гостиной и чувствовала себя несчастной по нескольким причинам.

Во-первых, Тернеры любят друг друга, но у них нет денег. Или, по-крайней мере, их было недостаточно, чтобы купить новый диван, который бы не провисал в спинке, угрожая проглотить меня. Во-вторых, никакого уединения. Я не возражала, когда миссис Тернер вставала посреди ночи, чтобы проверить меня. Однако, проснуться в двух дюймах от лица Тайлера, который явно пытался убедиться, что я все еще дышу, было еще один опытом. В-третьих, голоса.

Врачи упоминали обо всех побочных эффектах, большинство из них все еще были из-за первоначальных травм, полученных при автомобильной аварии, но некоторые из того краткого периода, когда Лили... когда мое сердце остановилось. Головокружения, частые головные боли, дезориентация, боли в мышцах и т. д.

Никто ничего не сказал насчет голосов. Это началось в больнице. Но, если честно, я не обратила внимания на это. В больнице постоянно стоял приглушенный шум, включавший голоса из коридора, дверей по соседству и так далее.

В доме Тернеров их невозможно было избежать. Я впервые услышала их вчера. Голоса перешептывались, иногда едва слышно, иногда были ясно слышны, как если бы кто-то стоял рядом с моим ухом. Но там никого не было.

И в какой-то момент вчера, когда я сидела в широком и выцветавшем глубоком кресле в углу гостиной, голос старой женщины, трещавший от возраста, завопил на меня, чтобы я встала.

Когда я подскочила — или сделала что-то близкое к этому, с моей уродливой металлической больничной тростью и моими все еще поврежденными ногами, которые были медлительными и уродливо скрюченными вперед — миссис Тернер спросила меня, что случилось.

Слишком уставшая и взволнованная, чтобы придумать что-то, я просто сказала, что не хочу сидеть здесь, что кресло, казалось, принадлежит кому-то еще.

Вместо того, чтобы испугаться, как я ожидала, миссис Тернер просияла. По всей видимости, кресло принадлежало бабуле Симми — бабушке Симоне — и это было одним из нескольких предметов мебели, который она купила не новым, и она в течение многих лет хранила его, пока была жива, никогда не позволяя никому из внуков сидеть на нем.

Миссис Тернер подумала, что я просто вспомнила это. Я точно не была уверена, что происходило со мной.

Я надеялась, что внизу будет немного тише и спокойнее, или по-крайней мере, будет меньше людей, в упор смотрящих на меня, когда я прислушивалась к чему-то, чего они не

могли слышать.

Я потихоньку спустилась вниз по лестнице в подвал, где находилась комната Лили. Спальни Тайлера и Тернеров находились наверху, но они обустроили Лили в подвале, чтобы дать ей немного "свободного пространства".

Внизу, я нашла себя в небольшой семейной комнате с большим, квадратным телевизором на подставке, еще одним провисающим диваном — этот был еще хуже того, что стоял наверху — и много и много мохнатого коврового покрытия.

Миссис Тернер провела меня через гостиную и дальше по коридору, который привел к двум дверям, одна прямо напротив другой.

— Вот мы и на месте, — сказала она, открыв дверь по левую руку.

Сама комната была выкрашена в светлый и просто белый цвет. Что так же хорошо, потому что ковровое покрытие было ослепительно розового цвета. На стене любой рисунок или цвет краски, скорее всего появился спонтанно. Как если были, вырванные из журналов картинки знаменитостей расположились по всей поверхности стены в виде различных мини-коллажей. Изношенная и побитая двухспальная кровать стояла справа от меня. Бледно-розовое одеяло с каретами, замками и феями соответствовали простыне, которую я помнила по больничной палате.

Отличные друг от друга стол и комод занимали все противоположную стену и затем два больших шкафа заняли самый конец комнаты. Три больших окна растянулись у стене с письменным столом и комодом. Дом был построен на холме, поэтому окна были почти как еще один этаж вместо маленьких подвальных окон расположенных высоко на стенах, как у меня дома.

— Видишь? Мы ничего не поменяли, — гордо сказала миссис Тернер.

Я кивнула. Конечно, это не казалось мне знакомым, кроме разве что проблесков того, что я увидела несколько месяцев назад на фотографии Уилла, Лили и Джуни в этой комнате в прошлом году.

— Здорово, — сказала я.

Я не могла не заметить, что в комнате не было телефона. Я подумала, всегда ли было так или она специально убрала его к моему приезду.

Миссис Тернер отказалась отдать мне мой мобильный, после "инцидента" в больнице. Вот так мы называли это. Инцидент. Они винила Уилла в том, что случилось, даже не смотря на то, что было очевидно, что она не была полностью уверена в том, что именно произошло. Только то, что он был там, так или иначе был вовлечен, и поэтому он должен был быть виноват в этом, в основном, потому что ей было некого в этом винить.

Я надавила сильнее, чтобы он поговорил со мной, но даже не попытался связаться со мной, и насколько я знала, я поняла, что он все еще был зол. У меня не было шанса объяснить ему, зачем мне тело Лили. Он, скорее всего, подумал, что я сделала это только потому, что могла сделать. И если это было причиной, он никогда не заговорит со мной вновь. Мое сердце болело при мысли, что теперь я была одна. Я скучала по нему.

— Ты в порядке, милая? — спросила миссис Тернер. — Ты выглядишь бледной.

— Я думаю, что просто устала.

По правде говоря, я была полностью опустошена. Быть живой намного сложнее, чем я помнила. Конечно, если посмотреть на то, что я находилась в поврежденном теле, которое не было моим, может быть, было неудивительно, что у меня уходило больше сил, чем я помнила.

— Почему бы тебе не прилечь на пару часиков? Ужин, в любом случае, будет готов не раньше шесть, — сказала миссис Тернер.

Упасть лицом на подушку и скрыться от мира ненадолго показалось замечательной идеей.

Я позволила миссис Тернер стянуть одеяла и помочь мне забраться в кровать. Я могла бы сделать это сама, но было приятно иметь помощь.

Она натянула одеяло вверх до моего плеча и заправила его вокруг меня.

— И Блэйки лежит у тебя под подушкой, — прошептала она прежде, чем поцеловать меня в лоб и отступить.

Она вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь. С усилием, я перекатилась на свою сторону и просунула руку под подушку, ища оборванный кусок атласа, названного Лили Блейки, кончиками пальцев. Даже мысль о том, как много микробов может быть на нем, не остановили меня от того, чтобы прикоснуться к нему. Сколько ночей, она лежала здесь, как и я, думаю и гадая о завтрашнем дне? Как долго я буду делать это вместо нее?

Думая обо всем этом, я задремала, и вот тогда начались голоса... снова.

— Это она? — спросил первый.

Говорящей была молодая женщина. Я продолжала держать глаза закрытыми. Там никого нет. Никого. Никого. Никого...

— Думаю да, — сказал еще один голос. На этот раз мужской.

— Я не понимаю в чем проблема, — прозвучал нетерпеливый женский голос. — Итак, она не спит. Я не понимаю, почему он не может нам помочь из-за нее.

Что еще хуже, в этот раз голоса каким-то образом казались знакомыми. Великолепно. Я подружилась с другими фрагментами своего поврежденного воображения.

— Я хочу сказать, что сначала Алона исчезает, не сказав не слова... — продолжила она.

Мои глаза резко распахнулись. Я все еще ничего не видела, но голоса звучали так, будто они исходили из подножия моей кровати.

— Затем Уилл вбивает себе в голову мысль, что эта девушка важнее, чем помочь нам перейти к свету. Эта вещь с Клэри и Тоддом не может длиться вечно. Надеюсь, он знает об этом.

— Лизель, — недоверчиво спросила я, приняв сидячее положение.

Тишина заполнила комнату и продержалась в течение целой секунды.

— Она видит нас? Подожди, ты видишь нас? — Ее голос стал ближе, и я интуитивно попятилась.

— Нет, — призналась я. — Но я слышу тебя.

— Ты еще одна призрако-говорящая? — недоверчиво спросила она. — Такая же как и Уилл?

Я открыла рот, чтобы объяснить, кем я была, но затем остановилась. Если я скажу им, что я Алона и что я сумела завладеть телом, слух разлетится, и достаточно быстро. Сотни призраков выстроятся у больницы, чтобы попытаться войти в следующего несчастного, ничего не подозревающего пациента находящегося в коме? Я не была уверена, что это сработает, раз я не совсем понимала, как это сработало на мне. Но мне не нравилась даже идея об этом.

— Я думаю, да, — смогла сказать я.

— Откуда ты знаешь мое имя? — потребовала Лизель.

— Почему ты не видишь нас? — спросил Эрик.

Я ответила на более легкий вопрос Эрика, надеясь, что они оба примут мой ответ, как ответ для их обоих.

— Понятия не имею, — призналась я.

В теории, я не должна видеть или слышать их, но будучи призраком, я легко могла делать и то и то. Может быть, возможность слышать их было чем-то вроде побочного эффекта, от слияния Лили со мной.

— Хорошо, тогда послушай, у меня есть подруга Клэри, — начала Лизель.

Я мысленно застонала, вообразив еще одну декламацию грязной сказки о Лизель, Эрике и Клэри.

У дальнего окна прозвучал стук.

Я увидела Уилла, его ладони были сложены в виде чашечки на стекле, давая возможно заглянуть внутрь. Мое сердце сделало сальто в груди. Он здесь! Он не мог быть слишком зол на меня, разве не так?

— Скорее, двигайся! — Лизель приказала Эрику. — Если он увидит нас здесь, он еще раз убьет нас.

Я больше ничего не слышала, и потом звук тихого шепота донесся из коридора рядом с моей комнатой. Очевидно, они сбежали.

Я стянула с себя одеяло, немного повозившись с ним, и возблагодарила небеса, за то, что осталась одетой в лучшие джинсы Лили и футболку, и направилась к окну. В тот момент, когда Уилл увидел меня, его лицо расслабилось, и он улыбнулся, жест настолько редкий, что из-за этого я застыла на месте и мой пульс ускорился.

Нет, он совсем не казался злым. Конечно, это было не главной из наших проблем. Как насчет этого? Мы все еще друзья? Больше, чем друзья? И были ли мы друзьями, как Алона и Уилл? Или, как Лили и Уилл? Сможет ли он увидеть настоящую меня, когда я выгляжу, как кто-то другой.

От одной мысли об этом у меня заболела голова и сердце.

Глава 20 (Уилл)

Лили — ну хорошо, на самом деле я думаю и надеюсь, что это Алона — медленно подошла к окну, прихрамывая, при ходьбе ее руки были выставлены перед собой, как будто она была готова подстраховать себя в случае падения.

Она приложила все силы, чтобы одной рукой открыть окно, держась за подоконник другой, для равновесия. Я хотел помочь, но сетка была сделана так, что я не мог добраться до него. Кроме того, я мог прочесть очень знакомое упрямое выражение на ее лице, хотя это было не тем выражением, которое я привык видеть на этом лице.

Наконец ей удалось спихнуть окно и удержать под ним руку, чтобы сохранить его от падения.

— Привет, — сказал я, чувствуя вдруг неловкость и стеснение, как будто это была не та девушка, с которой я всего пару дней назад целовался в кустах. Я имею в виду, это было, но в тоже время и не было.

— Привет, — отступив сказала она, ей так же было не комфортно.

Ее взгляд метался повсюду, кроме моего лица.

Я колебался.

— Я думаю... я просто хотел убедиться, что ты в порядке, после всего, что случилось с Орденом и...

— Лизель и Эрик здесь, — звонко сказала она, предупреждая. — Они просят меня о помощи.

— Что? — Спросил я в замешательстве.

Лизель вылетела из коридора с Эриком, следующим за ней по пятам.

— Ты не должна была говорить ему! — Запротестовала она. — Мы просто пришли посмотреть, кто отнимает все твоё время, вместо нас, — Сказала Лизель мне, надув губы. — А потом оказалось, что она говорит с призраками, как ты.

Я посмотрел на Лили/Алону.

— Я слышу их, но не могу видеть, — сказала она мне вполголоса.

Но это не может быть возможным. Лили никогда не была в состоянии видеть призраков ни до, ни после того, как Алона жила в ней, я был уверен. С другой стороны, Лили чуть не умерла, в то время, когда Алона была объединена с ней. Кто знает, что сочетание предсмертного состояния и призрака внутри тебя, сможет сделать?

— Так, раз вы двое здесь, вы сможете действовать. — Лизель сложила руки на передней части платья. — Я думаю, что если мы поговорим с Клер завтра...

Я вздохнул.

— Эрик, мужик, ты должен сказать.

Он посмотрел на меня.

— Заткнись, Уилл.

Алона/Лили смотрела заинтриговано.

— Какое отношение ко всему этому имеет Эрик? — в замешательстве спросила Лизель.

— Одним словом? Непосредственное. — Сказал я.

Эрик покраснел и смахнул свои волосы от глаз.

— Ты сказал, что я могу выбрать свой момент, — сказал он мне.

— Чувак, у тебя было больше тридцати лет, — сказал я. — Это очень много моментов.

— Ох, — сказала вдруг Алона/Лили. — Он влюблен в Лизель.

Очевидно, что это слияние, не повлияло на сумасшедшие навыки Алоны в наблюдательности. Я добился рассказа Эрика, но она самостоятельно сложила все кусочки.

— Что? — Закричала Лизель и уставилась на Эрика так, будто никогда не видела его до этого.

Эрик оглянулся вокруг, будто отчаянно нуждаясь в побеге, но я ободряюще кивнул ему.

Он откашлялся, прочистил горло, а потом сунул руки в карманы накрахмаленных синих брюк смокинга.

— Ну, да. — Он с трудом сплотнул. — Я влюблен в тебя Лизель. С того дня, как мы погибли. — Он сделал паузу, нервно переминаясь. — На самом деле, до этого тоже, — добавил он, слегка заикаясь.

— Я знаю, ты чувствуешь себя виноватой, как мы предали Клэр, — сказал он. — Но на самом деле, я не чувствовал к ней ничего. Никогда. — Он протянул свою руку и взяв ее за руки повернул лицом к себе. — Клянусь, я узнал, что нравлюсь ей, только после...ну после. — Он покраснел.

— Итак, что я пытаюсь сказать, — продолжил он, — у тебя, возможно, есть и другие причины, для задержки здесь, но я остался и остаюсь здесь, только из-за тебя.

— Ох.

Я не мог из-за спины видеть выражение лица Лизель, но это прозвучало так, будто она плачет.

— Я тоже люблю тебя, — сказала она, всхлипывая. — Я просто чувствовала себя так плохо, потому что думала, что ты и Клер...

— Нет, никогда. Это всегда была ты.

Затем они поцеловались, и я не мог не заметить, обильное количество языка.

Я поморщился и отвернулся.

— Что они делают? — прошептала Алона/Лили.

— В основном, слюнявят друг друга.

Она сморщила нос от отвращения и закатила глаза, что заставило меня рассмеяться. Она все еще оставалась Алоной, хотя возможно и немного другая ее версия. Алона 2.0 или типа того.

Я почувствовал свет, прежде чем увидел его, тепло, которое было сильнее всего на свете. Он пришел сверху, двигаясь, как тягучий луч солнца, принеся с собой какое-то непостижимое чувство, будто узел на ваших внутренностях, наконец-то расслабился.

Он окутал Лизель и Эрика, пока они целовались. Они даже не заметили этого.

Алона/Лили немного обернулась, чтобы посмотреть в их направлении с нескрываемой тоской и завистью.

— Он здесь, верно? Свет? — Спросила она спокойно.

— Да, — сказал я пораженно. — Ты можешь видеть его?

Она покачала головой.

— Я вроде чувствую его. Просто изменение в комнате. Тепло. — По ее щеке скатилась слеза, но я был неуверен, заметила ли она.

Свет усилился, они оба становились ослепительно ярким центром, до тех пор, пока он не стал настолько сильным, что мне пришлось отвести взгляд.

Затем свет начал исчезать, забирая с собой Лизель и Эрика.

Я быстро заморгал, яркий образ пары в свете, на время отпечатался в моем зрении.

— Ты в порядке? — спросил я.

Она кивнула и вытерла свое лицо рукой.

— Мы найдем способ исправить это, — уверенно сказал я. — Для тебя способ уйди в свет, и для Лили остаться и быть в порядке.

Казалось, она не была уверена в этом, и, если честно, я тоже не был.

— А пока, у меня есть кое-что для тебя, — Я нагнулся и подобрал коробку из-под обуви которую я привез.

Немного повозившись, ей удалось поднять сетку.

Я передал ей коробку, в процессе мои пальцы коснулись ее, и странные, почти электрический удар пронзил меня. Мне захотелось взять ее за руки. Но я не стал делать этого.

Она посмотрела на обувную коробку и затем на меня.

— Это мужская обувь, — отметила она. — И если эта картинка верна, то они еще и уродливые. Я хочу сказать, обувь с кисточками, ты наверное шутишь?

Ах, кое-что никогда не изменится.

— Не то чтобы я не была признательна, — быстро добавила она, хотя было ясно, что любая мысль включающая уродливые мужские туфли была полной противоположностью признательности.

Я вздохнул.

— Может, ты просто откроешь ее, окей?

— Тебе придется отнести эти туфли назад в магазин, — сказала она, пока снимала крышку. — Мне будет слишком стыдно, если меня увидят вместе с ними.

Затем она заглянула внутрь и увидела то, что было внутри. Ее глаза расширились.

— Не смог взять много, — быстро сказал я.

Но помимо всего прочего, я нашел несколько фотографий, список одежды, несколько билетов на концерты и крошечный кусочек ткани, заляпанный содовой, который должно быть был ее лентой королевы выпускного бала.

— В мешках было много чего, но я не был уверен, что нужно было брать в первую очередь и...

Она прижала коробку к груди и обняла меня рукой за шею. Она снова плакала, еще сильнее, чем прежде, и все ее тело сотрясалось из-за этого.

Я сильнее прижал ее к себе, мой нос прижался к ее нежной коже шеи. Она пахла цветами и ванилью, свежий сладкий аромат не принадлежал ни Алоне, не Лили, но был какой-то комбинацией их двух, в результате которого появился новый аромат или может быть даже новый человек. Я неловко обнял ее. Угол был странный, она была ниже ростом, чем я.

— Спасибо тебе, — нежно сказала она.

Я коснулся ее блестящих каштановых волос, приглаживая их. Это была не Алона, совсем не то же самое, но это чувство осталось прежним, таким же приятным.

— Не за что. — Я заколебался. — Я не знаю, как называть тебя. То есть, я знаю, кто ты, но я не могу называть тебя твоим настоящим именем и...

Она кивнула и отпустила меня, отступила на шаг назад и потерла лицо.

— Я попросила называть меня Элли. Это похоже на Л.Э, и видимо, Элизабет, второе имя Лили, так что получается хорошо. И сейчас они достаточно счастливы для того, чтобы исполнять все мои желания. — Она грустно улыбнулась.

Я прикоснулся к ее щеке, мои пальцы неудержимо возвращались к ее шраму — символу

того несчастного случая, который пинком привел все в движение, задолго до того, как мы узнали, что это нечто большее, чем один единственный несчастный случай, не имеющий отношения и не связанный ни с чем до и после него.

Она немного отвернулась от меня, позволяя своим волосам упасть вперед, скрывая лицо. Но небольшой порыв, подтолкнул меня вытянуть руку и заправить ей волосы за ухо, а затем снова склониться ближе и запечатлеть поцелуй на ее шраме на щеке. Кожа там, была слегка приподнята, но оставалась теплой, нежной и соленой на вкус, от ее слез.

Ее глаза были большими и карими, но удивление в них было от Алоны. Конечно, сама она ненавидела недостатки в других, так и не терпела их в себе, даже во временной версии себя.

— Спасибо, что спасла ее, — сказал я. — И сохранила себя.

Она отвела взгляд.

— Я не знаю.

— Я знаю, — твердо сказал я. — Все будет в порядке.

Она посмотрела на меня, я думаю, ища уверенность в моем лице. Но когда ее взгляд упал на мои губы, я не хотел ничего больше, чем наклониться вперед и поцеловать ее. Но я сопротивлялся. Это было неправильно. Пока нет.

— Элли, дорогая, ты встала? Я думала, ты отдыхаешь, — Голос Миссис Тернер, донесся до меня.

— Будет не хорошо, если она поймает тебя здесь, — прошипела она, оглядываясь на дверь через плечо. — Тебе лучше уйти.

— С каких это пор тебя стало волновать то, что подумает родители? — спросил я.

Она пожала плечами.

— Я думаю с тех пор, как они начали заботиться обо мне.

Интересненько. Еще одно неожиданное изменение в ней.

— Я вернусь, завтра утром, — предупредил я. — И буду возвращаться каждый день после этого дня, пока они не позволят мне увидеться с тобой.

Затем она улыбнулась, порочные искры в ее глазах, ее прежнего оттенка.

— Хорошо. Мне нравятся немного отчаяния в парне. Это закаляет характер.

Хорошо. Потому что у меня было чувство, что к тому времени когда все это закончится, у меня скорее всего в запасе появится характер — отчаянность.

Но я не собирался сейчас беспокоиться об этом. Я помог ей опустить сетку и окно, наши пальцы еще раз соприкоснулись с тем же теплом, что и раньше, а потом я ушел, прежде чем Миссис Тернер смогла поймать меня. Мне нужно произвести хорошее впечатление завтра, на следующий день и в течение любого времени, которое потребуется, чтобы получить и удержать Алону...Элли в своей жизни. Без нее, жизнь теряла всякий смысл.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности

Моя благодарность: моему редактору Кристиану Триммеру, за наблюдательность к этой книге в хаосе, который был и в предыдущем проекте и помощью найти его. Вы удивительный, и я очень благодарна работать с Вами. Всем в Гиперионе за всю тяжелую работу, которую Вы делаете. • Моему агенту Лоре Брэдфорд, за то, что всегда была настолько спокойной и уверенной. • Линнеане Синклер, за то, что критиковала эту книгу по сумасшедшему графику и все время обеспечивала весьма необходимое здравомыслие и мудрость. • Моим первым читателям — Эду и Дебби Браун, Бекки Дутитт, и моей невероятной сестре, Сьюзен Барнс. • Райану Тернеру за помощь выяснить судьбу колледжа Уилла. • Эйджу и Дане Тэбайон за выслушивания, ободрения, и приготовлении лучшего пюре в мире. • Моим родственникам со стороны супруга, Сью и Дэйлу, за их сильную поддержку. • Моему мужу Грегу, за любовь ко мне даже в те дни, когда писательство не идет и жить со мной невыносимо. •

И наконец, спасибо всем, кто писал на электронную почту, лицам добавленным в список контактов Facebook (да, это слово!), или написавшим, чтобы сказать, как сильно они любят Уилла и Алону. Я так ценю это. Вы молодцы, ребята!

notes

1 "Вперед, собака, вперед!" — иллюстрированная книжка для детей Ф. Д. Истмана.

2 "Маленький домик в прерии", — детская книга Л. И. Уайлдер.

3 Граунд-Зиро — участок в Нижнем Манхэттене площадью 65 000 м², на котором до 11 сентября 2001 года располагался первоначальный комплекс зданий Всемирного торгового центра.